

Гемриил Рахмилов

Истир

КНИГА 4

серии «Горские евреи»

*Издательство
Литературного объединения
горских евреев России*

Москва-2024

УДК 82-94

ББК 84.3

P27

Рахмилов Г.И.

Истир. Книга 4 серии «Горские евреи». – М.:
Издательство Литературного объединения горских евреев
России/ИП Гусейханова В.В., 2024. — 320 с., ил.

Самая автобиографичная из книг автора, включающая повесть «Истир. Последняя еврейка, покинувшая село Аглоби» и очерки. Автор делает особый акцент на судьбах прадеда и бабушки — Рахмилова Пenuила Рахмиловича и Рахмиловой Истир Рахамимовны, погружая читателя в полные драматизма перипетии судеб членов своей семьи, начиная с четвертого поколения предков, на протяжении последних ста лет проживавших на родной дагестанской земле, до массового исхода в 1990-е годы вследствие значительного ухудшения условий жизни и безопасности. Материалом для повести явились собственные наблюдения автора, рассказы очевидцев и тех, кто каким-то образом владел необходимыми сведениями, а также фотографии. Повесть дополняют очерки автора о себе и дорогих ему людях.

*Автор выражает благодарность Владимиру Тарасову
за помощь в работе над книгой*

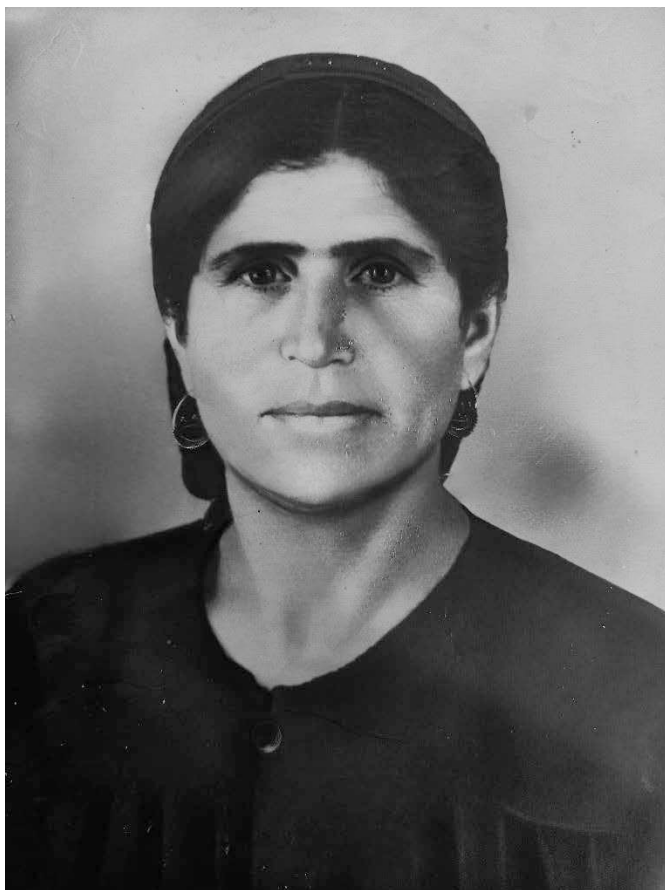
ISBN 978-5-6052907-6-6

**Обратная связь
с автором:**

сайт www.gemriil.ru
E-mail: gemriil@mail.ru

© Рахмилов Г.И., 2024

*Светлой памяти моей бабушки
Рахмиловой Истир Рахамимовны —
ПОСВЯЩАЮ*

Хун ме, чуьжрини туь? Эз қоми чешмегьо ве билогъгьой догъи гъенжирей хъэвес туьре? Ченд дуьлгьой эрхэй эрхэгьоре саламет ве шор сохдей э мэлхъэмлуье зуьм — зуьме гловгьой туьрево? Эз қон-лугъонди қоми чешмей хэлгъи вегирде омори мэгъэно-хъэсуьл иму? Омбар дери ми э гъэд жун ме эзини зевгьер? Белқем, у эрхэгьо бири-рафди, томом бирет, оммо ме еқигъгеюм? Енебуге ме вогоруш эн еқи эз у муьрдегьоюм, довом энунум, енебуге эхир, томом, арт энунум? Чуь мибу, ведешендутьге эз ме и зевгьерэ, хъэсуьл — мэгъэноре? Э чуьрево ме мимунум? Мимунум ги ме?..¹

¹ Эпиграф автора «Хун ме...» на языке джуури

*Кровь моя, откуда ты? Из каких горных родников
напитала себя? Сколько поколений сердец наполнялось
благодатью твоей? Из каких глубин начерпало нашей общей
сути? Много ли таковой во мне? Может быть, те, кто был,
ушли навсегда, а я кто-то совершенно другой? Или я
повторение кого-то ушедшего, его продолжение или
окончание? И что произойдет, если вынуть эту суть из
меня? С чем же я тогда останусь? Останусь ли?...¹*

¹ Перевод эпиграфа автора «Кровь моя...» с джуури на русский язык.

Предисловие автора

Вниманию уважаемого читателя представлена книга, состоящая из автобиографической истории моей семьи по отцовской линии, начиная от четвертого поколения предков до настоящего времени, и очерков, включая короткие эссе.

Информацию для написания повести «Истир. Последняя еврейка, покинувшая село Аглоби» я собирал более десяти последних лет. Ее главная тема — жизнь моей дорогой и горячо любимой бабушки Истир. Немалая часть приведенных в повести историй относится и к моему прадеду Пенуилу, с которым, так же как и с его братом Гьомиилом, внимательный читатель уже мог познакомиться в первых двух книгах серии «Горские евреи». Далее представлены очерки, главными героями которых являются дорогие автору люди, оставившие существенный след в его жизни, к примеру, многоуважаемый учитель математики Мирзоев Садир Экберович и друг детства Ашуров Беньягу Илизович. Очерки отчасти раскрывают мировоззрение автора, его отношение к некоторым понятиям и вещам.

Как известно, цвет чего-либо может быть либо оригинальным, либо составленным из нескольких отличающихся тонов. Превалирование какого-либо из них в палитре приближает к нему получаемый в результате смешения *пантон*¹. Так же, на мой взгляд, происходит и с

¹ Пантон (англ. *pantone*) — стандартизованная система подбора цвета, разработанная американской фирмой Pantone Inc. в 1963 году. Эталонные пронумерованные цвета напечатаны в специальном каталоге,

формированием человека — его внешности, характера, привычек, манер, жестов и пр. Бывает, говорят: «Весь в отца!» или «Абсолютная копия бабушки!» В таких случаях признаки кого-либо из предков доминируют. Градиент этого преобладания может быть разным — от практически полной идентичности с одним из предков до абсолютной непохожести ребенка ни на одного из близких родственников. Я счастлив тем, что получил достаточно общего как от отцовской, так и материнской стороны.

В одной из своих физиологических черт я превзошел всех своих предков. К моему совершеннолетию мой рост составлял 198 сантиметров, остановившись в дальнейшем на отметке 204 сантиметра, при этом основной рывок акселерации пришелся на переходный возраст. В дополнение к этому оттенок моей кожи был значительно светлее, чем у моих земляков-дагестанцев. Эти два обстоятельства нередко приводили меня в отчаяние.

«Почему я такой высокий? Не является ли это патологией, связанной с неординарной работой гипофиза?» — эти вопросы беспокоили меня до самой зрелости. Родственники же припоминали, что в роду, со стороны моей бабушки Истир, ставшей после ее раннего замужества *аглобинкой*¹, были

позволяющая определять необходимый цвет по пронумерованным образцам, созданным смешением разных цветов.

¹ Аглобинка, аглобинец — жители села Аглоби. Аглоби — село в Дербентском районе Республики Дагестан, расположенное в 18 км южнее города Дербента, на правом берегу реки Рубас. Бывший горско-еврейский аул; впервые упоминается в 1813 году. До прихода Советской власти евреи владели здесь 25 десятинами пахотной земли. Во время Гражданской войны в Аглоби была организована самооборона. С 1918 по 1930-х гг. большинство евреев покинуло село. В период коллективизации в Аглоби

высокие люди и даже очень. В качестве аргумента приводили воспоминания о давних похоронах кого-то из ее родственников, яму для погребения которого пришлось в последний момент срочно и значительно увеличивать.

Фото 1. Автор Рахмилов Гемриил (Гена). 1974 год

были созданы еврейские колхозы им. Ленина (19 хозяйств) и «Красный Дагестан» (15 хозяйств).

Однако мой поверхностный анализ говорит о том, что специфический ген роста я мог приобрести и со стороны родственников моей матери. Наглядным примером тому является мой сверстник, двоюродный брат моей матери, сын сестры моей бабушки Атнил Рувинов, рост которого был лишь немногим меньше. Не может же быть простым совпадением то, что два самых на то время рослых человека города Дербента являются родственниками!

Фото 2. Автор (слева) и Рувинов Атнил.
Одесса. 1988 год

Некоторые горожане всякий раз будто не могли поверить в увиденное — отчаянно пялились на проходившего мимо необычного высокого паренька. Они громко высказывали свое удивление. Чем меньше ростом в этой компании был человек, тем сильнее и показательнее было его изумление. Иные норовили догнать и спросить, как же это, почему я такой «длинный». Это было неприятно, надо было как-то реагировать — игнорировать, уходить в себя либо защищать свою честь. Было по-всякому.

По-видимому, поэтому мне было приятно уезжать из родного города Дербента и проводить немало времени в отцовском селении Аглоби. Сельчане знали меня с раннего детства и, уважая личность моей бабушки-вдовы Истир, не позволяли себе никакой дикости. Хочу отметить, что не только мои отец и мать, но и бабушкины внуки и аглобинские дети называли ее *дедей*¹ Истир, или Истир дедей. Поэтому прошу позволения у уважаемого читателя именовать мне в настоящем повествовании бабушку Истир так, как я ее называл всю свою жизнь — «дедей Истир», или «Дедей».

Эта просьба связана еще и с тем, что мою бабушку по матери также звали Истир — они были тезками. Именно ее я и называл «бабушкой». С ее именем связана забавная история из моего детства. До юношеского возраста я называл ее «Бабаира», полагая, что это и есть ее имя. Неожиданностью для меня стало то, что бабушку на русский лад зовут Ира, а Бабаира — это слитное произношение слов «баба» (бабушка) и «Ира». Признаться, я очень рад, что в моем правильном взрослении участвовали две такие прекрасные умные

¹ Дедей, деде — мать, мама. Келедедей, келедеде — бабушка (перевод с джуури).

бабушки. Неоспоримо, было бы лучше, чтобы я знал и обоих моих дедов. Но в нашей стране с ее трагическим военным прошлым иметь оставшимся в живых хотя бы одного деда — вполне себе естественное явление. Я благодарен Господу, что Он позволил мне взрослеть, проживая рядом с этими людьми, познавать опыт правильного отношения к жизни, семье и работе.

Фото 3. Мои бабушки — Рахмилова Истир Рахамимовна и Исакова Истир Илесефовна. Начало 2000-х

Истир — именно так произносят это имя горские евреи в отличие от других диаспор. Наиболее употребляемой в мире интерпретацией является Эстер. Книгу я предпочел назвать именно «Истир» — именем женщины, которая была со мной рядом многие годы; за которой стоит множество достойных особ с таким же именем; именем, которое передавалось

именно таким из поколения в поколение; которое многократно звучало из уст близких и знакомых ей людей; именем, которое обозначено на ее погребальном камне. К слову сказать, на генеалогическом древе моего рода в разных его ветвях Истир является наиболее часто употребляемым женским именем.

Фото 4. *Я отдыхаю, сидя на арбе,
покрытой старым ковром и шкурами из овчины.
Село Аглоби. 1982 год*

Кстати, у горских евреев ряд имен произносится иначе, чем у евреев, проживающих в современном Израиле. Есть имена, которых у них нет в обиходе, а у нас они являются часто употребляемыми. Мое имя Гемриил, а также ряд других имен, на поверку танахических, у них вызывают сомнение. О случае такого непонимания со стороны представителей паспортного контроля в аэропорту Израиля рассказывает представленный в книге очерк «Имя».

Уважаемый читатель, повесть «Истир. Последняя еврейка, покинувшая село Аглоби» основывается на рассказах и воспоминаниях близких мне людей, очевидцев и тех, кому по их характеру всегда есть до всего дело. Эти люди однозначно уверены в правдивости предоставляемой информации. В случае если при изложении мной событий прошлого будут иметь место конкурирующие версии, то я постараюсь привести их все, опираясь на более, на мой взгляд, правдоподобную.

Моя родословная по отцовской линии в четвертом поколении восходит к крестьянской семье уроженцев аула *Карчаг*¹ Дагестанской области Российской империи. Здесь, в живописной долине на берегу реки Карчагсу, проживали

¹ Карчаг – аул, основанный во 2-й половине XVI века, расположен в 40 км юго-западнее города Дербента. В Карчаге занимались виноградарством, культивировали фруктовые сады, шелковичные деревья, рис; занимались выделкой сафьяна, кож, ковроткачеством, вязанием, вышиванием. Иудейская община селения Карчаг — одна из старейших в Южном Дагестане. Предание относит ее происхождение к середине XVII века, то есть к персо-мидийскому переселению евреев в Кубу 1646 года и последовавшей затем новой миграции в Карчаг. Современный Карчаг расположился в 12 км от районного центра Касумкент и 1,5 км к юго-западу от старого аула, считается одним из крупных селений Сулейман-Стальского района.

лезгины-суниты и горские евреи, а местными языками общения были *кюринский*¹ и джуури. По материалам списка населенных мест Дагестанской области, составленного в 1888 году, численность первых — 508 душ (79 крестьянских дворов), евреев — 255 душ (47 крестьянских дворов).

Ближе к XIX веку значительная часть евреев переехала в селения бывшего Кюринского ханства: Мамраш, Ашага-Араг, а немного позже из Ашага-Арага в селение Ханжелькала. Во всех перечисленных поселениях, так же как и в Карчаге, евреи соседствовали с лезгинами. Есть предположение, что ко второй половине XX века большинство горско-еврейского населения, покинув Карчаг, поселилось в городе Дербенте. После ухода жителей там остались фундаменты жилых помещений, развалины мусульманской мечети и три кладбища — еврейское, лезгинское и азербайджанское.

Иудейский некрополь находится на большом глиняном холме, расположившемся над современным селением на юго-западе. Издали на вершине видны остатки крепостных построек, полуразрушенные сторожевая башня и стены, сложенные из песчаника.

Известно только о двух детях моих карчагских пращуров — прапрадеда Рахмила и прапрабабушки Лиё — сыновьях Пенуиле и Гъомииле, доживших до подросткового возраста. Семья занималась преимущественно выращиванием табака на своем небольшом участке. Работали и батраками на более успешных соплеменников.

Помимо крестьянской работы, глава семьи увлекался музицированием, пением и сочинительством. Он был ашугом — пел как сочиненные им лично, преимущественно

¹ Кюринский – предшественник современного лезгинского языка.

экспромтом, так и популярные в то время в народе песни, в том числе *мугамы*¹, исполняя их на языках джуури, местном диалекте *тюрки*² и кюринском языке. Прапрадед владел игрой на музыкальных инструментах, предпочитая игру на *чунгуре*³ («один палка, два струна» — так порой в шутку этот инструмент называли во времена моего детства, хотя струн на нем в зависимости от разновидности было больше).

Сыновья, подрастая, пытались перенять мастерство отца. В этом их поддерживала и мама Лиё, также прекрасно певшая и игравшая на *дэфте*⁴. Однако умение сочинять и исполнять песни в значительной степени передалось лишь старшему сыну Пенуилу, а в дальнейшем и старшему сыну последнего Рахмилу, названного Пенуилом в честь отца. Возможно, это

¹ Мугам — жанр народной музыки, распространенный от Африки до Китая, и потому его можно назвать культурной и музыкальной традицией всего исламского мира. Слово это переводится как «место», «пространство», но гораздо меньшее — так обозначался помост, на котором располагались музыканты. В разных странах оно произносится на свой лад: «макам» — в Турции, «магом» — в Центральной Азии, «мукам» — в Уйгурии, «мугам» — в Азербайджане. Мугаму свойствен импровизационный тип мелодического развертывания на основе определенного мугам-лада.

² Тюрки — тюркский литературный язык, на котором писали с XI по начало XX века. Он использовался тюркскими мусульманскими народами за пределами Османской империи, где применялся сильно подвергшийся иранскому влиянию османский язык.

³ Чунгур (чугур) — инструмент, на котором играют в Кавказском регионе, особенно в Дагестане, родственный чогуру из Азербайджана и чонгури (из Грузии). Он состоит либо из четырех одинарных струн, либо из четырех сдвоенных струн.

⁴ Дэфт — персидский ударный музыкальный инструмент наподобие бубна, используемый как в популярной, так и классической музыке Ирана, Ирака, Сирии, Турции, Азербайджана, Таджикистана и других стран Ближнего Востока.

умение передалось еще через поколение и в части сочинительства досталось Вашему покорному слуге, его старшему праправнуку. Но об этом, конечно, судить не мне.

Сельчане, помимо общих традиционных празднеств, привлекали прапрадеда, иногда вместе с членами семьи, к торжествам (сватовство, свадьба, обрезание, бар-мицва и пр.), что в некоторой степени поддерживало его достаток относительно приемлемым.

Приведу здесь одно мое стихотворение, отражающее атмосферу такого сельского праздника.

Наказ

*На исходе запрошлого века
На завалинке в горном селе
Три родных для меня человека
Светом музыки тянут к себе.
Мой прапрадед слагает мугамы
(Мейхана¹ его ходит в народ),
Пишет скетчи в стихах, эпиграммы,
На досуге сельчанам поет.*

*Как затянет, орлом восседая,
Вдохновенно закрывши глаза,
Про красоты родимого края,
О любви, без которой нельзя,
Об изгнаннике — гордом абреке,
О потерянной юной судьбе, —*

¹ Мейхана (от перс. мейхане — таверна, паб) — самобытная азербайджанская литературная и народная рэп-традиция, состоящая из песни без сопровождения, исполняемой одним или несколькими людьми, импровизирующими на определенную тему.

*Всём, что ценно в любом человеке:
Вере, дружбе, добре и труде.*

*Он без знания нот пел прекрасно,
Сазом¹ чудно владел, кеманчой²,
Приобщал всех своих домочадцев
Ноты нужные слышать душой.
Музичировать все научились,
Вместе с младшеньким — чудный квартет,
Грациозно и четко строчили
Прапрабабушки пальцы о дэфт.*

*Менестрелей своих вдохновляет
Ярко-красным закатом Кавказ,
Кеманча стоном душу терзает,
Прямо просятся слезы из глаз.
Балабан³ пригласит в плясовую,
Пробуждая веселие вдруг,
Четверых мужиков затанцует
Прапрабабушка, вышедши в круг.*

¹ Саз (в переводе с перс. — «инструмент») — музыкальный инструмент наподобие лютни. Распространен в Азербайджане, Армении, Афганистане, Иране, Турции и в других странах Востока, также у курдов, татар и башкир. Является типичным музыкальным инструментом ашугов Азербайджана и Армении.

² Кеманча (от перс. «каман» — смычок) — струнный смычковый музыкальный инструмент наподобие лютни с длинной шейкой. Распространена в Армении, Греции, Грузии, Дагестане, Иране и других странах. Кеманча — обязательный инструмент в ансамблях профессиональной традиционной музыки Востока.

³ Балабан — азербайджанский и иранский духовой музыкальный инструмент с двойной тростью. В Армении он называется «дудук», в Грузии — «дудуки», в Дагестане — «ясти балабан».

*Между танцев несут угощенья
Гости к знавшему виды столу,
Кто пени¹ принесет, кто соленья,
Свежий хлеб, испеченный в тону².
Ходит винная четверть³ по кругу,
Желтый сахар растащен детьми,
Самовар закипает у плуга.
Чаю хочешь? — Налей и возьми.*

*В ранних сумерках — хохот и шутки
И беседы о буднях села,
Кто-то, чиркнув, блеснет самокруткой,
Кто поможет убрать со стола.
Темнота по домам всех разводит,
Чтоб не жгли ни костра, ни свечей,
Завтра с ранней зари на работе,
Будь кумык ты, лезгин иль еврей.*

*Изменились и нравы, и время,
Больше века прошло с той поры,
Их уж нет, но родимое племя*

¹ Пени (джуури) — свежий невыдержанный сыр, приготовленный из коровьего молока. На армянском языке его называют «панир», азербайджанском — «пендир», турецком и туркменском — «пейнир». Все они производные от персидского (древнеиранского) слова — «панир».

² Тону — традиционная печь-жаровня у горских евреев и других народов Кавказа. Печь растапливают древесиной, тесто накидывают прямо на внутренние стенки печи из обожженной глины, по готовности лепешки и иные изделия из теста снимают, легко отлепляя их от стенок.

³ Четверть — стеклянная бутыл с узким горлом. Как мера объема жидкостей известна с XVI—XVII веков, равнялась $\frac{1}{4}$ ведра. В 1885 году объем четверти определялся как 3,0748 литра.

*Постигать продолжает миры.
Мой наказ в этом скромном творенье —
Не терять свою кровную нить,
Чтоб потомок в шестом поколенье
Мог бы память о предках хранить.*

Среди моих *келетегьо*¹ имеются и те, кто прожил свою жизнь стремительно, но невероятно ярко, и те, кто не познал ничего хорошего от этого мира. Среди них, и дядя, и брат моего отца, носившие одинаковое имя — Рахмил. Они погибли при разных обстоятельствах в молодые годы. Немало людей помнит о них, печалится и грустит по ним. Если бы я знал в свое время о судьбе мужчин, носящих такое имя в нашей семье, я бы не назвал так же своего старшего сына.

Я наполнен воспоминаниями о селе Аглоби, которое я полюбил, так как всегда ощущал себя здесь комфортно, оберегаемый и окруженный заботой родного человека — моей дедей Истир. Оно на долгие годы стало домом для четырнадцатилетней городской девушки, которую в голодном 1933 году отец, городской торговец керосином Рахамим, передал в семью своего аглобинского кунака, моего прадеда Пенуила, получив некоторый *рэхьпули*² и избавившись от лишнего рта в доме. Как казалось этим главам семейств, они своевременно обустроили дальнейшую жизнь своих детей.

Жениху, моему деду Гемриилу, на тот момент шел 21-й год, он получил полное среднее образование и обучался в то время агрономному делу в *Школе садоводства, виноделия*

¹ Келетегьо — старшее поколение (старшие) (перевод с джуури).

²Рэхьпули — выкуп, уплачивавшийся родителям или родственникам невесты (перевод с джуури).

и огородничества¹ в Дербенте. В обозначенное время Гемриил и Истир поженились, а первый ребенок у них родился лишь после пяти лет пребывания юной невесты в доме мужа. Можно только представить, сколько слез выплакала Истир в нежном возрасте — ей очень не хватало мамы, младших братьев и родного дома, даже кратковременные выезды девушки к родным в Дербент моими прадедушками не поощрялись.

Из суровых испытаний жизнью и тяжелым трудом Истир выходила с честью, заслуживая уважение немалого количества окружающих ее людей, прежде всего односельчан. Она работала часами в поле и на огороде, не разгибая спины, как будто родилась крестьянкой.

Во второй части повести «Аглобинские истории» я рассказываю об атмосфере села, о реальных историях и приключениях, произошедших здесь со мной, моей бабушкой-труженицей и моими близкими. Эта часть повествования посвящена моим личным воспоминаниям, мироощущению и интерпретациям.

¹ Школа садоводства, виноделия и огородничества (ШСВО) — учебное заведение, образованное в г. Дербенте в 1904 году. В 1926 году на базе ШСВО открылся первый в республике Дербентский сельскохозяйственный техникум. В 1930-м в его состав вводят Дербентский ветеринарный техникум, также созданный в 1926 году. Было утверждено новое «Положение о порядке приема в техникум», согласно которому поступающие проходили собеседование и сдавали экзамены по русскому математике и обществознанию. Обязательным было и медицинское обследование. Педагогический коллектив обновленного учебного заведения составили известные в городе педагоги: Кесслер Е.Е., Картич Е.В., Аккерман Е.В., Вейсман Е.К., Назимов Е.А., Качуров С.Д., Марцвеладзе В.М., Олимпиаде Л.Д., Варинина. В 1942 году Дербентский техникум получает статус Дагестанского сельскохозяйственного техникума.

Фото 5. *Моя бабушка-труженица (вторая сверху справа) с представителями сельсовета*

Повесть завершается описанием родословной — на пяти схемах размещены элементы (ветви) генеалогического древа автора. Внимательный читатель обратит внимание, что наиболее часто встречающиеся имена среди моих близких — это Истир и Исай. Двое из моих прадедов, отцы дедей Истир и дедушки Исая по материнской линии, носили одинаковое имя Рахамим. Оба они были уроженцами Кубы.

В целом моя родословная по материнской линии до пятого колена не менее богата интересными людьми, такими, например, как Худодот и Шохоту. Мой прапрадед-купец привез свою возлюбленную в родной Дербент из Крыма. По тому, что девушка была белолица и имела такое необычное для горских евреев имя, можно предположить, что Шохоту

была, скорее всего, европейской еврейкой, ашкенази, хотя некоторые из моих близких будто бы припоминают, что она говорила на тюркском диалекте и, очевидно, была крымской еврейкой. Что это значит — крымская еврейка? — не знаю, поскольку такого этноса не существует. Возможно, она была из крымчаков или караимов — народов, соблюдавших иудейские законы. Если Господь отпустит мне на это достаточно времени, я попытаюсь найти больше свидетельств, уточню детали и обязательно расскажу Вам, уважаемый читатель, об этом необычном браке.

Занимательного Вам чтения!

Ваш Гемриил Рахмилов

Повесть

Пролог

Раннее дербентское утро 1981 года. Не хочется вставать. Однако, чтобы доехать до села Аглоби, не задыхаясь в перегруженном автобусе, надо прийти к городскому автовокзалу пораньше. Остановка для двух самых популярных маршрутных автобусов, отправляющихся из Дербента, вынесена за пределы автовокзала — на улицу Пушкина. На лобовые стекла автобусов указанных маршрутов прикреплены незамысловатые таблички с чернильными надписями от руки «Белиджи» и «Огни». Стоимость проезда — до 40 копеек и до 20 копеек соответственно.

Будучи подростком, возвращенным в обществе, уважающем старших, я практически всегда ездил стоя. Очевидно, при проектировании автобуса ПАЗ-672 конструкторы никак не предполагали, что, хотя дагестанцы не отличались гигантскими размерами, какая-либо часть пассажиров может быть ростом более 180 сантиметров. Но при моих на ту пору 196 сантиметров было за счастье встать на нижнюю ступеньку автобуса. Люди, как правило, страдали не от небольшой высоты салона автобуса, а от тесноты, множества ведер и ящиков, возвращаемых сельчанами домой с городского рынка. Деньги при входе сразу же передавались водителю. «До совхоза Карла Маркса, — говорили одни, передавая 15 копеек. — До поворота на Хучни», — говорили другие, передавая 20. Мне надо было ехать до остановки «Рубас» — стоимость проезда туда составляла 30 копеек.

По известному только ему расписанию водитель выезжал из города по улице Сальмана на трассу Ростов–Баку —

полторы полосы пыльного асфальта в обе стороны. Ровные ряды виноградников, разрываемых в локуты рядами тополей, открываются слева по ходу движения и тянутся до самого моря. Это земли совхозов «Путь коммунизма» и «Имени Карла Маркса», имеющих свои длинные истории становления. Справа виднеются кажущиеся конопатыми из-за обилия кустарников предгорья, переходящие в гигантские кавказские холмы. В одном из них заметен укрепленный металлоконструкциями вход в пещеру. Все эти великолепия открываются, конечно же, только сидящим пассажирам.

Остановка «Поворот на Хучни». Мне удается глотнуть свежий воздух только при посадке или высадке кого-либо из пассажиров. Пропустив их, я занимаю свою спасительную ступеньку в автобусе. Одна остановка, вторая... И, о счастье, я вываливаюсь из автобуса, глубоко вдыхая воздух свободы — смешанную запахами степных трав гарь асфальтовой дороги с отдаленными чарующими нотками навоза.

Дом моих предков находится на правом берегу реки Рубас. Протекая под трассой Ростов–Баку, называемой также «Кавказ», она через километр делает разворот обратно в сторону шоссе и далее, не пересекая его, извиваясь и петляя около 20 километров мимо еще трех поселений, впадает в Каспийское море. Исток этой реки находится за сотню километров отсюда, на одном из склонов горы *Джуфудаг*¹, под одноименной вершиной Бокового хребта Кавказских гор.

¹ Джуфудаг (это слово с табасаранского языка может переводиться как еврейская гора или как снежная гора) — одноименные вершина и гора в Дагестане. Находится на границе трех районов: Табасаранского, Хивского, Агульского (пик высотой 3015 м) и Кайтагского районов (хребет). В определенный период гора была культовым центром для жителей части

Есть два маршрута, которыми можно добраться от остановки автобуса до дома моих предков, в котором уже много лет в одиночестве жила моя бабушка-вдова, называемая всеми в нашей семье дедей Истир.

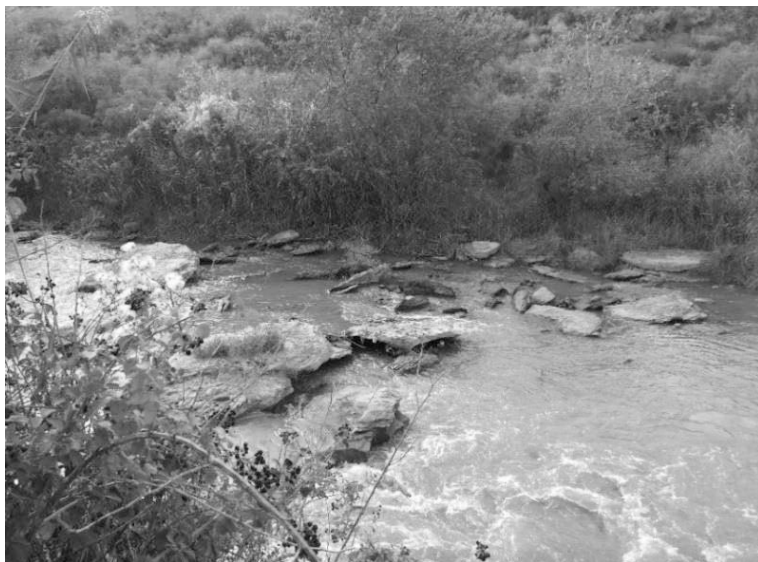

Фото 6. Река Рубас. Место, где можно пройти вброд

Первый маршрут проходит через мост, далее вдоль правого берега реки Рубас, затем вдоль отвесного утеса мимо небольшого водопада. Второй — напрямки через излучину реки: спустившись с утеса, надо перейти реку, перепрыгивая по камням и порогам, чтобы оказаться на противоположном берегу. Когда река полноводна, второй вариант не подойдет: кому захочется раздеваться и преодолевать своенравную речку вброд, стараясь не намочить при этом вещи. Напротив,

Южного Дагестана — табасаранцев, агулов, кайтагцев. Здесь в конце весны—начале лета устраивались многолюдные праздники, а поводом для них служил сбор черемши.

если она обмелела, выйдешь сухим из воды. Однако во втором случае есть другая опасность — пересекая обширное поросшее кустарником плато над оврагом, можно наткнуться на змею, греющуюся на солнцепеке, и тогда любая экономия времени покажется блажью — не побежать бы опрометью от страха.

В юности мне часто снилось, что я, добираясь до села именно этим путем, внезапно оказываюсь в окружении змей. Я просыпался в холодном поту от этого, говорят, врожденного и свойственного большинству людей ужаса. Предполагаю, что неспроста популярна поговорка из художественного фильма того времени «Айболит-66»: «Нормальные герои всегда идут в обход». К тому же виды местного водопада при альтернативном пути завораживают, особенно если смотреть прямо с края утеса.

Наполнение реки Рубас зависит от времени таяния льдов и снега в горах, а также от наличия и силы проходящих дождей. Когда река спокойна, воды в ней прозрачны, в иных случаях они цвета коричневой глины и обладают мощной движущей силой. Не дай бог при купании в реке пропустить внезапный прилив воды — не выберешься!

Как-то мой дядя Александр (дядя Алик), брат мамы, приехав в гости, решил искупаться, казалось бы, в спокойно текущей полноводной реке. Я думал, что он сполоснется в небольшой заводи и выйдет. Однако он прыгнул в середину потока. К моему страху, поводило его в реке как шарик в лототроне. Спасибо, Господи, мой дядя остался жив, не ударился головой о многочисленные каменные уступы и пороги. Синюшные гематомы на его теле со временем сошли. Однако я еще долго винил себя за то, что не уберег его от этого опасного купания.

За рекой ограждениями из проволочной сетки-рабицы, саманными и каменными укреплениями людей встречают сады, огороды и дворы сельских тружеников. По протоптаным ими и уплотненным их телегами, запряженными преимущественно ослами, дорожкам направляюсь в сторону дома. От построенного когда-то моим прадедом Пенуилом на месте перенесенного зернового элеватора дома сохранилась только незначительная, преимущественно подземная часть. Видимые постройки дома была построены уже бабушкой.

Из большой любви к селу Аглоби, где я провел часть своего детства, хочу предложить уважаемому читателю родившееся у меня стихотворение.

Мое село

*Что для меня село — мои родные,
Отцовский дом и старенький погост,
Река, родник, канавы поливные,
Овраг и тополя в огромный рост,
Тяжелый труд, житейские заботы,
Лопата, вилы, тяпка и коса,
И россыпь звезд на чистом небосводе,
Под пятками — прохладою роса,*

*Крик петуха в предчувствии рассвета,
Корова, овцы, птица и осел,
И аппетит, нагулянный работой,
Сыр с хлебом из печи и разносол,
Купанье в речке, радость от рыбалки,
Когда сазан подсядет на крючок,*

*Семейка ласточек в сенях под балкой,
Рулады распеваящий сверчок.*

*Мое село — сады и огороды,
И налитыми гроздьями лоза,
Весенний цвет — триумф самой природы,
И слякоть разводящая гроза,
Собачий лай студеную зимою,
Особый вкус воды из родника...
Не оттого ль село в ладу со мною,
Что так люблю его — издалека?..*

*Да, городской, по духу же — сельчанин,
Пусть и привык к удобствам и теплу,
Но если б жить мне довелось сначала,
Я рад бы посвятить ее селу.
Сказать смогу ль, когда, что жизнью полной
Мне довелось прожить без долов, рек,
Без огорода, без работы в поле,
В гармонии с собой — как человек?*

И вот я подхожу к небольшим деревянным воротам со встроеной на металлических петлях дверцей, за которыми я в очередной раз встречаюсь со своей уважаемой любимой бабушкой — дедей Истир.

Часть 1. Пенуил

Глава 1.1. Дочь старосты

Моего прадеда Пенуила, старшего сына Рахмила и Лиё, 1880 года рождения, наряду с трудолюбием, которого ему было не занимать, умением музицировать и петь, отличали еще неумные балагурство и, как утверждали мои старшие, ранняя тяга к женскому полу. Многие девушки, да и женщины, млели от одного взгляда этого чудесного юноши. Ходили слухи, что симпатии заводили увлекающихся довольно далеко. В радикально патриархальных отношениях того времени на Кавказе такие фриivolности были немыслимы. Однако можно предположить, что и тогда горячих молодых горских людей разного пола тянуло друг к другу. Основания для такой тяги созревали на разного рода празднествах, где молодые люди пели и танцевали, давая другим возможность оценить свой темперамент и грацию, красоту и даже ум. Головки красавиц покрывали лишь легкие шелковые платки. Если повезет, то можно было лицезреть и щиколотки танцующих прелестниц.

Дело дошло до того, что в кристальной невинности помыслов своей младшей дочери стал сомневаться и староста села Карчаг Ирмиё — состоятельный мужчина лет пятидесяти с грубым, но отходчивым характером. Не раз он замечал неподобающую улыбку пятнадцатилетней Мерьё, приходящей домой с прогулки или с выполнения какого-то поручения по хозяйству вне дома. Впрочем, неприятные намеки доходили до него и от доверенных людей.

Сложный для крестьянских хозяйств период конца XIX—начала XX веков совпал с активным развитием рыбных промыслов в Дагестанской области, ежегодно в марте большое количество сельчан направлялось на заработки к побережью Каспия. Сезон ловли сельди длился 10–12 недель, и крестьяне в промежутке между сельскохозяйственными работами могли подзаработать для своих семей. Непосредственно неводным ловом рыбы занимались в основном молодые и зрелые мужчины, а люди постарше и женщины шли на операции очистки и засолки пойманной рыбы и другие необходимые работы на берегу.

Ничего удивительного, что, когда в марте 1897 года в Карчаге отбирали группу из числа крестьян для поездки на ежегодный сезонный лов сельди, Ирмиё настоял на включение в состав бригады старшего сына местного ашуга Рахмила — семнадцатилетнего Пенуила. Отец молодого человека был также рад предоставленной возможности, так как необузданное поведение сына могло привести к непоправимым последствиям. Горячий характер уязвленных изменами жен и грехопадением дочерей мужчин, а также кровную месть никто не отменял. Более того, в общении с Рахмилом Ирмиё настаивал на том, чтобы тот внушил своему сыну остаться на рыбных промыслах и после окончания сезона, чтобы овладеть одной из сопутствующих профессий. В качестве задатка для усвоения такого понимания Ирмиё направил на двор Рахмила несколькими повозками около двухсот пудов навоза со своей фермы и *сажень дров*¹ со

¹ Сажень дров — это русская мера объема, равная приблизительно 3,5 кубометра, а также количество дров, уложенных в поленницу, одинаковую по ширине и высоте, глубиной около 54 сантиметров. На

скудных общинных лесозаготовок. Это, конечно же, серьезно обязывало отца сластолюбивого юноши. К тому же Ирмиё пригласил Рахмила с сыновьями на празднование рождения своего первого долгожданного внука, которому он дал свое имя.

На торжестве был и состоятельный землевладелец Карчага Яагу с сыном Борухом и двадцатилетним внуком. Именно этот молодой человек рассматривался Ирмиё желанным женихом для его Мерьё.

Яагу любил слушать мугамы, исполняемые Рахмилом, особенно на языке тюрки, и очень благожелательно относился к нему и к его семье. Вознаграждение, которое Яагу передавал ашугу после исполнения понравившейся ему песни, всегда превышало средства, которые тот получал за свою работу от хозяев празднеств.

В конце торжества Ирмиё поздравил Рахмила с хорошим исполнением, а также с появлением отличных возможностей дополнительного заработка и получения его старшим сыном новой профессии. Он утверждал, что в Каспии — неисчерпаемый запас рыбы, который дает тысячам людей прекрасную возможность помочь своим семьям.

Находясь в прекрасном расположении духа, Ирмиё громко подозвал к себе Пёнуила.

— Как ты, парень? — улыбаясь во все усы, спросил он.

— Хорошо, уважаемый Ирмиё, — ответил юноша.

— А как тебе мой Шайтан? — спросив это, Ирмиё гордо прошелся глазами по всем присутствующим.

— Прекрасный конь!

отопительный сезон на одну печь требовалась именно сажень дров. Сажень равна 3 аршинам, или 2,134 метра.

— Скоро ожеребится моя Найда. По всем приметам будет жеребчик. Первенец от Шайтана. Обещаю! Вот при всех говорю! Через три года, если ты сдюжишь и оправдаешь наши с твоим отцом надежды, подарю тебе его. Как ты смотришь на такое предложение? — поглядывая на реакцию Яагу и других присутствующих, предложил отец, обеспокоенный за счастье своей Мерьё.

— Спасибо, уважаемый Ирмиё! — Пенуил был рад настолько, как если бы его далекому потомку обещали подарить престижный автомобиль последней марки.

Парень хорошо знал Шайтана, потому что еще до того, как Ирмиё стал подозревать что-то неладное, подрабатывал на дворе у старосты — убирался в конюшне, купал и выгуливал лошадей. В двухлетнем вороном жеребце Шайтане чувствовалась порода. Какая? — Никто заведомо точно сказать не мог. Но уверенность в его благородной крови была у всех и, прежде всего, у хозяина.

— Не посрами там наше село. Ждем тебя через три года, — вдальблывал в голову паренька свое неприкрытое для всех окружающих условие Ирмиё.

Возбужденный перспективой обладать прекрасным жеребцом Пенуил вышел во двор старосты и направился в конюшню к стойлу Шайтана. Обняв коня за шею и поцеловав его в огромный изящный лоб, он абсолютно довольный пошел поглядеть на Найду, ожидающую жеребца. Ему, Пенуилу, обещанного жеребца!

Найда с беспокойством наблюдала, как юноша с интересом ощупывает ее слегка округлившееся брюхо.

— Побереги себя, Найдушка! И моего жеребенка тоже. Я приеду за ним.

— Чему радуешься? — услышал он за спиной голос Мерё и, вздрогнув от неожиданности, присел. — Трогая меня, ты так не радовался.

Через плотную материю чистых выходных штанов парня пробился холод десятилетиями удобряемого лошадыми влажного покрытия конюшни. Из продольной щели в дощатой стене конюшни на юношу с укором смотрели две острые горошины глаз пятнадцатилетней девушки.

— Ну вот, испачкался. Теперь, как я выйду на люди?! — озабоченно заметил Пёнуил, трогая себя за влажный зад и нюхая поднесенные к носу пальцы. — Как же ты меня напугала, сливонька моя!

— Не сливонька я никакая! И не твоя! Тебе бы лишь бы удрать подальше от меня.

— Это не так, милая! Не видишь, с каким напором твой отец выпроваживает меня, даже жеребенка обещает. Отца обхаживает. Не могу же я биться об эту стену.

— Если бы любил, смог бы!

— Хорошо! Давай тогда сбежим вместе.

— Куда сбежим?

— На север, чтоб нас не нашли — в Темир-Хан-Шуру или еще дальше.

— И как мы будем жить? На что?

— Денег своих у меня пока нет, но я трудяга — могу кем хочешь работать. А то и *кеманчистом*¹ к кому-нибудь прибуюсь.

— Отец всё равно найдет нас и убьет.

¹ Кеманчист — музыкант, играющий на кеманче. Кеманча — см. «Предисловие».

— Подожди тогда три года, я получу специальность, обустроюсь и женюсь на тебе.

— Три года? Сумасшедший! Дурак ты. Делать мне нечего — ждать тебя дурака! — в сердцах прокричала Мерьё.

— А если я дурак, то что ты от дурака хочешь?

— Дурак! Дурак! — повторила обиженная девушка, очевидно, с вызовом глядя из щели на оторопевшего Пенуила.

Внезапно темно-карие глаза под сплошной того же цвета линией бровей девушки исчезли из проема в стене конюшни.

— Мерьё! Мерьё! — позвал Пенуил.

Никто не отозвался, и юноша, покинув конюшню, направился домой. «Ничего лучше и придумать было нельзя», — размышлял он. Пенуил рвался уехать — теперь его ничего не удерживало или почти ничего. Настало время что-то изменить в своей жизни, достичь чего-то существенного. К тому же через три года его будет ждать вожденный приз.

Ирмиё же, к счастью и удовлетворению всех сторон, вовремя вмешался в ситуацию, поскольку взаимные ласки молодых людей не дошли до кульминации, но уже были от нее в одном малюсеньком шажочке.

Глава 1.2. Рыбные промыслы

Прежде чем продолжить повествование, позволю себе предоставить уважаемому читателю общую информацию о положении рыбной отрасли в Дагестанской области Российской империи на рубеже XIX–XX веков.

В силу ряда экономических причин ее развитие в Дагестане на протяжении многих столетий было незначительным. Обработка рыбы производилась вручную и давала продукцию низкого качества. В Дербенте в начале 1890-х годов она не являлась предметом вывоза, а потреблялась населением города и окрестных селений. Быстрому развитию рыбной промышленности способствовало строительство Петровской линии железной дороги, позволившей дешево и в короткий срок перевозить скоропортящиеся грузы, что было особенно важно для этой отрасли. С этого времени формируется рыбная промышленность Дагестана на базе крупных вложений, прежде всего русского капитала.

Сельдяной промысел оказывал наибольшее влияние на экономику области. Лов продолжался с первых чисел марта до середины мая. За пять лет после начала эксплуатации железнодорожной линии улов сельди увеличился в 7,5 раза, и в 1904 году весь юг России снабжался петровской и дербентской дешевой рыбной продукцией. Вырос интерес владельцев рыбопромышленных предприятий и к лову осетровых. Осваивались водные угодья по берегам Каспийского моря и по устьям рек Сулак, Самур, Гюльгерычай и Рубас. В 1895 году в Порт-Петровске был построен холодильник вместимостью до 187 тысяч пудов

рыбы. Это был первый на Кавказе случай применения холода в промышленных целях. Затем в селе Белиджи был открыт механический бондарный завод, обеспечивавший весь юг Дагестана тарой.

Наемные русские рабочие играли большую роль в рыбной ловле, но по мере развития сельдяного промысла всё шире привлекалось местное население. В определенный период на промыслах было занято 89,4 % всей рабочей силы области. Рыбу и рыбную продукцию Дагестана вывозили в Петербург, Москву, Ростов, Вену и Берлин.

Однако вернемся к нашему повествованию. Прохладным вечером начала марта 1897 года Пенуил вместе со своими земляками прибыл на один из двенадцати существовавших в то время рыбных промыслов Кайтаго-Табасаранского района. Сезонных работников доставляли на повозках, пропахших рыбой, специально направляемых в села и даже высокогорные аулы области новыми работодателями. Такой же обоз, включающий пять телег с партией работников из 40 человек (37 мужчин и 3 женщины), прибыл из аула Карчаг. До места назначения *ватаги*¹, которая разделялась на две удаленные друг от друга на три четверти версты *тони*², новобранцы добрались в течение нескольких часов.

¹ Ватага – артель, добровольное, обычно временное объединение людей для совместной работы на основе общей ответственности, самоуправления и долевого участия в доходе. Ватага имела в распоряжении три невода, по одному на каждый из двух неводных тони и один резервный.

² Тоня – место на реке или водоеме, на котором производится лов рыбы неводом или другими рыболовными снастями. Рыболовное предприятие в таком месте. Невод забрасывают в воду, протягивают известное пространство и затем вытаскивают на берег. Место, где невод выбирают из воды, называется притонком.

В соответствии с нарезкой участков на лоты на аукционных торгах промыслы раскинулись на сотни километров побережья Каспия вдоль линий рельсового пути, преимущественно у станций железных дорог.

Фото 7. Ватага. Рыбные промыслы

Ватага, куда прибыли карчагские работники, занимала полторы версты побережья севернее устья реки Рубас и восточнее селения *Арабляр*¹. Такая дистанция позволяла двум бригадам ватаги осуществлять вылов практически без влияния на объемы друг друга. На этом участке морского побережья располагались с десяток временных деревянных

¹ Арабляр — ныне село в Курахском районе Дагестана. Расположено на Приморской низменности, в устье реки Рубас, на берегу Каспийского моря. По преданию, жители села происходили из общества Арабляр близ Шемахи, считавшегося потомками аравийцев. По переписи 1895 года в селе проживало 145 человек.

хозяйственных построек для жилья, укрытия для лодок и снастей. Немного дальше от линии прибойа находился *лабаз*¹.

Прибывших разделили и расселили в бараках у двух тоней, расположенных в полутора верстах севернее устья реки Рубас. Пенуила вместе с еще пятнадцатью односельчанами направили на второе, наиболее удаленное место рыбной ловли. Несмотря на сильный ветер и неожиданно сильную беспокойность моря, кругом остро ощущался запах гнилой рыбы, от которого никуда невозможно было спрятаться.

В каждом из заселенных бараков рядами располагались двухуровневые нары, а в торце на их крышах были установлены бочки с речной водой, предназначенные для купания работников.

Утром из-за шторма новым рабочим было предложено собрать весь мусор вдоль побережья, территория которого была зоной ответственности ватаги. Другие работники в это время подготавливали *неводы*², выправляя их, подвязывая разрушившиеся участки шнурками и вычищая их от ссохшихся водорослей и сора.

¹ Лабаз — хозяйственное или жилое помещение, продуктовый склад. В данном случае — строение на ватаге — открытое помещение с сорока пятью рыбосольными чанами размерами от 300 до 1000 пудов, общей вместимоспособностью 30 000 пудов, полочанами, четырьмя каменными ваннами, ледником и бочками для засаливания рыбы. Самый распространенный тип чана — на 600—700 пудов, что соответствует грузу одного вагона.

² Не́вод — крупное сетное отцеживающее орудие лова, состоящее из сетевого полотна и канатов. Основное отличие невода от обьячеивающих орудий лова, например, жаберной сети, состоит в том, что невод — это подвижное орудие лова, и мелкая ячея невода предназначена для процеживания сквозь нее воды при выборке, а не для запутывания (обьячеивания) в ней рыбы жаберными крышками. Длина используемых для промысла неводов колебалась от 250 до 500 саженьей.

После обеда, который состоял из ухи, перловки и хлеба с варевом из сухофруктов, всех новоприбывших разделили по специализациям и тоням. Одна группа была назначена ловцами — неводными и так называемыми «другими», в число которых входили ловцы крючковой самоловной и английской снастью, а также красноловными сетями на лодках. Женщины и оставшиеся мужчины были назначены промысловыми рабочими. Пенуила и еще четырех его земляков определили в неводные ловцы.

В бараке, который им выделили для жилья, помимо еще нескольких туземцев, проживало шестеро русских рыбаков, которые охотно наставляли неопытных работников. При этом они нередко разыгрывали новоприбывших, ничего не смыслящих в рыболовстве, вызывая взрывной смех у обитателей помещения, ранее, вероятнее всего, испытавших такой же невежливый прием.

Было несколько холодновато и сыро. В небольших печурках, установленных в каждом из жилых барачных, постоянно поддерживался огонь. Древесина из недалеко расположенного самурского леса, выбрасываемая волнами возле берега, практически уже была выбрана, и приходилось искать немного поодаль или специально выезжать за ней в сторону леса.

На третий день море успокоилось. На его поверхности появились тюлени и плавающие *мартышки*¹, расположение которых указывало на наличие и местонахождение косяков.

¹ Мартышка — черноголовый хохотун, морская мартышка, чайка-рыболов — крупный вид чаек, живущий главным образом по берегам Каспийского моря и в восточной части Средиземного, также встречается на островах озера Чаны.

И вот наконец Пенуил вместе с еще пятнадцатью ловцами первый раз вышел в море. Важно было правильно расставить невод. Для этого часть рыбаков располагалась на шхунах, другая группа, распределяя сеть, оставалась на берегу и мелководье. Первый вылов особенно впечатлил Пенуила обилием высококачественного *залома*¹, трудностью работы ловца и необходимыми для этого физической силой, сноровкой и мастерством. Его руки болели, да и всё тело ломило уже после первого захода в море. Зная про это, ему и другим новичкам позволили побольше погреться и передохнуть, заменив их при следующем лове.

К концу первого месяца работы неводным ловцом кожа на ладонях Пенуила загрубела, а тело окрепло, как натянутая струна его любимого чунгура. Многие тонкости этого дела стали ему понятны. Если рыбаки ранее подшучивали над ним, то теперь он стал инициатором различных розыгрышей над своими коллегами.

К вечеру посреди тоней разжигали костры, и измученные тяжелой монотонной работой молодые люди, усевшись вокруг огня, пели протяжные русские песни.

Пенуил молчал, он больше рассматривал этих белолицых, светлоглазых и простоволосых женщин, выказывая к некоторым из них нескрываемый дикий интерес. Молодому человеку казалось, что они проявляли к нему полное

¹ Залом (бешенка, черноспинка) — проходная рыба семейства сельдевых. Водится в Каспийском море и является самой крупной из каспийских сельдей, достигая длины до 52 см и веса 2 кг. В отличие от других каспийских сельдей (малоценных по вкусовым качествам) она имеет очень нежное мясо, содержит до 20 % жира и хорошо просаливается. А за отменные вкусовые качества ее называли «царской сельдью».

безразличие. И это его совершенно не удивляло — одно дело горские еврейки, другое — эти небесные светлолицые прелестницы.

Через некоторое время Пенуил освоился. Он запомнил и полюбил немало звучавших здесь песен. Вскоре его чистый, звенящий, как ручеек, голос сначала тихо и скромно, а затем открыто и достойно проявился в общем хоре. На молодого человека обратили внимание — у него начали зарождаться определенного рода интриги, которые позволили ему в какой-то мере жить полноценной жизнью.

Единственным музыкальным инструментом в ватаге была гармонь, принадлежавшая Григорию, одному из заматеревших в тяжелом рыбацком деле ловцов. Когда на то было позволение приказчика, он под многочисленные аплодисменты показывал свое мастерство.

Пенуил напросился к Григорию в его бригаду ловцов и подружился с ним. Сорокалетний на вид мужчина с широченными запястьями рук и проворными пальцами, бегающими по казавшейся крошечной в его руках гармонии, преподавал юноше несколько уроков игры, а Пенуил удивил его быстрым овладением инструмента и легким проигрышем местных национальных мелодий.

К сожалению, барак, в котором проживали Григорий и Пенуил, вскоре сгорел, когда все его обитатели находились на работе. Пожар, причиной которого, предположительно, послужила искра из печи, уничтожил все личные вещи, деньги и ценности рыбаков, в том числе и гармонь.

Так как Пенуил отправлял существенную часть заработанных денег домой, он потерял немного. А невозможность музицировать оставила его навсегда недоученным гармонистом.

В конце 1898 года в связи с кратным увеличением спроса Белиджинскому заводу по производству бочек срочно понадобились люди, и Понуил после полутора сезонов работы ловцом и промысловым рабочим перешел туда. Условия жизни и труда здесь были значительно лучше, чем на берегу. А главное, перейдя сюда, он не нарушал своего соглашения с Ирмиё, окончание которого он ждал с большим нетерпением. К концу своей «ссылки» Понуил овладел навыками ремесла бондаря и ряда сопутствующих профессий.

Фото 8. Бондарный завод — производство бочек

Глава 1.3. Возвращение

Отработав оговоренный с Ирмиё период времени, в конце марта 1900 года Пенуил объявился в родном селе.

Как уже известно уважаемому читателю, он отправлял заработанные деньги домой, однако на этот раз поступил иначе, чтобы привести свой внешний вид в подобающий рабочему человеку порядок. Пенуил приобрел новую одежду, сапоги и достойного вида кинжал. Не хватало только коня, на котором молодой человек хотел появиться на пороге родительского дома. С этой целью он направился напрямик к усадьбе многоуважаемого старосты.

Хозяин, к счастью, оказался на месте. Выражая, казалось, искреннее радушие, он проводил гостя в дом, посадил за стол и расспросами уводил Пенуила от неудобного, по-видимому, для себя разговора. Молодой человек узнал о том, что ему было уже известно от земляков: Мерьё вышла замуж за сына местного владельца мельницы и торговца мукой, и у счастливого Ирмиё уже родились внук и внучка. Мужчины произнесли несколько тостов за их здоровье и благополучие. В какой-то момент хозяин дома стал выпроваживать так неожиданно объявившегося и уже порядком захмелевшего молодого гостя. Выйдя за ворота, Пенуил повернулся и, ухватившись за рукав улыбающегося как прежде во все усы старосты, спросил:

— А жеребец? Когда отдадите моего жеребца, потомка Шайтана?

Улыбка на лице Ирмиё сменилась гримасой гнева. Его густые брови мгновенно сошлись домиком.

— Что?.. Пошел прочь, негодай! Я тут его принимаю как дорогого гостя, угощаю вином. А он?.. Да как ты смеешь?! — завопил мужчина и, резким движением руки смахнув папаху с головы Пenuила, отступил к воротам своего дома. Пока опешивший Пenuил поднимал с земли свою папаху, староста закрыл ворота. — Наглец! Надо же какой наглец! — зарычал Ирмиё напоследок.

Пenuил бросился на появившуюся между ним и старостой преграду, пытаясь плечом выворотить ее. От обиды и унижения на его глаза навернулись слезы. Из уст молодого человека неожиданно для него самого выплеснулась такая тирада ругательств, которую эти края прежде не слыхивали. Это был преимущественно русский мат с элементами тюремного жаргона — рыбацкая лексика, невольно впитанная Пenuилом за последние три года.

Выговорившись и отчаянно бросив в ворота поднятый у порога огромного размера речной камень, несостоявшийся владелец жеребца немного успокоился. Однако обида болью в груди вернула его к произошедшему.

«Выкраду!» — созрела идея, которую он тотчас решил реализовать.

Улучив момент, молодой человек перелез через стену и пробрался в конюшню Ирмиё. Для Пenuила это не было проблемой, как и вывести коня из конюшни (так он считал), оставшись незамеченным для домочадцев. Зря, что ли, он работал на этого лжеца-старосту?! Увидев жеребца в ближайшем от кобылы Найды загоне, Пenuил узнал его. Узнал, хотя и никогда не видел. Красавец! Высокий, стройный, гнедой с ослепительно сверкающими черными гривой и хвостом! Именно таким Пenuил представлял его в мечтах.

Молодой человек наполнил ведро овсом и, открыв загончик, поднес жеребцу, который явно не ждал непрошеного незнакомца. Животное, заржав, с опаской отстранилось. Его ржание поддержала и стоявшая рядом Найда. С ласковым обращением «красавец!» и предложением угощения Пенуил решил приблизиться и после нескольких попыток всё же дотянулся до шеи жеребца. Поглаживая, он успокоил его. Затем, накормив из рук, осторожно надел на него находившиеся здесь же узду и седло.

Хлопнула дверь у ближайшей хозяйственной пристройки. Оттуда вышли Ирмиё и паренек лет четырнадцати. Жеребец тут же отпрянул от Пенуила, но молодой человек, стараясь успокоить, придержал его и, прислушавшись, неожиданно для себя стал свидетелем разговора хозяина дома со своим младшим сыном Мушоилом:

— Хватит дурака валять. Ты почему не в *нубохунде*¹, где тебе положено сейчас находиться, а на кухне, когда до обеда еще два часа. Делать нечего? — возмущался староста.

— Мердехэй *мегълуйм*² заболел, всех отпустил до завтра, — оправдывался Мушоил.

— Хорошо, я спрошу у рабби, — приподняв кверху указательный палец, пообещал проверить сказанное сыном Ирмиё. — А теперь возьми *сидур*³, садись здесь и охраняй Сахиба, чтобы его не украли.

¹ Нубохунде – общинная горско-еврейская школа для мальчиков.

² Мегълуйм – уважительное обращение к учителю (учительнице), наставляющему, передающему опыт и знания; также используется в сочетании с собственными именами.

³ Сидур – традиционный еврейский молитвенник. Слово «сидур» означает «порядок», поскольку в молитвеннике все молитвы приводятся в надлежащем и фиксированном порядке. Стандартный сидур обычно содержит текст трех ежедневных молитв: шахарит (утренняя молитва),

Ирмиё посадил сына в тени на скамейку под навесом, на котором размещались две огромные скирды сена, заготовленного в прошлом году. Она находилась недалеко от ворот во двор жилища Ирмиё и напротив входа в конюшню.

— Вот как тебя зовут, мой мальчик, — произнес Пенуил, продолжая гладить жеребца. — Сахиб! Прекрасное имя!

Дождавшись, пока хозяин дома ушел, молодой человек взял коня под уздцы и вышел во двор. Охранявший лошадей сын старосты встревожился, привстал и подошел к Пенуилу, интуитивно расположившись спиной к воротам.

— Ты что делаешь? — спросил он.

— А-а, Мушоил! Привет! А ты возмужал, — не глядя в сторону парнишки, заметил Пенуил. Он подвел жеребца к воротам и попросил Мушоила открыть ворота.

— Нет, не открою! — возмутился подросток, потянувшись за стоящими рядом вилами.

— Откроешь! — произнес Пенуил и, подойдя к парню, влепил ему такую пощёчину, что тот упал на землю.

Пенуил, легко передвинув задвижку, открыл ворота и вывел коня. Затем он не без труда взобрался на седло. Сахиб встал на дыбы и, отбрасывая копыта, старался сбить дерзкого седока. Однако физическая форма новоявленного всадника, недавнего рыбака и бондаря была в отличном состоянии, и конь предпочел, немного поартачившись, усмириться.

— Вот так, Мушоил! — крикнул Пенуил убежавшему с вилами за ворота парню. — Поверь, я ничего не ворую — я беру свое! Привет отцу!

минха (дневная молитва) и маарив (вечерняя молитва). В сидуре также приведены молитвы на субботу, рош-ходеш (новомесячье) и основные молитвы на еврейские праздники Песах, Шавуот, Суккот.

Пока Мушоил думал, что предпринять, Пенуил с Сахибом уже свернули в проулок. Не заезжая домой, Пенуил направился в аул Мамраш к старому отцовскому кунаку — зурначу Шебетею. По дороге он встретил своего сверстника и попросил передать отцу, что он у его товарища.

На следующий день староста Карчага созвал людей на собрание. Присутствовали аксакалы, рабби и несколько состоятельных сельчан. Сюда же был приглашен ашуг Рахмил.

Сообщая о произошедшем — похищении жеребца и вопиющем избиении его сына, Ирмиё еле сдерживал свое раздражение. Он с возмущением требовал возврата похищенного и изгнания Пенуила из села.

Однако сразу всё пошло не так, как рассчитывал староста. Один из состоятельных торговцев Илиову попросил слово и напомнил ему:

— Уважаемый Ирмиё, прошло более десяти лет, как мы назначили Вас старостой нашей общины и даже переизбирали не один раз. Да и сейчас у нас нет намерений поручить эту достойную ответственную должность кому-то другому. Ваша работа нас устраивает. Вы радуете за общественные интересы в той мере, в какой у Вас есть на это способности, — здесь Илиову сделал паузу, а потом продолжил: — Но сейчас, когда дело коснулось Вашего собственного интереса, Вы ведете себя неподобающе. Чего вы ждете от нас? — спросил мужчина, оглядывая присутствующих. — У многих из нас свежо в памяти Ваше громкое заявление трехлетней давности о том, что Пенуил получит этого самого жеребца, если уберется с Ваших глаз долой на три года. Три года, я так понимаю, прошли. Есть ли из присутствующих кто-то, имеющий опыт работы на рыбных промыслах? Я не понаслышке знаю, какие трудности молодому человеку

пришлось испытать там, чтобы выполнить соглашение с Вами. Может ли быть справедливым то, как с ним решил поступить взрослый мужчина, к тому же староста села?

Вопрос повис в воздухе.

На совете присутствовал единственный свидетель произошедшего и одновременно, со слов старосты, пострадавший — Мушоил. Тот, в свою очередь, сообщил о том, что произошло, и слово в слово передал всё, что сказал похититель. На просьбу показать последствие нападения Пенуила: рану или синяк — парнишка, судорожно ощупывая свое лицо и шею, ничего существенного предъявить не смог.

После дальнейшего неспешного обсуждения, слово запросил редко когда-либо высказывающий свое мнение восьмидесятипятилетний совершенно сухой на вид аксакал Зерехьиё. Никто не ожидал, что настолько значимо сейчас прозвучит его твердый голос в поддержку молодого конокрада:

— *Хуб сохди гІэил! Рэхьмет! Хуб сохди! Дузире гуфдири. Эн хуьшдере вегуьрди!*¹. — Ирмиё попытался что-то возразить, однако Зерехьиё грубо прервал его, приподняв свой ореховый посох и буквально припечатал его словами. — *ЛэгІэйтуйре сэхт сох, нуьш э жигей хуьшде. Ненгье ме эз туь кемлей келете нисдуйм? Хуб сохди гІэил! Имогьой е тэгъэ гофишь ме гу эз тоун дуьзди!*²

¹ Хуб сохди гІэил! Рэхьмет! Хуб сохди! Дузире гуфдири. Эн хуьшдере вегуьрди! – Правильно поступил, парень! Молодец! Правильно поступил! Правду сказал. Свое забрал! (Перевод с джуури.)

² ЛэгІэйтуйре сэхт сох, нуьш э жигей хуьшде. Ненгье ме эз туь кемлей келете нисдуйм? Хуб сохди гІэил! Имогьой е тэгъэ гофишь ме гу эз тоун дуьзди! – Закрой свой рот, сядь на свое место. Или я немного не старше тебя? Правильно поступил, парень! Теперь ни одного ничтожного слова не смей произнести о воровстве! (Перевод с джуури.)

После произнесенного никто не осмелился что-то далее обсуждать. Пенуила поддержало большинство мужчин, в том числе и Яагу, попеняв Ирмиё на неисполнение данного им самим обязательства и наказав Рахмилу, чтобы тот велел сыну безбоязненно возвращаться домой.

— Пусть седло вернет, — только и нашелся что вставить огорченный решением собрания староста.

Вернувшийся в Карчаг Пенуил приятно удивил своих односельчан внешним спокойствием и выдержкой, особенной статью и достоинством, уважительным и предупредительным обхождением с людьми. И эта перемена не осталась незамеченной состоятельным землевладельцем Яагу, который, как уже было указано ранее, относился с уважением к семье местного ашуга Рахмила. Пожилому человеку импонировали твердый, неуступчивый характер Пенуила, напоминавший ему собственную молодость, его исполнительность и преданность, а еще, что не менее важно, молодой человек великолепно пел, подыгрывая себе на чунгуре. А Яагу слыл мугамоманом и имел слабость к чарующему певческому мастерству. Может быть, поэтому он назначил Пенуила помощником Аго, мужа своей старшей дочери и управляющего своими землевладениями в *Хош-Мензиль*¹ и Аглоби.

¹ Хош-Мензиль — упраздненное село в Дербентском районе Дагестана. В 1972 году включено в состав села Рубас. Располагалось в 20 км южнее г. Дербента, на левом берегу реки Рубас, вблизи моста через федеральную трассу «Кавказ». В переводе с тюркских языков «хош манзиль» означает «приятное место». Одно из исторических мест проживания горских евреев на территории Дагестана. С начала XX века сюда переселились русские, украинцы и белорусы, которые, помимо сельского хозяйства, занимались развозом соленой рыбы из промыслов на станцию и ее продажей. По данным на 1929 год село Хош-Мензиль

Молодой человек, окрыленный поддержкой односельчан, прекрасно справлялся с порученной ему новой работой, находясь в постоянных разъездах между домом и конторой в Хош-Мензиле. Теперь Пенуила труднее было заставить пешим, чаще его видели восседавшим на своем Сахибе.

Это было лучшее время в судьбе молодого человека. Достаток, прекрасный конь и, что скрывать, обожавшие его женщины — о чем еще можно мечтать? Было время и для работы, и для сочинительства, и для пения и музицирования, что, казалось, самой природой было заложено в Пенуиле. Он очень любил эти занятия.

Теперь на различных празднествах, помимо исполнения песен отцом, просили спеть и его старшего сына Пенуила, тексты которого привлекали особенной внутренней грустью и болью, а также тонкой иронией.

состояло из 82 хозяйств, в административном отношении являлось центром Хош-Мензильского сельсовета Дербентского района (в сельсовет входили следующие села и кутаны: села Аглоби, Куллар, Рубас, Коммуна, Хош-Мензиль, Музаим, Алмалук, Курали; хутора Гаджи-Ятаг и Хазаян; Баятлар-Кутан, Ботман-Ятаг, Большой Калаган, Малый Калаган, Карагач-Кутан, Кафтар-Кая, Куллар-Кутан; Араблинские железнодорожные разъезды и казармы). В 1930 году на базе сельскохозяйственных земель и инвентаря поселений, входящих в состав Хош-Мензильского сельсовета, создан колхоз «Имени III Интернационала». С 1934 года его председателем был Фёдор Бондарь, который навел порядок и дисциплину, и колхоз стал передовым в республике. Председателем сельского совета работал в 50-е годы участник Великой Отечественной войны Симхо Мигирович Авдалимов. К этому времени все евреи села переехали в Дербент. В 1965 году колхоз был преобразован в совхоз «Путь Ленина», который занимался овощеводством, виноградарством, животноводством.

Глава 1.4. Несчастья

Спустившаяся для семейства ашуга Рахмила с небес как подарок идиллия продолжалась до следующих печальных событий, уже известных читателю предыдущих повествований. Ранним январским утром 1905 года по пути из Карчага в Кубу, прямо на дороге, бандитами, возможно, воодушевленными бушующим в то время революционным движением, были убиты Яагу, глава одного из богатейших родов селения Карчаг, вместе со своим стряпчим и возницей. Убийц по горячим следам не нашли. По скоплению конных следов на месте расправы и отсутствию каких-либо ценностей у погибших основное подозрение пало на Нурали с его бандой. Однако в связи с общей слабостью власти в то время расследование не было завершено.

И теперь, в конце третьей недели отсчета *омера*¹ 1905 года (5665 года по *еврейскому календарю*²), через

¹ Омер — древняя единица измерения объема зерна. На второй день Песаха в знак разрешения есть зерно из нового урожая в Храме приносился в жертву омер ячменя. На 50-й день после начала отсчета, соответствующий празднику Шавуот, в жертву приносились два хлеба из нового урожая пшеницы. Отсчет омера отражает духовную подготовку и ожидание дарования Торы, данной Богом на горе Синай в начале месяца сиван, когда празднуют Шавуот.

² Еврейский календарь — солнечно-лунный календарь евреев, официальный календарь в Израиле наряду с григорианским. По этому календарю отмечают еврейские праздники, читая соответствующие главы Торы в синагогах, дни рождения и дни памяти умерших родственников, проставляют даты на официальных и коммерческих документах. Начало летоисчисления соответствует 7 октября 3761 года до н.э. Месяцы и Рош ha-Шана (Новый год) начинаются в новолуние, благодаря чему каждая дата приходится на одну и ту же фазу Луны.

несколько месяцев после убийства Яагу, раздраженный неожиданным оскорбительным поражением своей банды в ауле Мамраш разбойник Нурали ворвался в Карчаг, чтобы выместить злобу на соплеменниках своих обидчиков.

Для пущей уверенности в исполнении своих намерений, остановившись в лесополосе в нескольких километрах от Карчага, главарь банды созвал своих представителей из всех близлежащих поселений. В течение двух часов с этого момента количество бандитов перевалило за сотню.

Приближался вечер субботы, когда банда из гогочущих разбойников напала на село. Местные мужчины-евреи в это время находились в большинстве своем в синагоге, предаваясь молитвам. Женщины завершали последние приготовления праздничного застолья, обилие которого зависело в основном от достатка хозяев. Дети также были воодушевлены предстоящим торжеством.

По указанию Нурали основная часть его бойцов окружила синагогу, намереваясь задержать мужчин в ее пределах. Лошади некоторых прихожан, находящиеся на привязи рядом с синагогой под специальным навесом, были немедленно отвязаны и угнаны в неизвестном направлении. Прошло некоторое время, прежде чем молящиеся высыпали во двор синагоги. На головы и плечи некоторых был накинута *талит*¹. Увидев направленные на них стволы ружей, прихожане нервно, будто бы ожидая какого-либо открытого действия, взяли за кинжалы. По земле, прямо перед их ногами бандиты, пытаясь психически воздействовать, производили выстрел за выстрелом, с той же целью они непрерывно

¹ Талит – молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

палили в воздух. Рабби и мегълуьм местного нубохунде Мердехэй, Ирмиё, а также двое престарелых мужчин выступили вперед, пытаясь вразумить всадников, что не стоит гневить Господа, развязывая бойню возле синагоги.

В остужающемся после знойного дня вечером воздухе слышались непонимающие возгласы и реплики:

— Что случилось? Что произошло? Что опять вам нужно от евреев? Мы не хотим воевать и так же, как все, хотим жить в мире и растить своих детей!

Главы состоятельных семей селения и среди них с недавнего времени глава семьи Исроиловых сорокадвухлетний Борух и шестидесятилетний муж его старшей сестры Аго настороженно ожидали развития событий. В какой-то момент перед оказавшимися в ловушке мужчинами оказался Нурали. Удовлетворенно посматривая на пойманное им врасплох иудейское племя, он произнес:

— Слушайте все сюда! Всё, что происходит здесь, неспроста, и вы это давно заслужили, — и, воинственно обратившись в сторону Боруха, стал перечислять свои претензии. — Во-первых, со времени гибели уважаемого Яагу я не увидел желания договариваться со мной ни от его сына Боруха, ни от вашего старосты Ирмиё. А между тем эти несколько месяцев вас никто не донимал своими запросами. Во-вторых, — лицо Нурали резко побагровело, и он окинул взглядом всех застигнутых врасплох мужчин, — ваши соплеменники из Мамраша, среди которых немало уроженцев из вашего селения, осмелились сегодня сделать вызов устоявшемуся порядку. Вместо того, чтобы платить скромную плату за мою защиту и покровительство, они решили воспротивиться, создав вооруженный отряд. Среди зачинщиков некий Беньягу и староста аула, — он снова

перевел хищный взгляд на Боруха, — да, Борух, это твой старший брат Исроил. В оговоренный для платежа день он решил повести себя крайне дерзко, осмелившись противостоять мне. — Наступила тишина, даже бандиты приумолкли. — За это я решил наказать вашу общину, — нарочито вполголоса произнес Нурали. — Для начала я забираю у вас всех лошадей.

Никто из присутствующих евреев из страха не попытался возразить такому хамскому решению. Не получив в ответ возражений, Нурали воодушевился:

— Будете вести себя благоразумно, до предстоящего через месяц сбора урожая я вас больше не потревожу. Если же у вас найдутся подражатели мамрашским ублюдкам, то прольется кровь, прежде всего семейства Исроиловых.

— Что тебе мало нашей крови, убийца? — возмутился Борух и, вынув кинжал, бросился на Нурали.

Однако он был немедленно сбит кнутом одного из всадников и упал лицом на пыльную землю. Вслед ему бросился Аго, но что этот пожилой человек мог сделать против молодой гогочущей от его усилий банды. Он тоже был низвержен и теперь беспомощно лежал на земле.

— Твой отец Яагу не был так жалок, — глядя на Боруха, прокрипел зубами Нурали. — Он не был умен, хотя и не оставлял меня без даров. Однако он был более щедр в отношении русских, рассчитывая, наверно, что их полиция и жандармы помогут ему избавиться от моей опеки. Глупец! Надо было платить мне. Мне, Нурали — истинному хозяину этих мест, а не этим самым ненасытным пришлым мздоимцам, — вынув откуда-то белый платок, Нурали подбросил его лежащему Боруху со словами: — На, утрись!

На мне нет крови твоего отца. У него, по-видимому, было слабое сердце.

Нурали помолчал несколько мгновений. Потом, глядя на устремленные в его сторону глаза евреев, что есть мочи захохотал во всю грудь. Его немедленно поддержал хор из десятка восседающих рядом на скакунах бандитов.

Удовлетворенный произведенным эффектом Нурали всё же высмотрел в возмущающейся его наглости толпе евреев местного ашуга Рахмила, зло сверлящего его глазами. Подозвав того поближе, бандит обратился к нему.

— Уважаемый *хундегор*¹, а где твои сыновья? Что, они не посещают субботней молитвы или дома, возле своей мамочки, ждут тебя?

— Не знаю. Они люди взрослые, — стараясь не проявлять своего возмущения, ответил Рахмил.

— Настолько взрослые, что примкнули к мамрашским ублюдкам? Да, мои парни, кажется, приметили их в Мамраше. Но что они там делали?

— Не знаю, где они, это их дело.

— Ладно, с ними я разберусь. А помнишь ли ты, уважаемый ашуг, что я просил тебя сочинить мугам про настоящего *гачага*² — гачага Нурали, борца за справедливость, защитника угнетенных тружеников Южного Дагестана и Бакинской губернии? Помнишь? А ну, отвечай!

— Помню, — произнес Рахмил.

— Помнишь, так пой, а мы все слушаем.

— Не буду. Не буду петь.

¹ Хундегор, мэгнихундегор – певец, тец (перевод с джуури).

² Гачаг – дословно «беглец» на языке тюрки. Название разбойников, бандитов в Азербайджане; человек, ушедший в горы, живущий вне власти и закона.

— Почему это? Про гачага Наби вон как задушевно поешь, а про меня не будешь?

— Гачаг Наби был настоящим защитником бедных и обездоленных. Таким же защитником для нас был уважаемый Яагу. А ты... Ты обыкновенный кровавый убийца. Шайтан.

Услышав это, Нурали побагровел. Два тяжелых оскорбления за один день он прощать не намеревался. Резко вынув саблю из ножен и приблизившись на коне к своему обидчику, немолодому ашугу, он с размаху рубанул по подставленному для защиты плечу несчастного. Казалось, бандит разнес ашуга на части. Односельчане ахнули, отступив от упавшего на землю кровоточащего тела. Талит Рахмила мгновенно обагрился пятнами.

— Сжечь! Немедленно сжечь дом и всё хозяйство этого пустослова! — истерически прокричал Нурали. Тут же несколько всадников вместе со своим главарем отъехали от синагоги в сторону дома Рахмила. Трогаясь, Нурали скомандовал оставшейся у синагоги небольшой части бандитов: — Стрелять в каждого, кто двинется с места.

Крошечная сакля ашуга, двери в которую намеренно заблокировали снаружи, была подожжена. В этом огне погибла хозяйка жилища — моя прапрабабушка *Лиё*¹.

В этот вечер убили еще двоих жителей Карчага, случайно попавшихся под горячую руку бандитов. Пролив кровь и прихватив с собой в качестве компенсации целый табун изъятых у карчагцев лошадей, Нурали, наконец-то, был

¹ По некоторым свидетельствам прапрабабушка Лиё не погибла в этот день. Она оставалась живой и прожила еще около двух лет в ауле Мамраш со своими сыновьями Пенуилом и Гьомиилом. Она зарабатывала частным порядком, проживая в чужом доме и помогая хозяевам в изготовлении стеганых одеял, подушек и нимдеров.

удовлетворен, и с победным улюлюканьем головорезы покинули Карчаг.

Вскоре со скорбной новостью в Мамраш были посланы гонцы, один из которых сообщил о случившемся *ковхо*¹ Исроилу, другой, зная о месте расположения дома, где могли гостить сыновья ашуга, направился непосредственно туда.

Вернувшиеся на следующее утро в Карчаг братья Пenuил и Гъомиил были безутешны и не скрывали слез. На месте их сакли, а также еще двух прилегающих к ней соседских, было пепелище. Тела их отца и матери перенесли в беседку, расположенную рядом с синагогой. На скамейках расположилась большая часть мужского населения селения. Оба сильно поврежденных тела уже были омыты и обернуты в саван.

Вскоре приехал Исроил в сопровождении Симхо и еще двоих вооруженных всадников-мамрашцев. О трусливом бегстве из аула разбойников Нурали стало известно всем присутствующим. Сыновьям убитого ашуга, рвущимся мстить, советовали немедленно покинуть селение, так как им могла грозить опасность. Приспешники Нурали уже наверняка предупредили бандита об их приезде. Однако Пenuил и Гъомиил в эту скорбную минуту были полны решимости сразиться хоть с целым войском.

Исроил заверил молодых людей, что если они действительно полны решимости отомстить, то им вскоре может представиться такая возможность. А пока попросил их не лезть на рожон к бандитам, не спешить исполнить свое естественное законное желание прямо сейчас. Находиться в Карчаге им теперь небезопасно. Ковхо предложил временно

¹ Ковхо — староста (*перевод с джуури*).

переехать в свое село и перейти на работу в их самооборону. Ответственность за обучение молодых людей пользоваться оружием он возложил на Симхо. Зять Исроила и Боруха Аго заверил Пenuила, что тот всегда сможет вернуться на свою работу помощника управляющего. Борух также подбодрил молодых мужчин, пообещав им, что они всегда могут рассчитывать на его личную поддержку и помощь его брата Исроила.

После полудня всех погибших похоронили на карчагском еврейском кладбище в соответствии с обрядом, и к вечеру гости и вмиг осиротевшие Пenuил и Гъомиил покинули Карчаг.

Уважаемому читателю, знакомому с содержанием *одного из предыдущих повествований*¹, уже известно, что через 2 года братьям Пenuилу и Гъомиилу в достаточной мере удалось героически отомстить банде Нурали.

После того как в 1908 году Нурали и его банда исчезли из поля зрения, перестав досаждать населению Южного Дагестана и Бакинской губернии (ходили слухи, что главарь разбойников арестован и пребывает на каторге или зализывает раны где-то в далеком высокогорном ауле), Пenuил вернулся к работе помощника Аго. Он получил разрешение семейства Исроиловых на постройку дома в селе Аглоби, где прежде находился их зерновой элеватор. Теперь молодому человеку не надо было как раньше каждый день преодолевать значительные расстояния, чтобы добраться до места своей работы.

¹ Книга 1 «Беньягу» из серии «Горские евреи», глава 44.

Глава 1.5. Мошолум

Моему прадеду Пенуилу с его сильным мужским стержнем, талантами поэта и отчасти музыканта, как у его отца, многие годы удавалось очаровывать женщин, не вступая с ними в брак. Возможно, помимо утонченной, но мужественной внешности, влияние на слабый пол оказывали пикантные баллады, которые он сочинял и исполнял, как только для этого представлялась возможность. Из-за разного рода слухов, сплетен и домыслов ему не раз приходилось защищать свою жизнь даже тогда, когда для этого не было оснований. Однако пришло время, когда Пенуилу посчастливилось испытать настоящее чувство.

Молодому человеку было двадцать шесть лет, когда он влюбился в очередное своё увлечение — шестнадцатилетнюю девушку из Дербента. Она не была полной, однако была плотного телосложения, ростом чуть ниже среднего. Что же ему нравилось в ней? — Круглое лицо с большими подвижными карими глазами, скромность и умение слушать либо женские прелести, которые не могли укрыться от опытного взгляда очарованного мужчины. Да и сам нередко ловил на себе ее заинтересованный взгляд, когда пел свои восхитительные мугамы. К этой девушке не грешно было и посвататься, что молодой человек и сделал, даже не догадываясь о возможном неуспехе.

Избранница была из дербентской семьи супругов Исогъа и Гистомон Исаковых. Отец девушки владел, как тогда говорили, «виноградными садами» на окраине города.

Фото 9. Лазарь — прямой потомок
супругов Исогъа и Гистомон Исаковых,
друг нашей семьи. 1996 год

Помимо Мошолум, у супругов была еще одна, старшая, дочь по имени Истир¹. Отец Мошолум посчитал недостойным отдать младшую дочь за безотцовщину. Не было хорошего и в том, что мать жениха работала у кого-то на дому

¹ Мои отец и мать долгие годы очень близки и дружат с семьей Лазаря – внука Истир, сына ее дочери Сары. См. Схему 3 в разделе «Элементы (ветви) генеалогического древа автора».

мастерицей¹. Когда за Пёнуила по его просьбе вступился Аго, который обозначил Исогъу перспективы своего молодого помощника и в работе, и в обустройстве быта — постройке в ближайшее время собственного дома, отец Мошолум признался ему, что он уже связан обещанием отдать свою старшую дочь за сына его делового партнера, давая понять собеседнику, что у него другие планы относительно младшей дочери.

Около двух лет Пёнуил пытался заработать и солидным рэхъпули всё же пошатнуть твердость отца Мошолум — выкупить желанную девушку. Все эти годы он строил дом в селе Аглоби на месте ранее располагавшегося здесь зернового элеватора, принадлежащего семье покойного Яагу. Семья Исроиловых щедро одарила Пёнуила участком земли за его лояльность как помощника к управляющему их угодьями зятю Аго, а также в память о своем отце Яагу, который уважал семью погибшего ашуга. Цокольный этаж постройки представлял собой амбар из речного булыжника и битого ракушечника с теплой секцией — хлевом, рассчитанным на укрытие в редкие морозы двух крупных домашних животных или шести овец или коз. А первый и единственный этаж здания был сооружен из саманного кирпича. Самыми ценными из материалов, заложенных в строительство, были две дюжины прочных дубовых балок для перекрытий. Пёнуил закупил их лично в лесном хозяйстве села Маджалис. Несколько указанных балок ушло на обособленные постройки на дворе — птичника и стойла. К слову, эти балки восемьдесят лет удерживали дом и другие постройки, возведенные еще

¹ По свидетельствам тех, кто считает, что Лиё выжила при трагических обстоятельствах 1905 года в ауле Карчаг.

моим прадедом, а также служили повторным материалом при вынужденном переустройстве здания. Уровень первого этажа был на полтора аршина выше уровня двора. Жилые помещения дома состояли из трех секций — прихожей, кунацкой и спальни. Всё было прекрасно, не хватало только хозяйки. И единственной претенденткой хозяину домовладения виделась исключительно одна женщина — Мошолум. Однако к тому времени ее отдали замуж за другого, и она уже успела родить ребенка.

— Украду! — как-то уж очень безапелляционно воскликнул Пенуил, обращаясь за советом к своему младшему брату.

— Не делай этого, брат! Бог накажет тебя за этот поступок, — предостерегал Гъомиил.

— Ни одной женщины я так не желал. Она всё равно будет моей женой! — несколько прямолинейно отвечал влюбленный.

Захарья, так звали мужа Мошолум, был на два года старше своей жены и очень любил её. Они прожили почти два года, когда у них родился первенец Ёвдо. Однако младенец скончался. Захарья жалел Мошолум из-за смерти их первенца и шел у нее на поводу, отпуская с подругами по вечерам на прогулки либо на праздники к соседям и родственникам, у которых намечалось посиделки с пением песен. Мошолум никогда не любила Захарью, вышла замуж по настоянию отца и считала свой с ним брак ошибкой. Смерть младенца стала началом разлада их супружеских отношений.

Проживая с мужем в прекрасном собственном доме на улице Пушкина, она так и не стала в нем хозяйкой. В один из вечеров, предварительно сговорившись с Пенуилом, Мошолум выбралась ночью из окна дома и сбежала,

стремительно перебравшись в селение Аглоби. Украсть замужнюю женщину — это грех, однако ничто не смутило уверенного в себе влюбленного мужчину.

Ходили слухи, что Захарью на следующий день видели в Аглоби прячущимся за кукурузными стеблями на бахче рядом с домом Пёнуила и якобы у него состоялся громкий эмоциональный разговор со своей беглянкой-женой, которую хотел увести домой. Но Мошолум никуда не пошла. И тогда Захарья проклял свою жену и все ее последующее потомство за ее грязную связь. Было ли так на самом деле или не было — правдивость этого никто уже подтвердить не сможет. Верно лишь то, что Мошолум родила своему новому мужу шестнадцать детей, тринадцати из которых не удалось избежать преждевременной смерти во младенчестве. Вырастить она смогла только троих детей: двух сыновей Рахмила и Гемриила, 1910 и 1912 годов рождения соответственно, и дочь Лиё 1928 года рождения. Потомство супругов умирало в основном из-за детских болезней и простуд.

«Суьврьюже»¹, — говорят пожилые люди, свидетели такой большой детской смертности в селах Дагестана в те годы. Основной ее причиной была недоступность необходимого лечения.

Есть еще одна версия, на мой взгляд, менее правдоподобная, каким образом Мошолум оказалась женой Пёнуила. Не могу не привести ее здесь, чтобы описание было максимально полным и правдивым. Рассказывали, что Мошолум пекла хлеб на поверхности тону² и, доставая

¹ Суьврьюже – корь, краснуха (перевод с джуури).

² Тону — см. сноску в Предисловии.

лепешку, провалилась туда вперед головой. В результате женщину едва спасли, а лицо ее было обезображено. Муж Захарья ее бросил, а Пенуил, будучи безгранично влюбленным, взял ее себе в жены. Есть в этом какая-та нестыковка, не правда ли? Да и на снимке, который дошел до нашего времени нет и намека на последствия ужасных ожогов (см. Фото 10).

Фото 10. Слева направо: прадед Пенуил, бабушка дедей Истир, отец Исай, тетя Лиё, прабабушка Мошолум. 1951 год

В 1910 году у пары родился сын, которого назвали Рахмилом в честь погибшего отца Пенуила. Гемриил, мой келебебе¹, появился на свет в 1912 году. Далее Пенуила и Мошолум ждала целая череда потерь детей во младенческом возрасте до тех пор, пока в 1928 году у них не родилась девочка по имени Лиё, очередная, названная в честь матери главы семьи. Она была последним ребенком в семье, единственной уцелевшей дочерью, поэтому к ребенку относились крайне предупредительно, пытаясь оградить ее от любых рисков для здоровья. Несмотря на трудности, через которые пришлось пройти супружеской паре, жила она в большой любви, заботах и уважении друг к другу. Об этом свидетельствуют многие очевидцы, в том числе мои родители, их единственная внучка Настя, соседи по селу Аглоби и городу Дербенту.

Во время Первой мировой войны одна с двумя малолетними ребятами на руках молодая солдатка Мошолум, так же как и многие женщины того времени, испытывая тяжкое бремя отсутствия своего мужа, достойно справлялась с навалившимися на нее заботами по хозяйству. А во время Гражданской войны, после ухудшения межнациональных отношений в селе, женщина была практически соратником своего мужа в его работе в самообороне. Пенуил, будучи крепким собственником, не только жестко защищал свои взгляды, но и отважно держался на страже интересов своего народа. В отношении временных властей, поочередно устанавливавших власть в селе, для минимизации ущерба он использовал свои связи в разных слоях населения и подкуп. Чтобы избежать раскулачивания, Пенуил вовремя и

¹ Келебебе – дедушка по отцу (перевод с джуури).

добровольно передал большую часть своего землевладения и одну из двух лошадей новым властям. До тех пор пока супруги Рахмиловы могли работать, они участвовали в коллективном крестьянском движении. Пенуил нутром чувствовал так называемые красные линии, за которыми он и его семья могли существовать в безопасности при любом режиме. Супруги не были ударниками социалистического труда, однако работали как все и претензий к себе не имели. При этом на оставшемся ему клочке земли Пенуил реализовывал свои мысли о селекции. Оба его мальчика окончили светскую школу села Хош-Мензиль и пошли учиться в профессиональные учебные заведения. На сыновьях Пенуил не экономил, понимая, что они — это его возможный задел в спокойную старость. Ребята не тушевались перед трудностями, не избегали тяжелой работы, стремились к знаниям, любили и уважали своих родителей, беспрекословно исполняя волю отца.

Мошолум же была мягкой с близкими, не скандалила с посторонними, но никогда не поощряла чьего-либо противостояния с мужем. Она любила его. Я запомнил ее молчаливой самодостаточной женщиной с умными подвижными темно-кариими глазами, сидящей в спокойствии и смирении возле своего мужа.

Глава 1.6. Гъомиил

К тому времени, когда братья Пенуил и Гъомиил, воздав по заслугам банде Нурали, перестали его опасаться, пути этих молодых людей стали расходиться. Пенуила дорога привела из их временного убежища, аула Мамраш, в селение Аглоби, где ему дали возможность построить собственный дом, Гъомиила — в Дербент, где ему предложили работу помощника экспедитора в садоводческом предприятии на окраине города. В течение двух лет он приобрел по случаю жилье — две смежные комнатки с выходом на внутреннюю длинную улочку с общей уборной в *еврейском квартале*¹.

Затем Гъомиил направил сватов к родителям первой же понравившейся ему девушки. Избранница была из крепкой крестьянской семьи. Отец ее владел небольшим участком на окраине города. За невесту был запрошен немалый рэхьпули, и Гъомиил не без помощи старшего брата оплатил его. После свадьбы девушку привели в ее новый дом.

К сожалению, судьба распорядилась так, что женился Гъомиил не один раз, а четыре. Первая жена умерла через два года после замужества, вторая — когда он находился на службе в царской армии во время Первой мировой войны. Его

¹ Еврейский квартал Дербента (тенге мяхъале (на *джуури*)) – узкий квартал) – место компактного проживания еврейского населения в средней части города Дербента (100 м х 500 м). Формировался с 1797 года, когда после погрома сюда переехали жители соседнего аула Абасаво. Численность квартала постоянно росла, достигнув к концу XIX века критической, требующей от властей вмешательства (1886 год – 1830 человек). Расселен в 1929–1931 годах на семи центральных улицах города. В настоящее время – городская парковая зона.

жены умирали, не познав радости материнства. На третьей Гъомиил женился после возвращения с фронта. Служил он в охране на неактивном в боевом плане участке горной границы с Ираном, с которым Российская империя войну не вела. Его брат Пенуил в это же время также служил в нерегулярных войсках царской армии. Его подразделение держало линию обороны на крепостных укреплениях, расположенных на Большом Кавказском хребте. Так случилось, что, кроме суровых погодных условий службы в горах, у обоих братьев за всю службу не было ни одного сколько-нибудь значимого противостояния с врагом, серьезно угрожавшего их жизням.

После войны Гъомиил вернулся в свое жилище в еврейском квартале. Жена, как уже было поведено, умерла в его отсутствие. Шел 1918-й год. Крестьянский класс, к которому принадлежал Гъомиил, прислушивался к новому зарождающемуся революционному переустройству в обществе, и, когда мае 1918 года в Дербенте стали появляться большевистские и советские органы власти, наряду с другими безземельными крестьянами Гъомиил приветствовал их приход.

Из *предыдущего повествования*¹ уважаемому читателю известно, что в декабре 1917 года во имя своей безопасности крупные землевладельцы Исроилы, хозяева местных пахотных земель и садов, предпочли покинуть родные края и направиться в Палестину и Америку. Главы указанных семейств Исроил и Борух оставили всё, что не смогли продать, в том числе земли в селах Хош-Мензиль и Аглоби, своей старшей сестре и зятю. Аго, которому перевалило за шестьдесят лет, не захотел покидать Дагестан.

¹ Книга 2 «Рахамим» из серии «Горские евреи», глава 2.2.

Никто не мог знать точно, к чему приведут эти смутные годы, какая власть в итоге установится в республике.

Пёнуил, в отличие от своего младшего брата имея крепкое, на его взгляд, личное хозяйство и будучи доверенным лицом Аго, в целом являлся сторонником обеспеченного класса землевладельцев. Он не сразу принял большевистскую власть, отнесся к ней крайне настороженно. К тому же местной общиной на него были возложены функции координатора между органами самообороны близлежащих еврейских селений. В случае угрозы нападения на Аглоби бандитов все мужчины еврейской части села должны были по его указанию немедленно встать на свою защиту, а в случае нападения на единоверцев из соседних сел оперативно прийти к ним на помощь. Однако по факту случившегося летом 2018 года погрома в ауле Мамраш, несмотря на немедленное уведомление от мамрашского гонца о нападении, аглобинцы не успели поддержать их — когда всадники добрались до аула, вся его еврейская часть горела, а едкий дым стелился далеко за его пределами. От рук бандитов погибли 23 горских еврея.

По поводу этих страшных событий, уважаемый читатель, мной написано стихотворение.

Мамраш 1918

*После омера в вызревшем поле
По участкам разбрелся народ —
Снять озимых по мереной доле,
Чтоб прожить как-то будущий год.*

*Ликовало с утра поднебесье,
Стебли резались, в снопы плелись,*

*Перекличкой частушки и песни
Светлой нотой над полем неслись.*

*Вдруг откуда-то темные тени,
Стук копыт, навалилось зверьё,
Жаль, не все аульчане успели
За кинжал взяться или ружье.*

*Крики женицин, нещадная рубка,
Жертвы падали ниц вновь и вновь,
Поле вспыхнуло порохом в ступке,
Пропекая невинную кровь.*

*Были в черных повязках бандиты,
От убийств получали кураж,
Посчитав, что мужчины убиты,
Поскакали жечь сакли в Мамраш.*

*Между тем все прознали в ауле —
Два юнца упредили убийц,
И дорогу в Мамраш караулить
Мужики из засады взялись.*

*За подмогой в еврейские села
Был направлен общинный гонец,
Лучший всадник, скакал он умело,
Знать, доставит тревожную весть.*

*Тут как тут воронье в клубах пыли.
Банда скудный прорвала заслон,
Знали точно, евреи где жили,
Подожгли, не щадя, каждый дом.*

*Мужики — по домам от дороги,
Чтобы жен и детей уберечь,
Смертью мальчика у синагоги
Зло наелось, исчезнув как смерч.*

*Через час появилась подмога,
С обороны Ньюди, Аглоби,
Всюду крики, дым, гарь от поджогов.
Не успели, помочь не смогли.*

*«Жили в мире, — скользнет в разговоре, —
На родной дагестанской земле».
Да! Дружны были в радостях, в горе,
Боль бывшего умерив в себе.*

Аглобинские евреи не ждали ничего хорошего от прихода новой власти. Несмотря на декларации о том, что она — в руках простого народа, рабочих и крестьян, веры в улучшение жизни не было. Придя в Аглоби, большевики призвали самооборону села расформироваться, а затем влиться в ряды военизированного отряда революционного движения. К слову сказать, добровольцев среди жителей не оказалось.

Гъомиил же был несколько воодушевлен и осторожно примеривался к такому же предложению новых властей города Дербента. К счастью, его помыслы в это время были заняты вопросами третьего брака, а Советская власть не просуществовала и трех месяцев, пав под натиском

контрреволюционных сил аппозиции, в частности Л. Бичерахова¹.

Его новую супругу звали *Бетушвэг*². Это была симпатичная девушка 18-ти лет нормального телосложения с большими карими глазами. Гьомиилу в то время было 30 лет.

Предвидя нашествие турок в октябре 1918 года, что не сулило ничего хорошего евреям Дербента, Гьомиил, прихватив молодую супругу, отправился в Аглоби к брату, под крыло самообороны, с которой сотрудничал ряд тюркоязычных членов здешней мусульманской общины. Это были прекрасные три месяца, в которые две братские семьи проживали вместе, время, когда Бетушвэг искренне любила своего мужа.

Когда в конце ноября 1918 года *по соглашению с англичанами*³ турки покинули Дагестан, молодожены вернулись в Дербент. Здесь их ждала не очень приятная картина. В их отсутствие еврейский квартал подвергся погромам и насилию. Гьомиил продал свой дом соседям практически за бесценок и в течение месяца приобрел новое жилье в городе.

Со временем Бетушвэг родила мужу трех здоровых дочерей Зулпо, Бильо, Рэхбил 1919, 1922 и 1929 годов рождения соответственно, но в возрасте 33-х лет в 1932 году

¹ Л. Бичерахов — Лазарь Федорович Бичерахов (Лазар Бичерахти) (1882—1952) — осетин, российский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн.

² Бетушвэг [Бетушвэ҃г] – звучание последнего звука [г] (смычный, фарингальный) в имени на джуури отличается от звучания русского [г] (смычный, заднеязычный, звонкий).

³ Мудросское перемирие — соглашение, подписанное 30 октября 1918 года между Великобританией и Турцией, ознаменовало поражение Турции в Первой мировой войне и вывод турецких войск с Кавказа.

покинула этот свет, по всей видимости, из-за онкологического заболевания. Чувствуя приближение смерти, она сама нашла для своего мужа очередную четвертую жену, которую звали Селиха. Бедняжка фактически свела мужа и молодую женщину, наказав новой супруге Гъомиила вырастить своих дочек, а своему мужу любить Селиху так, как он любил бы ее. Бывало и так в еврейских семьях в то время. Селиха впоследствии родила Гъомиилу долгожданных сыновей — Ази, Ягдона и Ирмиё и дочку Хаво.

Фото 11. Рахмилов Гъомиил с коллективом колхоза
(сидит — второй ряд, седьмой слева)

Окончательное установление Советской власти в Дагестане поначалу ничего не изменило в судьбе Гъомиила. Он, как и прежде, занимался крестьянским трудом, перебиваясь сезонными посредственными заработками.

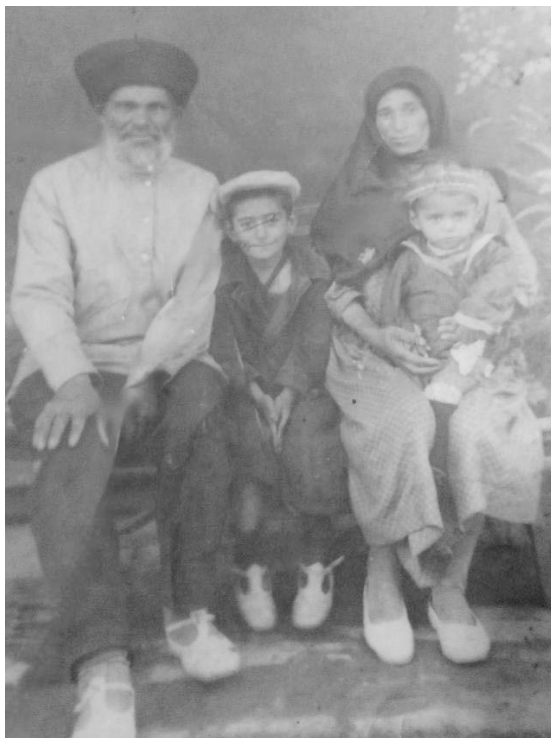

Фото 12. Слева направо: Гьомишл, Ази, Селиха, Ягдон

Ситуация несколько изменилась вскоре, после того как ВЦИК Дагестанского обкома ВКП(б) 6 апреля 1927 года принял постановление «Об организации Комитета по землеустройству трудящихся евреев Дагестана» (Дагестанский КОМЗЕТ). Задачей новой организации являлось привлечение переселившегося в существенной своей части в Дербент из сельской местности еврейского населения к привычному для него сельскохозяйственному труду. В непосредственной близости от города, в основном вдоль железнодорожного полотна, для семей и еврейских коллективов выделялись подготовленные земли с

построенными ирригационными системами. Были образованы кооперативы, а к 1930 году и коллективные хозяйства. В одном из таких колхозов, специализировавшихся на виноградарстве и виноделии (прежнее название не сохранилось), и продолжил свой трудовой путь Гъомиил Рахмилов. Снискав заслуженное уважение в коллективе, мужчина занимался оптовыми продажами колхозного вина. Многие годы до Великой Отечественной войны и далее до 1952 года он арендовал специализированный вагон и разъезжал с ним по городам и весям Советского Союза.

Фото 13. Рахмилов Гъомиил. 1950–1960-е годы

Фото 14. Рахмилов Гъомиил с семьей

В феврале 1975 года Гъомиил со всей своей семьей вслед за семьями своих дочери Хаво и сына Ягдона, уехавшими годом-двумя раньше в числе первых репатриантов тогдашней волны *алии*¹, эмигрировал в Государство Израиль. Умер Гъомиил в течение первого года пребывания на *Святой земле*²,

¹ Алия — репатриация (понимаемая в данном случае как возвращение на историческую родину) евреев в Государство Израиль, а до основания Государства Израиль — в Страну Израиля.

² Святая земля (на *иврите* Эрец ha-Кодеш) — территория, расположенная примерно между Средиземным морем и восточным берегом реки Иордан. Используется в качестве синонима как библейской Земли Израильской, так и исторической Палестины. Понятие «Святая

в декабре 1975 года, в возрасте 88 лет, оставив в отличие от своего брата Пёнуила после себя большую семью из сыновей, дочерей, внуков и правнуков¹.

Фото 15. Ханох Якубов — внук Гъомиила.
Глава горско-еврейской общины города Беэр-Шева,
Израиль. 2018 год

Поддержку моим планам в написании книги оказывал сын Хаво, талантливый организатор, художник, ныне и уже немало лет возглавляющий горско-еврейскую общину города Беэр-Шева Ханох Якубов. Насколько я знаю, им готовится к изданию собственный словарь и учебник языка джуури с использованием алфавита языка иврит. *Худо кумек*², дорогой дядя!

земля» обычно относится к территории, примерно соответствующей современному Израилю, палестинской территории, западной Иордании, частям южного Ливана и юго-западной Сирии. Иудеи, христиане и мусульмане считают эту землю святой.

¹ См. Схему 2 в разделе «Элементы (ветви) генеалогического древа автора».

² Худо кумек! – Бог в помощь! (Перевод с джуури).

Фото 16. *Хаво Якубова — дочь Гъомиила, Беэр-Шева. Израиль. 2018 год*

На момент окончания написания этой книги (материал для нее собирался более десяти лет) из всех потомков Рахмила и Лиё во втором поколении осталась в живых лишь дочь Гъомиила Хаво. Я благодарен этой женщине за ее блестящую память и неподдельный интерес к событиям, происходившим в разное время в ее семье, в семействе ее деда и бабушки. Это позволило мне узнать много нового и поделиться этим с Вами, уважаемый читатель.

Глава 1.7. Рахмил и Гемриил

Первыми выжившими во младенчестве детьми семьи Пенуила и Мошолум были сыновья Рахмил и Гемриил. Оба мальчика были смыслеными и работоспособными. В отсутствие отца, который в период Первой мировой войны полтора года находился на службе в царской армии, старший Рахмил уже с пятилетнего возраста помогал матери по хозяйству и присматривал за младшим братом. Он носил воду, поливал огород, выполнял поручения матери по дому. Помогало ей и государство, направляя одинокой солдатке с двумя детьми дрова, навоз в качестве удобрения, а главное — казенный паек, составляющий значительную сумму — около семи рублей в месяц на всё семейство.

После войны Пенуил, помимо ответственной работы в самообороне, увлеченно занимался крестьянским трудом. На небольшом участке придомовой земли супруги выращивали, главным образом, табак и овощи. В его доме имелось немало живности, в том числе корова и конь. Достаток семьи обеспечивался и его ответственной работой у Аго. Будучи крепким хозяйственником, Пенуил хотел и от своих сыновей, чтобы они добивались необходимых для этого навыков. Нужно было соответствующее образование. По его настоянию оба его мальчика пошли учиться в Хош-Мензильскую начальную школу, преподавание в которой осуществлялось на русском языке и было преимущественно светским. Открытию здесь такой школы способствовало местное население, немалая часть из которого была русскоязычной. Дети посещали ее четыре года до окончания, благо находилась она в пешей доступности. Оба мальчика

прилежно учились, неплохо освоили арифметику и письмо. Пенуил был очень щепетилен в отношении образования своих детей, считая, что за знающими людьми — будущее. По окончании начальной ступени он направил их на учебу в Дербент, Школу садоводства, виноделия и огородничества, которую ребята, к удовлетворению обоих родителей, закончили через четыре года, получив профессии по сельскохозяйственным специализациям. Рахмил выучился на заготовителя продуктов и сырья, а Гемриил — овощевода защищенного грунта.

Не менялась и творческая атмосфера в семье сына карчагского ашуга. В юношеском возрасте и в Рахмиле открылась способность к песенному сочинительству, такая же, как у отца и деда. Гемриила это занятие не очень привлекало — его больше интересовали современные на то время методы и возможности увеличения урожайности сельскохозяйственных растений. Он в отличие от старшего брата, который слыл весельчаком, умеющим необычайно легко обходиться словом, сторонился компаний приятелей и был чужд веселью и праздным разговорам. Гемриила посещали неплохие идеи, которые могли бы воплотиться в жизни, однако предприимчивость и смелость в реализации каких-либо задумок была более свойственна именно Рахмилу.

Этими качествами характера молодой человек покориł Ашера Мишиевича, своего нового непосредственного работодателя, ответственного работника в системе *Дагпотребсоюза*¹. Под его началом Рахмил работал несколько

¹ Дагпотребсоюз – организация, созданная 24 августа 1917 года в Темир-Хан-Шуре подписанием устава на съезде представителей потребительских обществ и продовольственных комитетов Дагестанской области. Дагпотребсоюз на сегодня входит в систему Центросоюза,

лет и за это время существенно продвинулся по карьерной лестнице, пройдя путь от рядового экспедитора до счетовода.

Смелость и предприимчивость позволяли ему и, как Вы, уважаемый читатель, должно быть, догадываетесь, его начальству неплохо зарабатывать. В итоге молодой человек, несмотря на некоторый *мезальянс*¹, осмелился просить у Ашера Мишиевича руки его единственной дочери Мазалту, которая была на два года моложе.

Мы не знаем, что стало причиной согласия отца девушки на брак — симпатия ли девушки к молодому человеку, постоянно ошивающегося у них в доме, теряющегося при виде ее и напевающего доходящие до ее слуха нежные куплеты, или, может быть, воля меркантильного отца, не желающего терять прекрасного специалиста. Впрочем, Ашер Мишиевич запросил оплату сполна: прежде всего Рахмил должен был построить добротный дом, одарить его дочь достойными ее красоте подарками и дать порядочный рэхьпули. Всё это молодой человек осуществил в короткий срок: через полгода в некотором отдалении от родительского будущим женихом был возведен крепкий дом на сваях-столбах с просторной кунацкой и двумя спальными комнатами; своей невесте Рахмил преподнес два золотых кольца, несколько цепочек и золотые серьги. Кроме этого, он

объединяет 44 районных сельских потребительских общества, является единственным учредителем и собственником 28 обществ с ограниченной ответственностью — рынков, оптовых баз, заготовительных и производственных предприятий.

¹ Мезальянс — неравный брак, первоначально брак между людьми различного социального положения, между людьми разных сословий, отличающимися по имущественному положению. Употребляется для превосходящей стороны как брак с лицом низшего социального положения. Сюда же относят союз лиц с большой разницей в возрасте.

также наполнил новый дом живностью: телицей, несколькими баранами и птицей, а также предложил отцу невесты немалый обещанный рэхьпули, на который ушли все оставшиеся заработанные деньги Рахмила — ему даже пришлось залезть в небольшой долг.

Молодые не планировали оставаться жить в селе навсегда, имея в виду перспективы роста теста. При благоприятных обстоятельствах они рассчитывали переселиться в город.

Свадьба была в Дербенте, народу было немного, все, как говорится, от души поздравляли молодых, однако в речах некоторых близких невесты чувствовались разочарование и даже раздражение происхождением жениха.

Дальнейшая судьба молодой супружеской пары была так же насыщена, как и стремительна. Вскоре у них родился первый ребенок, неожиданно скончавшийся в раннем младенчестве. Причину установить не удалось, но до наших времен дошел слух о возможном отравлении. Никто из моей родни не вспомнил, как его звали, и многие даже не затронули этот эпизод в биографии семьи.

В 1930 году в центре Аглоби под вывеской «Дагпотребсоюз» появилось первое в истории села здание магазина, такое же, как и дом Рахмила, на сваях. Молодой мужчина полностью ушел в заботы об его обеспечении. Система потребительской кооперации позволяла наполнить его практически всеми необходимыми сельчанам товарами первой необходимости, в том числе и продуктами питания.

Однако площадь позволяла размещать только исключительно пользующиеся спросом товары — хлеб, муку пшеничную и ржаную разных сортов, рис, ячмень, овес, сахар, соль, спички, карамель, пряники, ткани, косынки, инструменты для работы дома и в огороде и пр. У сельчан

отпала нужда по какой-то ничтожной необходимости отправляться в город.

В течение последующих двух лет у Рахмила и Мазалту появились на свет мальчик и девочка. Жизнь вроде бы налаживалась. Молодая семья наконец-то выглядела счастливой. Их новый дом нередко посещали гости, в том числе и городские. Здесь звучали песни и стихи, сочиненные хозяином, отсюда доносился непринужденный смех. Являясь музой своего мужа, Мазалту была окружена его заботой и любовью. В семье наметился достаток.

Вскоре Рахмил, очевидно, в очередной раз не без поддержки тестя, решил открыть такой же магазин, как в родном селе, в соседнем Хош-Мензиле и занялся согласованиями и подготовкой к строительству. В этот раз он встретил жесткое сопротивление сельсовета, на возражение которого, впрочем, вовремя пришла бумажка из Махачкалы о том, что молодое Советское государство — за полнейшее удовлетворение нужд селян и стирание в этом плане границ между городом и селом. Приветствовалось открытие на селе клубов, школ, торговых точек, аптечных и фельдшерских пунктов.

В феврале 1933 года Рахмил, посетив дом родителей, попросил у матери *четверть*¹ вина для похода к одному из своих местных приятелей, к которому приехали гости из города.

— Сам не пей сегодня, сынок! — озабоченно попросила Мошолум.

¹ Четверть – бутыль под водку или самогон с узким горлышком, по объему равна ¼ ведра, или 3,0748 литра.

— Я не для себя, мама. Для товарищей. Я пить не буду, — заверил ее Рахмил.

Через два часа Рахмил вернулся к себе домой, а еще через час в дом свекра ворвалась кричащая как никогда, взволнованная Мазалту.

— Мама, папа, Рахмилу плохо. Помогите. Ему очень больно. Не знаю, что делать.

— *Гьей-вой-зар!*¹ — вскричала Мошолум, ударяя себя по лицу, и прямо в рубашке, без *чувяков*² побежала в дом сына.

Скрючившись в неестественной позе, Рахмил лежал посреди гостиной на *нимдере*³ и стонал от боли.

— Мама, мама, почему я не послушал тебя? Ведь я даже не хотел и не собирался пить, и ребята это знали и ни на чем не настаивали. Зачем я выпил из этого стакана? Может, в нем был яд?

К полудню следующего дня, когда до дома Рахмила добрался районный фельдшер, здесь побывало полселения, в том числе знахари, ветеринар, председатель сельсовета и представитель милиции. Люди не сомневались в отравлении и строили различные догадки. Большинство было уверено, что стакан с ядом предназначался другому человеку, но, внезапно вознамерившись выпить, Рахмил взял на себя чужую судьбу.

Находясь в сознании еще несколько дней, умирающий Рахмил просил, чтобы, в том, что произошло, никого не винили, а также попросил своего *леле*⁴ Гьомиила, с которым

¹ Гьей-вой-зар! (*межд.*) – Ой, горе! (высказывание глубочайшего горя, тревоги) (*Перевод с джуури.*)

² Чувяки – мягкая обувь без каблуков у народов Кавказа и Крыма.

³ Нимдер – у горских евреев стеганный матрас, набитый овечьей шерстью.

⁴ Леле – брат отца, дядя (*перевод с джуури.*)

был очень дружен (обучаясь в Дербенте, часто гостил и ночевал у него дома), произнести на его похоронах свои стихи, которые написал в последние дни.

23 февраля 1933 года, на восьмой день после отравления, в возрасте 23 лет молодой человек умер. На еврейском аглобинском кладбище, в конце десятка захоронений без каменных стел умерших детей Пенуила и Мошолум, над погребальной ямой с укутанным в саван телом Рахмила стояло около трех десятков мужчин. Гьомиил читал стихотворение, написанное умершим поэтом. Эти строки обжигали сердца. Некоторые мужчины плакали. Оригинальный текст стихотворения не сохранился, о чем я, как автор настоящей повести, внучатый племянник ушедшего достойного человека и поэт, очень сожалею. Могу лишь представить его содержание, исходя из рассказов и пересказов некоторых близких мне людей, и предложить уважаемому читателю в своем изложении.

* * *

*Оборвалась дорога, окончен мой путь,
Стих прощальный — себе в утешенье,
Когда холод нещадно скуёт мою грудь,
Я хочу попросить о прощении.*

*У жены, что не полною чашею дом,
Воплотить не успел все мечтанья —
Жизнь, работа и дети — все шло чередом...
Знает Бог лишь за что наказание.*

*У отца, что стоит со слезою борясь,
У друзей — пусть за самую малость,*

*И у той, с кем крепка пуповинная связь —
До сих пор еще не прерывалась.*

*Больно мне, ухожу, и не страшно уже,
Много дней был при вашей заботе,
Не прошу добрых слов и унылых речей,
Только это посланье напойте.*

*Где-то рядом совсем укрывается враг,
Улыбаясь под ложной личиной,
Что б ни сделал плохого я, это никак
Не могло быть убийству причиной.*

*Упокоюсь в строю безнадгробных могил
Не проживших и года младенцев,
Пусть закончат на мне, кто обиды таил,
Не бессмертно и темное сердце.*

*Грубый саван накроет лицо, как полог,
Перед тем как навечно исчезнуть,
Я устами ценившего голос мой, слог
Вам пропел лебединую песню.*

*Киньте горстку земли, помяните вином,
Мужа, сына, отца, друга, брата,
Жизни рад был Рахмил, хоть промчалась как сон,
И уходит теперь без возврата.*

То, что произошло после смерти Рахмила, поражает своей необъяснимой маниакальной жестокостью. Врага, очевидно, находящегося совсем близко от семьи моего несчастного предка, брата моего дедушки по отцу, не удовлетворили две

предыдущие смерти. За два дня до ухода Рахмила, когда он уже находился в бесспамятстве, была отравлена его трехлетняя дочь Зоов.

Фото 17. Могильная стела

*Рахмилова Рахмила Пенуиловича на кладбище в селе Аглоби.
2013 год*

«Зачем? Кому понадобилось убивать трехлетнего ребенка?» — вопросы, задаваемые близкими несчастной супружеской пары самим себе, оставались без ответа.

Не прошел и год траура по погибшему Рахмилу, как был отравлен и единственный оставшийся в живых ребенок Рахмила — Александр.

Несчастливая вдова Мазалту, продав дом, вернулась в город и оставила эти места навсегда.

Пытаюсь проанализировать, кто бы мог быть убийцей и что могло быть причиной такой ненависти. Очевидно, кто-то из ярых завистников был равнодушен к быстро выросшему достатку молодого человека, или же Рахмил перешел дорогу кому-то, также рассчитывавшему на партнерство с Ашером Мишиевичем или на брак с его дочерью, или всё это вместе.

В отличие от своего старшего брата жизненный путь Гемриила не отличался столь же масштабными перипетиями. Он был сыном своего отца, больше интересовался крестьянским трудом, агрономией. Получив аттестат овощевода в 1930 году, молодой человек сразу же поступил на работу в только что созданный на базе большого количества хозяйств Хош-Мензильского сельсовета колхоз «Имени III Интернационала». Сюда же перевели и других сельчан, в том числе и его родителей.

Знания и опыт отца подстегивали интерес Гемриила к работе на земле. А новые технологии в увеличении урожайности почв, на использовании которых настаивал сын, наполняли Понуила гордостью за него. После вступления в комсомольскую организацию Гемриил получил возможность участия в различных сельскохозяйственных выставках и конференциях в Махачкале, и даже в *Орджоникидзе*¹. В 1937 году он получил в колхозе должность агронома и, казалось, имел прекрасные перспективы... если бы не война.

¹ Орджоникидзе – прежнее название Владикавказ (1931–1944; 1954–1990 гг.). Город в центральной части Северного Кавказа, основанный в 1784 году как русская крепость на входе в Дарьяльское ущелье, на месте ингушского селения Заур.

Считаю нужным добавить, что, по словам моего отца Исаия Гемрииловича, на момент начала войны его родители проживали и работали в селе Берикей Дербентского района и его двадцатидевятилетний отец занимал в то время должность председателя Берикейского сельсовета. Я не имею права сомневаться в словах отца по поводу столь высокой и ответственной должности деда — сама дедей Истир при жизни утверждала, что ее муж перед войной был образованным агрономом.

Фото 18. Дед Рахмилов Гемриил Исаевич. 1930-е гг.

Глава 1.8. Юная невеста

В 1933 году в возрасте четырнадцати лет Истир Рахамимовну отдали в дом ее будущего мужа. Сложно понять, как можно практически изгнать городскую девочку в чужую семью, да еще и в село, оторвав от матери и трех младших братьев. Какая нужда, заслуги или дружба между кунаками может подвигнуть на это? Жениху, моему будущему деду, Рахмилову Гемриилу было к тому времени девятнадцать лет.

«Приехали за ней из села Аглоби на повозке с белой лошастью и возницей, и девочка с удовольствием уехала», — с шуткой рассказывает один из племянников бабушки Истир, сын ее брата Ильягуев Сергей Бинционович.

В брак молодые, по-видимому, вступили, когда это стало возможным в соответствии с советскими законами. Будущий муж Истир к тому времени, когда она появилась в его родительском доме, уже закончил Дербентский сельскохозяйственный техникум и поступил на работу овощеводом в колхозе. В дальнейшем, увлеченный тонкостями своего дела, он стал успешным агрономом.

Рассказывают, что много лет у молодых не было детей, и только в двадцать лет, а именно в 1939 году, Истир родила первенца Рахмила. Его назвали в честь погибшего несколько лет назад деверя молодой роженицы. Истир была близка с несчастной вдовой, часто помогала Мазалту по хозяйству и с сыном Александром, отравленным позднее.

В своих *ненуьй-ненем*¹ и *гирьгьо*², чему я и сам неоднократно был свидетелем через много лет, она часто возвращалась к теме этого несчастья, особенно обращаясь к детям — Александру и Зоов. В такие минуты ее также накрывали воспоминания о своих потерях, из которых состояла с самого нежного возраста вся ее жизнь. Единственная ценность, что у нее оставалась на старости лет — это ее младший сын Исай, мой отец, к которому она всегда относилась трепетно. Но не будем забегать вперед, уважаемый читатель, обо всём по порядку.

Истир родилась в 1919 году в городе Дербенте в семье торговца керосином Рахамима Хизгияевича и Евдит Ягауевны *Ильягуевых*³. Последняя подарила мужу троих сыновей — Ильягу, Бинциона и Года; и две дочери — Истир и *Динор*⁴. Бабушка получила от отца имя его матери.

Рахамим Хизгияевич во время Первой мировой войны получил ранение в ногу, боль от которого не давала ему в полной мере радоваться жизни. Это недомогание и связанная с ним последующая в 1948 году ампутация не помешали ему найти свою стезю — работу своей жизни, составлявшую достаток его семьи.

Лошадь, небольшая металлическая повозка с бочкой, мерный цилиндр и дудочка — всё что необходимо городскому керосинщику. Закупая это топливо оптом на нефтебазах, он

¹ Ненуьй-ненем — колыбельная песня (*перевод с джуури*).

² Гирье — плач; гирьё — оплакивание, траурное причитание, траурное пение, общий плач (*перевод с джуури*).

³ Родители Рахамима Хизгияевича — Хизгие бен Ильягу, Истир Рахамимовна, родители Евдит Ягауевны — Якубов Яагу бен Иласаф, Якубова Динор.

⁴ См. Схему 5 в разделе «Элементы (ветви) генеалогического древа автора».

затем продавал его розничным покупателям. Подъезжал к некоторым постоянным выбранным ранее местам на определенной улице, садился на стульчик и звонко дудел. Люди потихоньку собирались на этот хорошо знакомый звук, принося различную тару для наполнения керосином. Сохранилось фото прадеда на фоне его повозки с керосиновой бочкой.

Фото 19. Прадед — городской керосинщик
Ильягуев Рахамим —
со своей подвижной керосиновой бочкой.
Дата неизвестна

По какой-то злой иронии, так же как и Рахамим, в зрелом возрасте остался без ноги его младший брат Данил. Это произошло в результате несчастного случая на железной

дороге, когда тот работал экспедитором, сопровождая вагоны с вином из Дербента в центральные регионы РСФСР. Сын Данила Шурик до недавнего времени проживал со своей семьей в Москве. В 1990-е годы в этой семье случилась трагедия — погиб старший сын Илья, офис которого был подожжен криминальной группой.

Проживал Рахамим с семьей в собственном доме по адресу: ул. Буйнакского, д. 50, а по соседству, на Буйнакского, д. 52, жил рабби, оскандалившийся неудачно проведенным обрезанием и серьезно переругавшийся с отцом несчастного ребенка.

Насколько мне известно, бабушка Истир отучилась 3 года в горско-еврейской светской школе.

О степени любви моей бабушки к своим братьям и сестре не передать словами — это было полное тоски всепоглощающее чувство. В глубине ее аглобинского дома, в самой дальней спальне, помню, почти всегда в тусклом свете, идущем от двух небольших окошек, висели огромные ретушированные портреты двух братьев и мужа, по которым она, уединившись, пела печальные песни. Братья и младшая сестра Дедей ушли трагически и довольно рано.

Старший брат Ильягу 1924 года рождения, призванный из Дербента, доблестно прошел всю войну, однако погиб в 1954 году в результате несчастного случая на производстве. Он был экспедитором Дербентского консервного завода. Когда он вместе со своим помощником-тезкой перевозил яблоки из Касумкентского района, сидя в кузове грузовой бортовой машины, произошла авария. Проезжая через мост, автомобиль перевернулся. Под его обломками нашли бездыханное тело Ильягу и его помощника. Ильягу оставил жену, двух дочерей Хаву и Динор и сына Мэрдахэя. Прежде

чем захоронить покойного, родственники целую неделю ожидали в Дербентской поликлинике на улице Буйнакского результаты экспертизы, был ли водитель машины в состоянии алкогольного опьянения.

В этот же злополучный день, только тремя годами ранее, произошла трагедия и с младшей сестрой Истир Динор 1931 года рождения. Девушка ехала к отцу на базу, расположенную на станции Белиджи, по-видимому, везла ему обед или чем-либо должна была пособить ему. Она выпала из набирающего ход поезда и смертельно повредила голову. По одной из версий, вытолкнувший ее из тамбура вагона проводник пытался приставать к ней, однако получил жесткий ответ.

Фото 20. Год Рахамимович Ильягуев —
средний брат бабушки Истир. 1946 год

Средний брат по имени Год 1926 года рождения, приписав себе пару лет, пошел добровольцем на фронт. Он был отчаянным героем-воякой, вернулся домой с контузией-от взрыва при переправе через реку. Молодой человек получил высокую воинскую награду и имел дополнительное содержание после войны. Некоторое время он жил в родительском доме с русской женщиной, что, усугубленное контузией, служило поводом частых скандалов в семье.

Фото 21. Бинцион Рахамимович Ильяев — младший брат бабушки Истир. 1946 год

Младший брат Истир Бинцион 1927 года рождения на фронтах не воевал, был еще мал. В зрелом возрасте управлял универмагом на улице Кобякова в Дербенте, на месте

которого впоследствии располагался полюбившийся горожанам музыкальный магазин «Мелодия». Однако и жизнь Бинциона была короткой. Он умер, находясь в командировке по своей работе, в Центральной Сибири. Признаков насильственной смерти обнаружено не было. Бинцион оставил супругу Сусе, троих сыновей — Марка, Сергея и Радика и двоих дочерей — Евдит и Лиду.

После смерти супруги Евдит Ягауевны, матери Истир, прадедущка Рахамим женился еще раз в 1952 году. Его избранницей стала женщина значительно моложе его, ее звали Рэхьил. До знакомства с Рахамимом она была замужем и воспитывала сына и дочку. После развода дети остались с бывшим мужем.

В 1954 году Рэхьил родила Рахамиму сына Давида. В подростковом возрасте из-за внешнего сходства с одним из героев популярных в то время индийских фильмов он получил от дворовых ребят кличку Джигар.

Дети Ильягу и Бинциона, племянники и племянницы Истир, всегда уважали и любили свою *аме*¹, и она в свою очередь всегда была к ним открыта и добра. Однако и на ее долю пришлось немало испытаний.

Старший сын Истир Рахмил, родившийся в 1939 году, умер от кори в марте 1953 года. В это же время хоронили Сталина. В самом начале болезни Дедей, не зная, что предпринять, отправила сына в город в дом своего отца, надеясь, что они отведут его к врачу и ребенок выздоровеет. Четырнадцатилетний паренек приехал в Дербент, однако в доме его дедушки Рахамима ему не уделили должного

¹ Аме, амей, амешка – тетя (у горских евреев – сестра отца). Келеаме, келеамей – тетя отца для его сына.

внимания, так как в этот момент был очередной скандал между родней, развязанный контуженным на фронте дядей Годом. Эти конфликты случались периодически с самого его возвращения в родительский дом. Таким людям, по здоровью которых жестко прошла война, нужна была реабилитация, которой Год в должной мере не получил. К тому же постоянно ругались престарелый глава семейства — безногий Рахамим и его молодая жена Рэхил, превращая атмосферу в доме в сущий ад.

Больной паренек развернулся и уехал обратно в Аглоби. Река Рубас тогда немного разлилась от таяния снегов, и Рахмил перешел ее вброд. Это обстоятельство резко усугубило его состояние, так как при кори омовение тела недопустимо. Не прошло и двух суток, как Рахмил умер.

После череды смертей близких Год покинул родной дом, и долгие годы никто не знал, где он проживает и жив ли вообще. Через много лет бабушка Истир получила письмо из Баку, в котором говорилось, что в такой-то больнице умер ее брат Ильягуев Год Рахамимович. Он скончался в полном одиночестве в заурядной лечебнице. Письмо было адресовано Истир, так как Год более всех любил свою несчастную сестру, но отправить его он не успел. Это послание с адресом нашли в скарбе умершего. В Баку за телом поехали Сусе, жена Бинциона, и сестра Истир, которая очень грустила о нем все годы его отсутствия и вовсе не ставила ему в вину гибель своего ребенка. Тело Года привезли в Дербент и захоронили. В неотправленном письме мужчина сожалел о случившемся и о том, что покинул родной дом.

Очевидно, жизнь моей дедей Истир с самого нежного возраста — это сплошная череда потерь: фактическое предательство отца, отдавшего ее в четырнадцатилетнем

возрасте в семью будущего мужа, разлука с братьями и сестрой, затем потеря мужа, матери, братьев и единственной сестры, смерть четырнадцатилетнего сына. Ее существование омрачало пренебрежение и претензии в быту от свекра, тяжелая работа, сопровождающая ее всю жизнь — угнетающая беспросветность. В таких обстоятельствах она искала и находила утешение в труде, заботах по хозяйству.

Несмотря на это, дедей Истир любила и уважала всех своих родственников, обожала своих племянников, а более всего она любила своего единственного сына Исяя, внуков и всегда старалась угодить своей невестке Рае.

Мы, ее внуки, воспринимали ее любовь и заботу как нечто естественное и иного отношения к нам не представляли.

Фото 22. Члены семьи моего прадеда
Рахалима Ильягуевича Ильягуева на торжестве.
Дата неизвестна

Глава 1.9. Вдова

Мой отец Рахмилов Исай Гемриилович родился в *селе Берикей*¹ Дербентского района 14 сентября 1941 года. Дата в свидетельстве о рождении была указана ошибочно — 3 октября 1941 года. По-видимому, это был день, в который молодая мать обратилась в орган регистрации с информацией о рождении сына. Уже несколько месяцев шла война, когда роженицу Истир прямо с работ в колхозе «Оборона страны» направили в сельский лечебный пункт, где она и родила своего второго ребенка — тоже мальчика. По документам, о которых речь пойдет позже, Рахмилов Гемриил был призван из села Аглоби, из этого можно предположить, что берикейское местожительство было для молодой семьи временным, связанным с направлением необходимого специалиста на ответственный участок.

С новорожденным Исаем и двухлетним Рахмилом Истир было дозволено вернуться в дом свекра в Аглоби, где она могла больше времени заниматься детьми. Ее муж Гемриил к тому времени уже был на фронте, и в первом полученном от него долгожданном письме сообщал, что у него всё хорошо и что его подразделение пока в серьезных боестолкновениях не участвовало. Так как у Гемриила было оконченное техническое образование, ему доверили командование отделением пехоты.

Несколько военных лет были временем выживания для большинства сельчан. Нацеленность страны на обеспечение фронта лишало их возможности есть досыта. Своим

¹ Берикей – село в Дербентском районе Дагестана. Расположено в 32 км к северо-западу от города Дербент, на правом берегу реки Уллучай.

терпением и трудолюбием Истир смогла пройти через эти годы. Вместе с ней трудности преодолевало практически всё население Дагестана и всего СССР.

Фото 23. Портрет супругов
Гемриила и Истир Рахмиловых.
*Изготовлено в фотоателье по заказу вдовы
из двух фотографий разного времени*

Вернувшись в дом свекра, Истир не чувствовала облегчение, скорее, наоборот, ей было легче находиться в жаркий день в поле, чем здесь, под опекой шестидесятилетнего мужчины и его супруги. Подросшая золовка Лиё также не добавляла тепла в семейную атмосферу, предъявляя к невестке беспочвенные претензии.

Фото 24. Рахмилова Истир Рахамимовна — в центре с младенцем Исаем, Лиё Пенуиловна — слева. 1943 год

Одна лишь мечта согревала молодую замужнюю женщину — когда-нибудь война закончится, и ее Гемриил вернется домой.

Тем не менее вслед за многими другими семействами села плохую весть о сыне, муже и отце получили и Рахмиловы: «ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ».

Примечательны обстоятельства, после которых пришла такая недобрая весть.

Летом 1944 года к дому Пенуила в Аглоби направлялся одетый по-военному человек, по всей видимости, у него отсутствовала правая рука. Весь путь от шоссе его сопровождали несколько босоногих ребят и взгляды редких в это время остающихся дома неработающих в поле сельчан. За двести метров до дома к группе детворы присоединились братья: пятилетний Рахмил и трехлетний Исай. Они в это время играли неподалеку от дома — гоняли *бендгьо*¹, придерживая их металлическими проволоками, загнутыми книзу в полуокружность.

Подойдя к деревянным воротам, лишь обозначавшим вход (двор просматривался сквозь сваленные друг на друга ветви срубленных садовых деревьев и виноградной лозы, расположенные по передней его части), мужчина громко постучал кулаком. На шум вышла девушка пятнадцати лет.

— Папы и мамы нет дома, — еще находясь за воротами, произнесла она.

— А ты кто и как тебя зовут? — спросил военный.

— Лиё меня зовут.

— Лиё, открой, пожалуйста, я из райвоенкомата по поводу Рахмилова Гавриила Пенуиловича.

— Моего брата зовут Гемриил Пенуилович, — поправила она.

В воротах со скрипом открылась небольшая дверь, и навстречу незнакомцу вышла обеспокоенная девушка, отличающаяся статью и дородностью, обернутая в огромный темный платок с крупным геометрическим рисунком.

¹ Бендгьо (мн. ч.) — небольшие металлические бондарные ободы. Бенд (ед. ч.) — перевод с джуури.

— Добрый день, Лиё, ничего не бойся, — успокаивающим голосом произнес военный, вытащив из планшета небольшой блокнот и собравшись что-то в нем записывать, — я представитель Дербентского райвоенкомата, пришел лишь спросить у твоих родителей, не видели ли они Рахмилова Гавриила Пенуиловича в последнее время. Или, как ты говоришь, зовут твоего брата?

— Гемриил Пенуилович его зовут! — уверенно произнесла Лиё. — Папа и мама на покосе.

Сделав запись в блокноте, военный еще раз уточнил:

— А ты, значит являешься сестрой Гавриила?

— Да. Сестра.

— Проживаешь с родителями?

— Да, — смущенно ответила девушка, озираясь на собравшихся в большом количестве зевак.

— А когда ты в последний раз видела брата.

— До войны еще. Вернее, когда его призвали на войну. С тех пор я его и не видела.

— А дома, кроме тебя, еще кто-нибудь есть? — спросил военный, всматриваясь в глаза девушки.

Лиё снова смутилась, исподволь глядя на окруживших ворота юношей.

— Нет никого, я же сказала, — ответила девушка.

— Ну ладно, — по-видимому, завершив допрос, — произнес мужчина и протянул девушке блокнот и карандаш.

— Вот здесь распишись и напиши полностью свои фамилию, имя и отчество.

Где-то через десять дней после указанного случая на домашний адрес Рахмилову Пенуилу пришло уведомление, что Рахмилов Гавриил Пенуилович пропал без вести.

Вероятно, таким несколько циничным образом, определялся факт пропажи бойца — проверяли, не вернулся ли он домой с места сражения. Очевидно, реальное нахождение тела павшего солдата после исполнения им гражданского долга не так интересовало государство, как его близких.

Как же так, куда же он мог исчезнуть, ведь только как две недели получили от него письмо?! Получается, что человек, который приходил спросить о Гемрииле, на самом деле уже знал о том, что он пропал без вести.

Женщины, собравшиеся в доме Пенуила рыдали, причитая, царапали себе лица в кровь. Особенно усердствовала Истир. Ей казалось, что вместе с жизнью мужа окончилась и ее жизнь, перечеркнуты все ее надежды на лучшее. Мошолум, истощенная переживаниями, сидела, как и большинство женщин, на нимдере в кунацкой, опустив руки и глядя куда-то в пустоту.

Сидящие на скамейках во дворе селяне и приехавшие из города родственники и знакомые успокаивали будто резко постаревшего Пенуила. Многим из присутствующих было знакомо это чувство потери, ведь шел уже четвертый год войны. Два мальчика-сироты, одному из которых было пять лет, а другому не исполнилось и трех, бегали по двору, пытаясь отнять друг у друга подаренную кем-то темно-зеленую кокарду, не ощущая в полной мере последствий произошедшего.

Несмотря на скорбное известие, Истир ждала своего Гемриила всю оставшуюся жизнь. Чудесные возвращения случались и даже спустя многие годы после войны.

В двадцать пять лет, имея на руках двух малолетних ребят, Истир осталась вдовой в доме ее престарелого свекра. Пенуил недолго любил невестку, считал ее неряхой, придирался к постиранному ею белью, плохо отмытой, на его взгляд, посуде. В этом доме она постоянно ходила к роднику за водой. Хрупкой молодой женщине непросто было справляться с крутыми подъемами и спусками к источнику, расположенному около русла реки Рубас, и носить нелегкий медный кувшин с десятью литрами воды. Наличие у Пенуила малолетних внуков, за которыми необходим был постоянный присмотр, не изменило отношения свекра к невестке.

Работая над этой книгой, я попытался проанализировать события и потери в районе боевых действий, той местности, где закончил свой жизненный путь мой дед Гемриил. Исходя из количества пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны: по разным оценкам их число составляло от 1,8 до 2,4 миллиона человек, становится понятно, что подавляющее большинство этих людей не могло быть взято в плен или перейти на сторону врага — они пали на поле боя.

Представитель военкомата посетил село Аглоби в середине июля 1944 года, очевидно, по запросу с передовой, когда, полагаю, на переключке при построении недосчитались бойца. Следовательно, смерть моего деда произошла в конце июня – начале июля 1944 года.

По информации, находящейся в свободном доступе в электронных государственных архивах, таких как «Обобщенный банк данных "Мемориал"», сержант Рахмилов Гемриил Пенуилович (многочисленные неточности в написании фамилии, имени и отчества бойцов связаны с тем, что при оцифровке донесений, написанных перьевой ручкой

от руки, крайне непросто распознать почерк), призванный в июле 1941 года, служил в воинской части п/п 07027 «ш», пропал без вести в июне 1944 года.

Несложно определить, что указанная часть относится к 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дважды Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова 1-й степени и Богдана Хмельницкого дивизии. С февраля по июнь 1944 года дивизия в серьезных боевых столкновениях не участвовала. На дату пропажи без вести (читай гибели) бойца указанная дивизия под командованием полковника Морозова Василия Лаврентьевича в составе 105-го Стрелкового корпуса 65-й армии 1-го Белорусского фронта вела наступление в ходе Бобруйской операции, южнее Бобруйска. 27 июня она достигла *Осиповичей*¹ и участвовала в закреплении окружения бобруйской группировки врага. Далее 7 июля дивизия продолжила наступление по направлению к западной границе СССР, однако, по всей видимости, уже без моего героически погибшего здесь деда. Делаю вывод, что мой дед погиб в районе белорусского города Осиповичи. Он прожил всего 32 года. Дома его не дождались жена с двумя детьми, родители и сестра, любимая работа. Слава герою! Я горжусь тобой, мой дорогой дед!

¹ Осиповичи – город в Могилевской области Белоруссии. Крупный железнодорожный узел. Расположен на левом берегу реки Синяя в двух километрах от автодороги М5 («Минск–Гомель»). Основан в 1872 году. Статус города имеет с 1935 года. Согласно довоенной переписи населения, проводившейся в 1939 году, в Осиповичах проживало 13 723 человека, 61,6 % которых составляли белорусы (8 457 человек). Кроме того, в городе насчитывалось 2 314 русских (16,9 %), 1 694 еврея, составлявших 12,34 % от общего числа жителей города, а также 874 украинца и 256 поляков. Подавляющее большинство оставшихся в городе евреев было согнаны нацистами в Осиповичское гетто и убиты.

Была у нас в семейном альбоме реликвия, которая, к моему сожалению, бесследно исчезла: небольшой листочек бумаги, исписанный химическим карандашом и сложенный треугольником, — письмо Гемриила с фронта. Так как мой дед был грамотным человеком, текст, написанный на русском языке, можно было легко разобрать. Я лично несколько раз перечитывал его бабушке дедей Истир, да и сам нередко интересовался его содержанием. В тексте письма Гемриил обращался ко всем на Вы, включая и свою жену, очень беспокоился о родителях, детях, домашних животных и хозяйстве. Иногда, когда он хотел сказать о чем-то более личном, переходил на язык джуури. Не было слов любви — только надежды на то, что скоро закончится война и все заживут лучшей, чем прежде, счастливой жизнью. Жаль, что письмо нашего солдата потерялось — это для меня как непреднамеренное, но грубое предательство его памяти, потеря хрупкой связи, ведущей к его душе.

Информация из документов, уточняющих потери

(<https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56882334>)

«ID 56882334

Фамилия: Рахмилов.

Имя: Гемриил (*Сарим — ошибка при оцифровке*).

Отчество: Пенуилович (*Папуилович — ошибка при оцифровке*).

Дата рождения/возраст: 1910 г. (*заявлено при мобилизации — на самом деле 1912 г.*).

Место рождения: Дагестанская АССР, Дербентский р-н, с. Аглоби (*Аглаби — опечатка при оцифровке*).

Дата и место призыва: __.07.1941 Дербентский РВК,
Дагестанская АССР, Дербентский р-н.

Последнее место службы: п/п 07024 "ш".

Воинское звание: сержант.

Причина выбытия: пропал без вести.

Дата выбытия: __.07.1944.

Название источника донесения: ЦАМО».

Фото 25. Дед Рахмилов Гемриил Пенуилович —
во втором ряду слева. Фронтовой снимок 1941–1944 г.

Ниже я представляю написанное мной стихотворение, которое посвящено моему погибшему деду-фронтовику Рахмилову Гемриилу Пенуиловичу и его вдове, моей бабушке Рахмиловой Истир Рахамимовне.

Мой дед остался молодым

*Мой дед остался молодым,
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим —
Убит был на войне.
Холодный ветер гонит смог.
Боец лежит в крови.
И только в этот день он мог
Вернуться в Аглоби.*

*Река, саманный отчий дом,
Погост и стон зурны,
Родник, овраг и степь кругом —
Всё, как и до войны.
На годекане у реки
Не изменить уклад,
Сидят степенно старики,
Глядят на водопад.*

*Неспешно возятся в саду
Вдвоем отец и мать,
Детей учили вы труду,
Любить, не унывать.
Отец, ты не всегда был строг,
Я помню с теплотой,
Как слез ты удержать не мог
В прощании со мной.*

*Гоняет обод-колесо
Подросший старший сын,*

*А вслед вприпрыжку голышом
Мчит маленький за ним.
И лишь теперь я разгадал
Протяжный стон зурны —
Сынок, я твоего так ждал
Рожденья до войны.*

*На поле собраны хлеба
Уже давным-давно,
Но ртов голодных голытьба
Здесь рыщет всё равно.
Немного колосков сестра
Сыскала на земле,
Лепешку испекла с утра
В тандыре на золе.*

*Как ныне горько наблюдать:
В предчувствии тайком
О чем-то тихо молит мать,
Лицо прикрыв платком.
Жена идет от родника
С кувшином на плече.
Прости, что ноша нелегка
С детьми и на бахче.*

*Благодарю за каждый день,
Что ты вошла в наш дом,
Оберегать тебя теперь
Я буду в мире том.
Пропал ваш без вести солдат —
Пришел с войны конверт.*

*Ее судьба — всё время ждать,
Однажды дав обет.*

*Мой дед остался молодым,
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим —
Убит был на войне.*

Дедей Истир, отличаясь трудолюбием и усердием, еще с довоенных лет пользовалась всеобщим уважением, работая как в колхозе «Имени III Интернационала», так и в его правопреемнике совхозе «Путь Ленина». Она участвовала во всех коллективных и советских начинаниях, в том числе выкупе облигаций государственного займа. Этих бумажек у моей бабушки было немало, так же как и всевозможных медалей, почетных грамот и благодарностей.

Несколько отстраниться от опеки и строгого нрава своего свекра Дедей удалось лишь тогда, когда не без поддержки колхоза она отстроила для себя и сына отдельную комнатку с левой стороны хозяйского дома с отдельным входом.

Окончив сельскую семилетку, сын Истир Исай поступил в *Дербентское ПУ-4*¹, в группу со специализациями «электромонтер» и «электромонтажник». Эти профессии были крайне востребованы в республике, так как

¹ Дербентское профессиональное училище № 4 (ПУ-4), ныне железнодорожный колледж — одно из самых старинных учебных заведений в Дагестане. Основано царским правительством в 1903 году по ходатайству Владикавказской железной дороги как Александровское (железнодорожное) училище. В советский период учащиеся находились на полном государственном содержании, а выпускники распределялись на работу по всей стране.

электричество с большим опозданием по сравнению с центральными областями СССР приходило в этот регион. Во многих селах и аулах еще не видели светящейся электрической лампочки.

У дедей Истир добавилось забот с почти ежедневными проводами и встречами сына из города, до тех пор пока он не снял там временное жилье.

Фото 26. *Рахмилов Исай Гемриилович (слева). 1950 год*

Любовь матери к сыну и бабушки к единственному оставшемуся в живых внуку и наследнику, к сожалению, не сближали свекра и невестку. Когда после окончания училища Исая призвали в армию на три года, Пенуилу стало вообще

невыносимо одиноко. Не прибавляли должного настроения и еврейские семьи, навсегда покидающие село Аглоби.

Фото 27. *Рядовой срочной службы МВД —
Рахмилов Исай Гемрилович (в центре нижнего ряда)
с сослуживцами. 1962 год*

Из-за наличия многочисленных похвальных грамот и благодарности я прихожу к выводу, что мой отец достойно отбыл положенные на то время три года в войсках МВД. Как по-другому, ведь он являлся сыном погибшего за Родину воина? Службу Рахмилов Исай Гемрилович проходил в Москве, в охране правительственных объектов, и, конечно, он с любовью и ностальгией вспоминает этот город. По лицам солдат на фотографии 29, иллюстрирующей этот период, можно предположить, что сослуживцы отца были уроженцами разных уголков многонационального советского государства.

Глава 1.10. Огорчения Пенуила

К концу 1950-х годов еврейское население села Аглоби катастрофически снизилось до нескольких семей. Уезжающих соседей сменяли этнические азербайджанцы. Значительные земли в восточной части села в 1953 году государством были переданы переселенцам из *Цилинга*¹ — лезгинам по национальности. Сельчане, покидавшие Аглоби, переезжали преимущественно в город Дербент. Они постепенно обустраивались, находя себе работу не только в прилегающих к городу совхозах и колхозах, но и на промышленных предприятиях, бум роста и развития которых пришелся на эти годы. Горские евреи составляли почти четверть населения Дербента, образуя одну из трех приблизительно равных по числу диаспор. Двумя другими были азербайджанская и русская. Спектр занятости был разнообразен — от крестьян до получивших хорошее образование специалистов, занимающихся становлением и развитием советских заводов, комбинатов и фабрик.

В 1963 году мой прадед Пенуил с супругой Мошолум переехали. Что же сподвигло мужчину, перешедшему восьмидесятилетний рубеж, покинуть свое село, свое хозяйство и землю и направиться в город? Вряд ли этому способствовали рассказы бывших односельчан о лучшей жизни в городе, льготах, предоставляемых городскими

¹ Цилинг – в прошлом центр Цилингского сельсовета Курахского района Дагестана. В 1953 году в плановом порядке жители села были переселены в село Аглоби Дербентского района. Окончательно заброшено после землетрясения в 1966 году.

властями пенсионерам и семьям погибших на войне кормильцев. Что же, на мой взгляд, могло послужить причиной переезда моего прадеда?

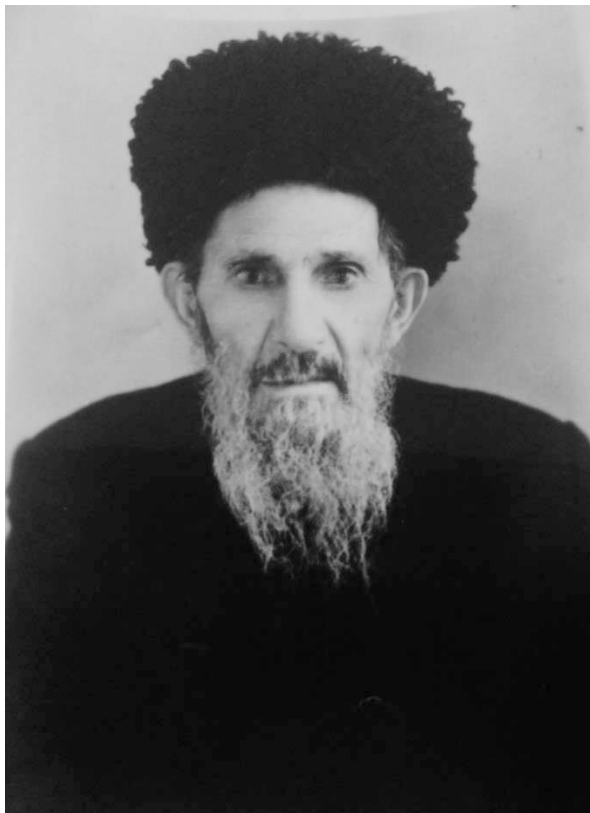

Фото 28. *Рахмилов Пёнуил Рахмилович 1950-е годы*

Во-первых, неудачный брак дочери Лиё. Вскоре после войны девушка вышла замуж. Вследствие отсутствия у молодой супружеской пары потомства в течение пяти лет уверовавшая в бездетность невестки сторона жениха брак расторгла. Дальнейшие события покажут, что причиной тому была не Лиё. Ставшая свободной женщина позволила себе

близкое знакомство с *подвозчиком*¹, занимавшимся доставкой селян к месту проведения работ. Увлечшись его обходительностью и заботой, она вскоре неожиданно узнала, что беременна. Это было ударом для семьи, к тому же мужчина был женат. В 1954 году Лиё родила девочку, которую назвала Настей. Женщина посвятила дочери всю жизнь и замуж больше не выходила. В 1961 году Лиё устроилась на работу в городе и, оставив родителей, вместе с семилетней Настей покинула село Аглоби.

Во-вторых, постоянный исход евреев из селения, в результате чего сократился круг общения и практически исчезли чувства безопасности и защищенности при изменившемся составе односельчан. Несмотря на некоторую сохраняющуюся дружбу между людьми разных национальностей и религий, такой близости, как с единоверцами, в случае с новыми односельчанами не возникло. Напротив, наблюдалось предвзятое отношение, грязные пересуды, притеснения и воровство продуктов сельскохозяйственного труда из личных хозяйств, постепенный захват земли, нарушение равноправия при водопользовании для полива, распределении льготных поставок дров и угля для пенсионеров, сыновья которых погибли на войне, невозможность открытого отстаивания своей правоты при случающихся противоречиях. Вдобавок, как уже было сказано, бывшие односельчане, приезжающие из Дербента погостить, не уставали склонять Пенуила к переезду своими рассказами о благополучной городской жизни. Но и этого всего всё еще было недостаточно для того, чтобы он покинул Аглоби.

¹ Подвозчик – возчик на подводе с лошадиной тягой.

Последней каплей для упертого хозяйственника, каким был Пёнуил, стал скандал, связанный с воровством двух новорожденных ягнят-самочек из небольшой кошары во дворе его дома, единственная внешняя стена которой была построена из рубленого камня-ракушечника.

Дело в том, что в послевоенный период Пёнуил увлекся улучшением породы своего небольшого овечьего поголовья. Он отбраковывал ягнят, рожденных единолично, и оставлял только двойняшек, преимущественно самочек. В целях скорой селекции Пёнуил выводывал, у кого из односельчан есть ягнята, рожденные парами, и обменивал их, жертвуя овцами или ягнятами большего возраста, а, стало быть, и веса. За желанным потомством он мог ездить по всему району, уговаривая хозяев об обмене или продаже. Знали об этом его увлечении многие овцеводы и иногда, не веря в успешность затеи, сами предлагали таких ягнят Пёнуилу. Странный пожилой селекционер иногда платил наличными, чтобы получить вожаденную скотину. Убедившись через несколько лет, что овцы Пёнуила дают исключительно двойную рождаемость, некоторые крестьяне потеряли сон, перенимая этот опыт. Иные нашли более краткосрочную альтернативу селекции — обыкновенное воровство.

Как раз о рождении новой пары таких ягнят селяне узнали от моей бабушки дедей Истир. Ничего такого не подозревающая женщина-вдова, радующаяся смекалистости своего свекра, рассказала об этом другим женщинам у родника. В следующую ночь во внешней стене прадедушкиной кошары был проделан лаз.

В образовавшуюся щель мог пролезть только небольшой парнишка. Таких тощих ребят тогда было немало. Проникнув в кошару и передав новорожденных ягнят через лаз

подельникам, воришка застрял, когда выбирался наружу. Помощь товарищей приводила к нестерпимой боли. Проснувшиеся под утро люди стали любопытствовать, что это происходит возле стен двора Пенуила. В конце концов парнишку вытянули. Однако по поверхности лаза тянулись кровавые следы от изодранных ран на его теле. Собаки в то время на дворе Пенуила не было, иначе воры были бы обнаружены раньше. Проснувшаяся по утрам Мошолум увидела скопившихся возле их двора людей и разбудила мужа.

Услышав о случившемся и сразу же заметив пропажу, восьмидесятилетний человек был крайне взволнован и рвался призвать воров к ответу. Однако Мошолум ненадолго удержала мужа, что, возможно, и вразумило его. Пойти к дому вора и объявить его таковым, означало неминуемую смерть кого-либо из мужчин, вероятнее всего, самого Пенуила. Несколько остыв, держась за уже привычную за многие года ореховую трость, он всё же решился на это.

Двор с обычно открытыми воротами находился на утесе, откуда открывался вид на аглобинский водопад. Если подойти к самому краю скалы, можно увидеть груды мусора, годами сбрасываемого вниз местными домовладельцами, в том числе и хозяином вышеназванного дома.

На этот раз ворота были закрыты. Подойдя к ним, Пенуил позвал:

— Аликурбан?! А, Аликурбан?!

— Сейчас, — услышал он из-за забора голос пятидесятилетнего механизатора фермы, хозяина дома.

Ворота открылись. Аликурбан был в крайнем возбуждении и, несмотря на относительно спокойные взаимоотношения между ними до сего дня, сквозь зубы, не глядя в глаза старику, произнес:

— Что тебе надо?

— Хотел поговорить с тобой, — стараясь быть спокойнее, ответил Пёнуил.

Мошолум пошла вслед за мужем и в нескольких метрах позади наблюдала за происходящим.

— Не о чем нам с тобой разговаривать! — взревел мужчина и скрылся за воротами.

Постояв несколько секунд, Пёнуил протянул руку, чтобы постучать в ворота. Однако они резко открылись.

Вышедший хозяин вынес двух ягнят, держа их за задние конечности и направился к краю утеса. Не успел Пёнуил что-либо предпринять, как Аликурбан, взмахивая руками, стал сбрасывать ягнят. Вернувшись, он снова зашел за ворота своего дома и с грохотом закрыл их.

Пёнуил скрепя сердце подошел к утесу и посмотрел вниз. Одного ягненка можно было увидеть с красным пятнышком у головы — очевидно, что он разбился. Второй застрял на краю утеса в куче мусора и практически не показывал признаков жизни. Собравшиеся ребяташки с ужасом смотрели на то, что сделал взрослый человек с животными. Один из пацанов, чуть спустившись по краю обрыва, вытащил ягненка и положил его у ног старика. Ягненок был жив, только одна из задних конечностей выглядела неестественно вывернутой.

— Пёнуил, пойдем домой! — произнесла Мошолум, подойдя к мужу поближе. — Понимаю, как тебе больно, но это всего лишь животные.

Дети приподняли еле живого ягненка и протянули его, положив на руки Пёнуила, и супруги пошли домой.

Ягненок был спасен. Сельские власти не стали замалчивать историю и в наказание обязали главу оскандалившегося семейства выплатить компенсацию

пострадавшему — 50 рублей. Деньги были получены, но взаимоотношения с родственниками Аликурбана, составлявшими немалую часть населения села, испортились.

Остались далеко в памяти кунацкие посиделки до самого утра, когда Пенуил в кругу односельчан, к их удовольствию, пел свои песни, рассказывал придуманные им притчи и сказки.

Еще одна история, произошедшая за несколько лет до случая с ягнятами, несколько отвратила Пенуила от веры в справедливость советского государственного устройства.

Одно из совхозных полей ежегодно засеивали рисом. Так как посев семян и сбор урожая происходил машинным способом, его углы обычно никогда не засеивали. Однако предприимчивые Пенуил и охранник уголья использовали эти небольшие участки, в сумме равные приблизительно 25 соткам, в своих целях.

Посевной материал оставался в излишке. После машинного сбора урожая, предприимчивые селяне собирали неубранную часть вручную и использовали ее на свои нужды. Однако на третий год комбайн умудрился собрать урожай полностью. На жалобы Пенуила бригадиру, что его рис сняли вместе с совхозным, тот ему резонно заметил: «Поскольку поле не твое и рис не твой, значит и урожай не твой, а государственный».

Эту несправедливость Пенуил с трудом, но пережил. Однако после случая с воровством ягнят предприимчивого пожилого человека покинул сон. Обида разрывала его сердце. Не было человека, который мог бы за него заступиться.

Еще одной не последней по значимости причиной, поспособствовавшей отъезду прадедушки из Аглоби, стали его ревность к стремлению невестки Истир быть

самостоятельной и неразделенная любовь к единственному оставшемуся в живых внуку.

Все эти безотчетные обиды и подозрения уже глубоко пожилого человека привели к тому, что, покидая село, Пёнуил продал половину своего дома посторонним, семье Хаджихмеда, за 300 рублей, несмотря на уговоры невестки оставить дом ей с сыном с выплатой необходимой суммы в течение последующего года. Однако свекор и любящий дед не поддался на это. Дедей Истир с сыном остались две комнаты. Еще две комнаты женщина со временем построила сама.

По рассказам моего отца Исае, Пёнуил держал у себя в доме часть утвари закрывшейся сельской синагоги. Тогда, в 1947 году, прихожане разобрали оставшуюся утварь и книги по домам с надеждой, что придут времена, когда всё это может вновь пригодиться. Холщовый мешок, в основном с религиозными книгами, он прятал в глубине амбара. Покидая село, даже эту малость Пёнуил решил не оставлять невестке. Он закопал мешок на кладбище возле могилы своего старшего сына Рахмила. О тайнике мой отец узнал, подслушав разговор своего деда с кем-то из взрослых. Это место находилось в десяти шагах от верхнего края погребения первенца Пёнуила в сторону реки.

Ну и что делать с этой информацией? — Не станешь же рыть землю на брошенном еврейском кладбище. Да и какое сокровище там могло сохраниться?

За полгода до переезда Пёнуил по совету бывших односельчан обратился в Дербентский городской совет с соответствующим ходатайством. Учтено было и его участие в Первой мировой войне. Как пенсионеры и семья погибшего воина Пёнуил с супругой получили в городе Дербенте жилье на улице Коммунаров — большую глухую комнату без окон с

коридорчиком и выходом в общий двор с десятком других проживающих здесь еврейских семей.

Переехав в город, пожилые прабабушка и прадедушка оставшуюся часть жизни жили скромно. Деньги от продажи части дома в Аглоби закончились быстро. Дочь Лиё работала — с раннего утра подметала улицы и убирала мусор с тротуаров и в близлежащем парке, обустроенном на месте ранее расположенного здесь и расселенного Советской властью еврейского квартала. Лиё разделила глухую комнату, полученную отцом от городской администрации, на две части десятиметровой перегородкой из ткани, что позволило ей с дочкой жить относительно обособленно от пожилых людей.

Пытаясь выживать на пенсию, старики ели мало. По рассказу отца, с утра дедушка Пенуил шел на рынок и покупал два-три огурца и несколько помидоров. Придя домой, он нарезал салат, которого им с прабабушкой хватало на целый день.

Есть в нашей семье легенда о том, что, после того как Пенуилу исполнилось 90 лет, у него во рту снова появились молочные зубы. Все, кто это увидел, были убеждены в своей правоте и пытались объяснить это научно. Однако ни один врач-стоматолог не подтвердил мне, что такое возможно.

Прожили супруги, о чем утверждают многие очевидцы, до глубокой старости в большой любви. Мошолум Господь отмерил 81 год. После ее смерти 11 апреля 1971 года Пенуил не захотел жить дальше. Помянув жену, он искупался, одел белые одежды и слег.

Фото 29. Могильные стелы супругов
Пёнуила и Мошолум Рахмиловых
на Дербентском иудейском кладбище. 2018 год

По утверждению моего отца, пожилой мужчина убил себя, предположительно обмотав голову шарфом, чтобы не иметь возможности свободно дышать. О желании наложить на себя руки Пёнуил проговорился внуку за день до своей смерти.

Умер мой прадед 14 апреля 1971 года, через три дня после супруги, прожив 91 год¹.

¹ На Схеме 1 последнего раздела повести «Элементы (ветви) генеалогического древа автора» представлена основная «карчагская» линия его предков.

Глава 1.11. Свадьба родителей

Летом 1966 года мои родители поженились. Их свадьбе предшествовало долгое ухаживание жениха, которое проявлялось в ежедневном пешем преследовании им случайно увиденной и понравившейся ему девушки. Сопровождая ее от дома до 5-го почтового завода «Радиоэлемент», где она работала намотчицей трансформаторов, и обратно, он держался позади на некотором отдалении. Восемнадцатилетней Рае поначалу не нравился этот парень, более того он не внушал симпатию никому из ее родных и близких, однако через некоторое время она согласилась, и родители стали готовить дочь к замужеству.

Перед застольем молодые поехали в загс зарегистрировать брак. По обычаям тех времен и отчасти нынешних в горско-еврейских семьях играют две свадьбы. Первую проводят родители невесты, которые приглашают на нее максимум своих родственников с детьми, знакомых и коллег с супругами, друзей и подруг невесты. Со стороны жениха — только самые близкие.

Вторую свадьбу организуют родители жениха. Здесь все точно так же, только приглашенные — преимущественно гости жениха. Эта свадьба оканчивается обычаем «ейлугь»¹, происходящим под присмотром одного-двух специально назначенных людей, называемых «илчи»².

¹ Ейлугь – древний горско-еврейский обычай. В переводе с *джуури* – платок (носовой), платок невинности (доказательство целомудренности невесты в первую брачную ночь).

² Илчи – посол, посланник, парламентар, сват, сваха (*перевод с джуури*).

Для моих родителей было устроено три свадьбы. Но обо всем по порядку.

Фото 30. Мои родители: *Рахмилов Исай Гемприилович* и *Рахмилова Рая Исаковна*. 1966 год

Первая свадьба состоялась во внутреннем дворе дома невесты. Двор был небольшим, однако смог вместить всех, кого намечали родители невесты — около двухсот человек. Молодожены сидели за центральным столом, одетые в специально подготовленные к свадьбе новые одежды: невеста была в красивом капроновом платье, сшитом женой её дяди Рафоила Зиной, и светлых туфлях-лодочках; жених — в новых обуви, костюме и рубашке.

На следующий день — свадьба со стороны жениха. Последний уже не мог здесь пощеголять своими новыми одедами. Купив утром на городском пивзаводе две

пятидесятилитровые бочки пенного напитка, он отправил их в Аглоби. Всё было бы хорошо, если б он не оставил в нанятом для этой цели автомобиле весь свой подготовленный к торжеству наряд. Пришлось отцу этот день провести в повседневной одежде, отчасти воспользовавшись той, что предложили из гардероба своих сыновей родители невесты. Только на следующий день водитель автомобиля, перевозивший пиво, обнаружил оставленный костюм и привез его в Аглоби.

В день второй свадьбы в 12:00 к дому невесты из села приехала грузовая бортовая машина, принадлежащая местному крупному совхозу «Путь Ленина». В ее кузове сидели несколько мужчин и женщин — друзья и подруги дедей Истир, которая торжественно восседала в кабине машины, ее ступни были обуты в новые блестящие галоши. Затем прибыла еще одна бортовая машина, нанятая для желающих отправиться на свадьбу в село. Подъезжали гости и на легковых автомобилях, чтобы сопроводить молодоженов к дому будущей свекрови в Аглоби.

Мамина старшая сестра Дина, вышедшая замуж двумя годами ранее, помогала невесте заново одеться в свадебное платье. Мама не хотела ехать и постоянно плакала, на что получала от сестры замечания.

— Ты надоела уже мне! Всё время плачешь! — вскипала та в раздражении.

Зашла бабушка Истир, мать мамы, и они вместе с дочерью уговорили ее выйти и сесть в автомобиль «Москвич» соседа, любезно согласившегося провести весь день с молодоженами. Жених тоже рвался в этот автомобиль, но мама его останавливала:

— А ты куда? Иди садись в свою грузовую.

Бабушка Истир всё же настояла, чтобы дочь впустила жениха в автомобиль, и мой будущий отец сел на положенное ему место на заднем сидении рядом с новобрачной. Переднее сидение досталось весельчаку и балагуру Хануко, мужу тети Дины. Рядом с невестой разместилась еще и младшая сестра мамы Света. Бабушка же и дедушка Исай не посчитали необходимым участвовать в перипетиях этого очень важного для их дочери дня, оставшись дома.

Фото 31. Родители моей матери —
Исаков Исай Рахамимович и Исакова Истир Илесефовна.
1966 год

Моя мама — из замечательной семьи. Несмотря на относительно молодой возраст, ее отец Исаков Исай Рахамимович был доблестным ветераном, получившим ранение на фронте, грамотным и предприимчивым человеком.

Мать Исакова Истир Илесефовна была его женой и помощницей во всех его начинаниях, она родила ему и воспитала семерых достойных детей¹.

Итак, свадебная процессия, состоящая из двух грузовых и полудюжины легковых автомобилей, периодически нещадно сигнала в пути, направилась в Аглоби.

В 4 часа дня при въезде в село «Москвич» молодоженов застрял в грязи. Десятки любопытствующих из соседствующих по обе стороны дороги Ростов–Баку сел Аглоби, Хош-Мензиль и Рубас кинулись поглазеть на свадебную процессию.

— *Урус гэлинэ гяльды!*² — восторженно кричали они, от чего-то страшно радуясь.

Машину успешно вытащили из грязи, однако мама, выйдя из нее, сесть обратно уже не захотела. Оставшийся путь до дома вдовы невеста с женихом, окруженные близкими и взбудораженными происшествием сельчанами и гостями, шли пешком. Конечно, хорошо знавшие дедей Истир люди желали поддержать это ее радостное событие. По пути они пели частушки и, чтобы привлечь удачу и способствовать росту благосостояния молодоженов, зажигали свечи, часть из которых имела квадратное сечение.

Войдя во двор жилища Дедей, границы которого были обозначены поленницами и вязанками дров, процессия довела невесту до дверей дома, откуда ее проводили в гостиную. Одетую в сияющее белизной кримпленовое платье девушку посадили на один из имевшихся здесь стульев. Приведя

¹ См. Схему 4 в разделе «Элементы (ветви) генеалогического древа автора

² Урус гэлинэ гяльды! – Русская невеста приехала! (Перевод с азерб.)

откуда-то босоногого грязного сопливого мальчика, женщины положили его на руки невесты. Та побрезговала и рефлекторно оттолкнула ребенка, чем вызвала неудовольствие улыбающихся в умилении сельчанок. Ей сделали замечание: мол, что мальчиками кидаешься — не то будешь только девочек рожать. Моя будущая мама провела весь вечер в обществе десятка незнакомых женщин, младшей сестры и тети Тамары, о главном предназначении которой будет сказано позднее, и до определенного времени свекрови и во двор не выходила. Поначалу она всё время плакала.

А на дворе играли зурна и барабан. Более трехсот мужчин и женщин сидели раздельно поодаль друг от друга на дощатых лавках за такими же столами, покрытыми парниковой пленкой. На них были расставлены собранные заранее в большом количестве посуда и столовые приборы, в отдельных глубоких тарелках выложены разносолы, нарезанный кусочками вяленый кутум. Специально приглашенные из Дербента *кейвони*¹ занимались раздачей приготовленных ими в огромных кастрюлях горячих блюд — долмы и плова. Они же подавали по необходимости горячительные напитки и обернутые в полотенца свежеприготовленные лепешки. Всё было прекрасно, пока внезапно не иссякло спиртное. Далее закончилось и горячее, а гости всё еще прибывали. Очевидно, количество угощения не было рассчитано на такое множество желающих поздравить местную вдову людей.

¹ Кейвони – варщик, повар, кулинар (*джуури*); обычно так называют шеф-поваров на свадьбе, готовящих основные блюда и распределяющих ее по столам.

Омрачало этот радостный день отсутствие необходимого количества туалетов, о чем заблаговременно не подумала позаботиться хозяйка дома.

Гости, не видя никаких альтернатив, уходили в расположенный рядом придомовой садово-огородный участок, который в этот июльский день был полон плодоносящими деревьями. Это, конечно же, вызывало раздражение у Истир, но она не могла ничего изменить.

Фото 32. Мои родители: Рахмилов Исай Гемриилович
и Рахмилова Рая Исаевна

Вскоре городские гости стали расходиться. Причиной этого отчасти стал скандал, учиненный подвыпившим и недовольным организацией свадебного застолья братом хозяйки дома Бинционом. Он уехал в числе первых. Начавшие

переругиваться еще по пути на торжество дедей Мошолум с дочерью Лиё, также чем-то раздраженные, тоже покинули свадебное мероприятие.

Когда всё предложенное гостям было съедено, куда-то делась дедей Истир. Возможно, удрученная поведением своих близких, она поехала в город обхаживать их и уговаривать о чем-то, в то время когда ее сыну еще предстояла ответственная ночь.

Вскоре и остальные гости, под конец расправившись с обнаруженными в амбаре и *доглогьо*¹ в доме вареньем и разносолами в больших стеклянных банках, покинули торжество.

К 9 вечера, когда еще даже не успели загустеть сумерки, в доме почти никого не осталось. Новобрачная, чтобы себя занять, найдя банку с гашеной известью и намочив тряпки, стала покрывать ею стены в гостиной. Дом дедей Истир, как известно уважаемому читателю, был саманный, и периодический уход за ним заключался в основном в систематической *побелке его стен и полов*².

К полуночи появилась Дедей, помимо нее и новобрачных, дома находились младшая сестра и тетя невесты, двое праздных городских ребят и девушка, ждущие совершения положенного обряда, который во избежание пересудов не мог оставаться невыполненным. Молодожены были уставшими и сильно зажатыми из-за перипетий и сложностей дня, однако в полночь новоиспеченный муж залез под одеяло и не сразу, но со всем справился.

¹ Доглогьо – полки в нишах внутренних стен дома (*перевод с джуури*).

² Побелкой стен и полов горские евреи обычно занимались перед большими праздниками.

Ейлузь был передан женихом тете Тамаре, выполнявшей функции илчи, а она, в свою очередь, выйдя во двор, под крики и улюлюкание во дворе молодежи, вручила его одному из настойчивых молодых людей. Те, привязав платок невинности к рукоятке мотороллера марки «Вятка ВП-150» и оседлав его направились в Дербент, чтобы порадовать мать невесты и получить за благоую весть существенную награду.

Следует сказать, что Пенуил, проигнорировавший торжество в селе Аглоби, проведенное «невежественной», на его взгляд, невесткой, через неделю организовал в Дербенте третье застолье. Возможно, он планировал это заранее, впрочем, мне об этом неизвестно.

Эта свадьба отчасти была триумфом ревнителей и завистников моей бабушки дедей Истир. На празднике была вся немногочисленная родня моего отца, существенную часть которой составляли Гьомиил и его потомки, а также некоторые из родственников невесты — всего семьдесят человек. Все они разместились в большой глухой комнате, в которой жили Пенуил и Мошолум со своими дочкой и внучкой.

После положенной для молодой жены недели, которую она должна была провести исключительно в доме мужа, привыкая к его порядкам, семейная пара переехала в Дербент на съемную квартиру. Первое время они снимали жилье на улице Дахадаева и в Красноармейском переулке, а когда в семье родился ребенок, молодые переехали в комнатку на улице Канделаки. Этим ребенком, родившимся через 9 месяцев после свадьбы, 19 апреля 1967 года, был я. Назвали меня Гемриилом в честь погибшего на войне деда. В 1968 году родилась Марина, получившая имя в память прабабушки Мошолум. Следующим родился мальчик, которого назвали

Павликом. Однако ребенок в семимесячном возрасте простудился и умер. Пенуил тяжело переживал потерю этого ребенка, названного в его честь. В 1972 году, через полтора года после смерти прадеда, снова родился мальчик, и имя Пенуила получило новую жизнь. Наконец, в мае 1977 года родилась девочка. Ее назвали Зоей.

Мы счастливая семья, которая, несмотря на трудности (хлеб родителям моим давался непросто), связанные с нашим взрослением, старалась оставаться такой. Отец трудился электромонтером, мама, работающая в отсутствие беременностей где придется: то поваром или нянечкой в детском саду, то швеей на Горпромкомбинате. Благодаря неравнодушию родителей я мог учиться в самом лучшем классе, с прекрасными учениками и учителями, в достойном институте. Во время учебы далеко от дома, в Москве и Московской области, мы с сестрой Мариной, помимо своих стипендий, ежемесячно получали из дома деньги — сто и семьдесят рублей соответственно. Очевидно, родители в силу этого обстоятельства себя сильно ограничивали. За это я им бесконечно обязан и, конечно, я благодарен бабушке Истир, помощь натурального хозяйства которой также имела существенное значение для нашей семьи.

Я видел, как работает мой отец. Он трудился, опираясь на знания, полученные им в училище, богатый опыт, а недюжинная сила позволяла ему ломом пробивать отверстия в стенах, полу и потолках возводимых строителями зданий. Родственники моей матери за глаза называли его «Таманго¹»,

¹ Таманго – один из двух главных героев одноименной новеллы французского писателя Проспера Мериме, впервые опубликованной в 1829 году. Вождь африканского племени отличался недюжинной стойкостью и силой. Экранизация новеллы «Таманго» от американского

полагаю, за его природную мощь и своеобразную мужскую красоту.

В целом мои родители жили достойно, воспитали четверых ребят. Иногда переругивались, думаю, как и многие неравнодушные в браке люди. Спасибо вам, папа и мама!

Фото 33. Мои родители — Рахмиловы Исай Гемриилович и Рая Исаевна. 1994 год

Хочу по окончании главы привести стихотворения, посвященные моим родителям:

режиссера Джона Берри 1958 года, вышедшая в советский прокат в 1960 году и дублированная на студии «Мосфильм», была популярна в начале 1960-х годов.

Я не помню

*Мама, я не помню глаз твоих —
Тех, еще молоденькой девчонки:
Ангел средь веревок бельевых —
Чепчики, пеленки, распашонки.*

*Мама, я не помню рук твоих —
Тех, еще девичьи угловатых,
Что под колыбельную иль стих
Ночь качали край моей кровати.*

*Мама, я твоих не помню слез,
Смахивала что у изголовья:
Думала ль в отцовском доме грез
Мужа разделять с вдовой-свекровью?*

*Помню только мягкий теплый свет,
Души, связанные пуповиной —
Я с тобой в неведении бед
Счастлив, гармоничен и невинен.*

Папе

*Здоровья не прибавится с годами,
Но не ослабить теплоту сердец,
Болезни тяготят, зато ты с нами,
Живи сто двадцать лет, прошу, отец.*

*Я верю: сил пока еще в достатке,
Немало долгожителей в роду,
Ты храбрый, волевой, спокойный, хваткий —
Родной, любимый, слов я не найду.*

*Мы знаем: ты без устали трудился,
Чтоб обеспечить всем свою семью,
Хоть изредка по делу ты сердился,
Улыбку вспоминаем мы твою.*

*Подбрасывал, как перышко, на плечи,
Когда с детсада забирал домой,
И песню, не блистая красноречием,
По просьбе пел родных со всей душой.*

*Ты сделал для людей добра немало:
Десяткам тысяч был дарован свет.
Для нас теперь сияй, гони усталость,
Живи счастливым много ярких лет.*

*Ах, папа, будь немного осторожней,
Спокойней будь, ведь ты же аксакал,
Здороваться не привставая можно,
Расслабься — ты достаточно пахал.*

*Здоровья не прибавится с годами,
Но не ослабить теплоту сердец,
Болезни тяготят, зато ты с нами,
Живи сто двадцать лет, прошу, отец.*

Глава 1.12. Алия

*Алия*¹ — трудно переоценить то, что дало это явление моим единоверцам. Кажется, что даже гипотетическая возможность уехать из СССР придавала некоторым евреям сил и энергии проходить через суровые испытания в сложные периоды жизни.

У меня, не встречавшегося с серьезными проблемами, связанными с юдофобией внутри своей страны, никогда не было желания репатрироваться. Однако я вполне понимаю тех, кто страдал от этой напасти либо от недостатка свобод и возможностей для самореализации.

Первыми нашими родственниками, эмигрировавшими в Израиль, были члены семьи Гьомиила. В течение 1973 и 1974 годов сначала Ягдон и Хаво с детьми, затем семьи Ази и Ирмиё вместе со своим восьмидесятивосьмилетним отцом и матерью Селихой покинули СССР.

В 1978 году на имя моих тетушек келеаме Лиё, амей Насте и восьмилетнего сына Насти Артура пришло приглашение от *Министерства абсорбции Израиля*², и они засобирались в

¹ Алия в переводе с *иврита* буквально «подъём», «восхождение», «возвышение») — репатриация (понимаемая в данном случае как возвращение на историческую родину) евреев в Государство Израиль, а до основания Государства Израиль — в Страну Израиля. Является одним из основных понятий сионизма, ныне закрепленным в израильском «Законе о возвращении». Всего с основания Израиля в 1948 и до 2019 года в страну совершили алию 3,3 миллиона человек. Вопросами, связанными с репатриацией в Израиль, ведают Министерство алии и интеграции Израиля, Еврейское агентство («Сохнут») и некоторые другие организации.

² Министерство абсорбции Израиля — до 2013 года, ныне Министерство алии и интеграции Израиля. Было создано в первый раз в

дорогу. О том, кто конкретно отправил этот документ первым переселенцам из нашей семьи и моим тетушкам в 1978 году мы с Настей много спорили. В результате пришли к общему пониманию, посчитав, что главным основанием в обоих случаях могло быть заявление семей о желании репатриироваться, переданное через посредника в этот орган. В качестве таких агентов выступали сотрудники *Сохнута*¹, официально работавшие в России, или частные лица, проникнутые идеями сионизма, убеждающие евреев в преимуществах выезда в Израиль и помогавшие подать необходимые сведения. Одним из таких посредников, на взгляд моей Насти, был появлявшийся периодически в дербентской синагоге пожилой рабби ашкеназского происхождения по имени Исроил, по всей видимости, имевший гражданство Израиля.

Этой, по сути, первой алии пришлось испытать немало проблем на новой земле. Однако все: и репатриированные мужчины, и женщины, и их потомки — своим трудолюбием справились с ними, работая и приумножая могущество страны с просторами бесплодных высушенных под жарким солнцем

1948 году и просуществовало 3 года. Воссоздано в 1968 году после волны иммиграции, последовавшей в результате Шестидневной войны. Министерство занималось вопросами абсорбции репатриантов в Израиле, и взяло на себя функции Еврейского агентства «Сохнут» в тех странах, где оно не присутствует, в том числе организовывало выезд евреев из диаспор.

¹ Еврейское агентство «Сохнут» — международная сионистская организация с центром в Государстве Израиль, созданная в 1908 году Всемирной сионистской организацией. Занимается репатриацией в Израиль (алией) и помощью репатриантам, а также вопросами, связанными с еврейско-сионистским воспитанием и глобальным еврейским сообществом. С 1989 года официально работает на территории СССР, а позднее и стран СНГ.

территорий. Было трудно, и в этом признавались все прибывшие в Израиль. У новой родины рождались новые патриоты, которые, помимо успехов в мирной жизни, участвовали в войне Судного дня 1973 года и Ливанской войне 1982 года, интифадах и боестолкновениях, продолжающихся по сей день.

Я хорошо помню ту зимнюю ночь 1978 года на Дербентском железнодорожном вокзале, когда мы провожали моих амешек Лиё и Настю с Артуром. Долго не подходил поезд. Я успел несколько раз отогреться в зале ожидания. Взрослые всё время ждали на перроне, как будто боялись пропустить поезд.

* * * ¹

*Я вспомнил день прощания: метель,
Нежданно выпало немало снега,
Как мне хотелось в теплую постель,
Но поезд все не ехал и не ехал.*

*Всё бросить, чтобы сгинуть навсегда
В ночную темень, будто бы изгой,
Казалось мне: какая-то беда
Вас гонит из дому, а вы — герои.*

*Ваш поезд подошел не по часам,
В том снегопад, наверно, был помехой.
Прощались громко, волю дав слезам,
Качнувшись, поезд медленно поехал.*

¹ Орывок из стихотворения автора «На торжестве»

Мы прощались навсегда, с пониманием, что, наверно, больше никогда не увидимся.

Так или иначе, дорога до Израиля была преодолена. Думаю, что Лиё, Настя и Артур не чувствовали себя так одиноко, как первопроходцы семьи Гьомиила. Они приехали в уже распахнутые объятия своих родственников, от которых в первое время получали необходимую им поддержку. Немало помогало алие израильское государство — ссудами и компенсациями за жилье, электроприборами и товарами первой необходимости, бесплатным обучением языку.

Фото 34. *Аме Настя. 1978 год*

По приезде Насти в Израиль едва не состоялся ее брак с бывшим гражданским мужем. Еще в Дербенте у пары родился сын Артур, который по роковому стечению обстоятельств стал инвалидом. Ребенок вырос, однако его костная структура задерживалась в развитии.

Возможно, из-за слабохарактерности перед настроем родителей, отказывающихся признавать Настю невесткой, а Артура внуком, или иной причине отец Артура оставил их и уехал в Израиль, где вскоре женился.

Через несколько лет, узнав от родственников, что Настя с ребенком скоро также репатрируется в Израиль, он стал, по его рассказам, периодически искать ее в списках приехавших по всему Израилю. Он нашел их в 1979 году и пришел к ним домой, где они проживали вдвоем. Лиё была против каких-либо новых отношений дочери с этим человеком, утверждая, что Насте и так хватило шабаша, который устроили его родители, а также позора в связи с его бегством. Немаловажным аргументом в пользу ее мнения служил тот факт, что на тот момент мужчина был женат. Янгиль, так его звали, убеждал обеих женщин, что этот его брак — ошибка, которую он немедленно исправит, что он женился лишь по настоянию родителей, а любит он исключительно Настю.

Так или иначе, помолвку назначили на начало праздника *Нисону*¹ 1980 года. Первый Нисону, который они с Настей и сыном должны были провести вместе. Однако этого не

¹ Нисону — у горских евреев так называется праздник Песах, по имени месяца, в который он происходит. Песах — иудейский праздник в память об исходе из Египта, один из трёх паломнических праздников. Начинается вечером с 14 на 15 нисана (сутки в еврейском календаре начинаются с вечера предыдущего дня), празднуется в течение семи дней в Израиле и восьми — за пределами страны.

произошло. Его жестоко убили за несколько часов до поездки. И по сей день под подозрением — супруга молодого человека, которая не могла допустить его ухода и, скорее всего, наняла убийц. Настя сильно переживала эту смерть. Через восемь месяцев после этой трагедии она потеряла и сына.

Фото 35. Келеаме Лиё справа и аме Настя. 1990 год

Следующую алию открыл М.С. Горбачев, за что евреи ему были очень благодарны. «Рэхь дори¹», — бесконечно радовались они. С конца 1980-х уехавшие получили возможность вернуться погостить на свою бывшую родину. Так делали многие: и Ханох, и его мать Хаво, и Лиё с Настей. Параллельно с проявлениями ностальгии новоиспеченные израильтяне искали возможности для спекуляций, и они в то время были. Ковры, золото, предметы народных

¹ Рэхь дори – дорогу открыл (перевод с джуури).

художественных промыслов, некоторые виды тканей, стоматологические и иные медицинские товары — потянулись на запад (в сумках и баулах наших бывших соотечественников. В обратную сторону последовали видео- и аудиоаппаратура, одежда и обувь, в том числе джинсы и женские сапоги, продукты питания а, впрочем, всего не перечислишь — в России наблюдался сплошной дефицит.

Также на фоне пустых полок в продуктовых магазинах густым медом с киселями из уст приезжающих лилась агитация за жизнь на земле Израиля.

В тот сложный для страны период, в условиях тотального дефицита, и мне, молодому инженеру, окончившему в 1991 году институт и уже около года отработавшему по распределению на промышленном предприятии — Государственном люберецком заводе (*ГЛЗ*¹) в Московской области, имеющему на то время ценнейший ресурс — подмосковную прописку и перспективную работу по специальности, хотелось радикально изменить жизнь к лучшему. Я поверил нескольким предпринимателям, которые неплохо заработали, воплощая в реальные деньги мое умение конструировать оснастку для *термопластавтоматов*². Они пригласили меня в родной Дербент, пообещав достойный

¹ ГЛЗ — Государственный люберецкий завод, он же Люберецкий завод сельскохозяйственного машиностроения, основанный в 1902 году, — предприятие, которое производило сельскохозяйственную технику, запчасти для нее и садовые предметы. Техника завода применялась в 40 странах и пользовалась популярностью. В 1942 году завод был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а в 1945 году — орденом Ленина. После развала СССР завод был закрыт. На данный момент на заводе ничего не производится.

² Термопластавтомат (ТПА) — автоматизированная инжекционно-литьевая машина, применяемая для изготовления деталей из термопластов методом литья под давлением.

уровень оплаты труда. Альтернативой оставалась ничтожная в период гиперинфляции тех лет зарплата инженера с возможностью подработки выполнением курсовых и дипломных работ студентам местного техникума. И я с женой и полугодовалым сыном направился в Дербент. Это было совершеннейшей авантюрой. Помимо вопроса с уровнем оплаты труда, здесь вырисовывалась проблема с безопасностью. Ходили слухи, что основные на тот момент диаспоры: лезгины, азербайджанцы и горские евреи — аккумулировали в городе большое количество оружия для самозащиты. В соседней Чечне назревала война. Чувствовалось дыхание предстоящего вооруженного противостояния. Евреи стали массово покидать места своего многовекового обитания. За ними потянулись и русские. В конце очередной самой массовой волны исхода (1992–1994 гг.) засобирались мои родители и дедей Истир.

Отработав в Дербенте два года и проведив значительную часть своих родственников на постоянное место жительства в Израиль, я озадачился: «Что делать: поехать вместе со своей семьей в не известное мне государство или вернуться в Москву?» Я думаю, двух правильных решений тогда быть не могло — мы с женой и сыном вернулись в Москву.

Мой брат Павлик, отслужив положенный срок в армии, отправился в Израиль. Что-то ему показалось неправильным и несправедливым в родном государстве. И действительно, испытаний на его голову в армии было более чем достаточно. В Безр-Шеве его встретили любимые амешки Лиё и Настя, и первое время он проживал у них. Затем он нашел работу и переехал в небольшую однокомнатную студию. В Израиле молодой репатриант получил новое имя в соответствии с местными представлениями о правильности его написания и произношения — Пануэль.

Фото 36. Аме Настя с Павликом. 1994 год

В сентябре 1994 года я снова прилетел в Дербент, чтобы проводить моих родителей, сестру Зою и дедей Истир до аэропорта Минеральные Воды, откуда они вылетали в Израиль.

Учитывая стоимость, за которую было продано всё, что было накоплено в прежней жизни моими близкими, можно сказать, что они просто бросили свое недвижимое имущество. Посудите сами. Отец продал трехкомнатную квартиру и капитальный каменный гараж за три тысячи долларов. Еще дешевле ушло жилище дедей Истир в Аглоби, включая почти два гектара пахотной садово-огородной земли — она выручила всего две с половиной тысячи долларов.

Параллельно с самостоятельным выездом в Минеральные Воды через Новороссийск был отправлен в Израиль контейнер с житейским скарбом.

Уезжали на большом туристическом автобусе рано утром. Соседи высыпали во двор и с чувством и слезами провожали нас в путь. Так как автобус собирал по городу пять-шесть репатриирующихся семей, то некоторым из находящихся в салоне пришлось наблюдать за прощанием с соседями и родственниками отъезжающих несколько раз. Ночь перед вылетом мы провели в гостинице города Пятигорска.

Мама очень боялась, что у нее конфискуют ее семейные золотые украшения, поэтому перевязала их черной изолентой и распихала по углам огромных баульных сумок. Однако все ее закладки с успехом были обнаружены таможенниками и изъяты как незадекларированные. Никто нам тогда не подсказал, что репатриантам разрешалось вывозить носильное золото в адекватных количествах, надо было только задекларировать его. Не помню, с чьей помощью, но всё мамино золото было тайно выкуплено нами у таможенников практически за его реальную рыночную стоимость. Не оставляя надежду на легкую дорогу отцу, с нами в пути было несколько ворсовых табасаранских ковров ручной работы. Эту продукцию вывозили практически все репатриирующиеся из Дербента, способствуя неимоверному росту цен на местной толкучке, расположившейся вдоль северной крепостной стены города. Спрос был такой, что ковры выкупались как горячие пирожки прямо в местах их производства — горных селениях из рук изготавливающих их месяцами мастериц. Шестисот долларов, что позволяли разменять на семью в государственном банке Москвы, было явно недостаточно для начала жизни с нуля на Земле обетованной. Однако Государство Израиль предлагало

прибывающим новым согражданам подъемные средства, достаточные, чтобы пережить первые полгода жизни, а жилье можно было взять в ипотеку (*машканта*¹), отчасти льготную, с погашением кредита через 28–30 лет. Приехав в Израиль, мои родители объединили свою семейную машканту с машкантой дедов Истир и купили квартирку с салоном и двумя крохотными спальнями в городе Беэр-Шева на улице Дерех Мецада в старом четырехэтажном здании на сваях. На этой улице в двухстах метрах от них жили и аме Лиё с Настей в приблизительно таком же доме.

Фото 37 Аме Лиё слева с дедом Истир. 1998 год

¹ Машканта – это ипотечный кредит, выдаваемый определенной группе населения на специальных, льготных условиях. Преференция состоит в том, что он предоставляется на срок от 4 до 30 лет, банк покрывает до 75 % стоимости жилья и ставка не превышает 3 %; кроме того, государство погашает 15 % стоимости жилья в течение 15 лет (1 % в год), если в этот период объект недвижимости не был продан. Условия для каждого заёмщика рассматриваются индивидуально.

Эта квартира обошлась моим родителям в 70 000 \$, которые они возвращали банку 28 лет в среднем по 420 \$ в месяц. Несложно подсчитать, что за все эти годы банк получил более чем в 140 000 \$, т.е. была уплачена двойная цена. Тем не менее это прекрасный показатель, не сопоставимый с тем, сколько приходится платить российским ипотечникам сегодня.

К концу 2022 года машканта моими родителями была полностью погашена. Бабушки Истир, к тому времени не было с нами почти десять лет, а Лиё — более двадцати.

Мои прадед Пенуил и прабабушка Мошолум оставили малочисленное потомство — на сегодняшний день это внук Исай, которому Господь дал возможность порадоваться и детьми, и внуками, а также внучка Настя, у которой, к сожалению, детей нет. Я благодарен своей аме Насте за то, что она всю жизнь была внимательна с нами, детьми своего двоюродного брата, и относилась к нам так, как будто мы ее родные дети. Так оно и есть. Моя благодарность ей за это!

Фото 38. *Моя аме Рахмилова Настя*

Иногда, бывая в Израиле, я приезжаю к *Стене Плача*¹ помолиться. Я не знаю слов молитв, как они звучат в оригинале, и обращаюсь у Господу по-русски или на языке джуури. Молю о благополучии моих детей, родителей, близких. И еще об одном прошу — о мире в России и на земле Израиля!

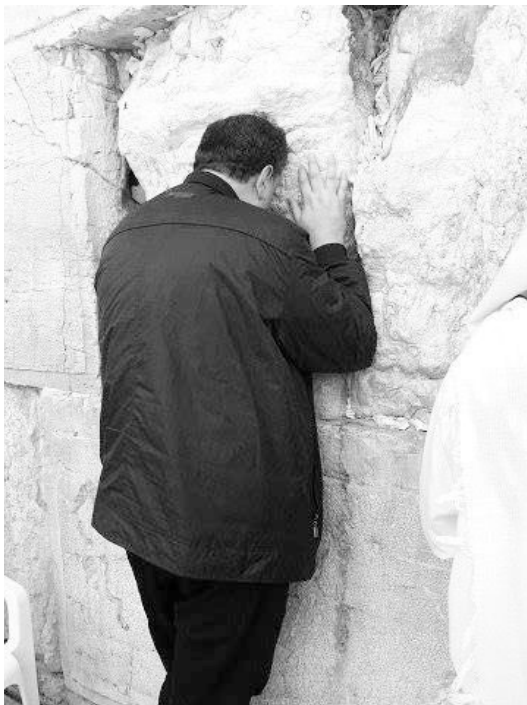

Фото 39. Я у Стены Плача. 2016 год

¹ Стена Плача, или Западная Стена (ha-Kóтель ha-Maарави) – часть древней стены вокруг Храмовой горы в Старом городе Иерусалима, величайшая святыня иудаизма, одна из главных религиозных достопримечательностей Израиля. Это самое святое место молитв после разрушения Храма почти 2000 лет назад. Молитва у Стены не бывает впустую, и слова, идущие из глубины сердца, принимаются здесь лучше. Каждый стремится посетить это место и положить в щели между древними камнями записочки с просьбами.

Часть 2. Аглобинские истории

Глава 2.1. Вдовье хозяйство

О раннем замужестве дедей Истир, трагической судьбе ее мужа, братьев и сестер, натянутых взаимоотношениях молодой вдовы, оставшейся с двумя детьми, со свекром вы уже знаете. Этот раздел книги посвящен скромности и архаичности ее одинокого быта в селе, ее общению с соседями, трудовым будням, включая мое личное восприятие дедей Истир и ее жизни.

К тому времени, когда моя память научилась запечатлевать и анализировать окружающее, моя бабушка, проживала одна в доме, ведущем свою историю от постройки его первых помещений свекром в 1908 году. Большая часть жилища к концу 1980-х годов разрушилась из-за постоянных обводнений, связанных как с дождями, так и подтоплением фундамента при поливе расположенного рядом соседского огорода. Такая же участь постигла и две саманные комнаты, пристроенные Дедей вместе с сыном в 1960-е. Это обстоятельство побудило вдову соорудить в 1980-е крохотный (12 м²) однокомнатный домик из ракушечника рядом со всё глубже проседающим, но не покидаемом ею до поры до времени пристанищем.

Очагом здесь служила газовая плита, появление которой в 1980-х годах осталось для меня незамеченным. Она значительно облегчила бабушкин быт. Однако не простаивали и другие две печи, расположенные на дворе. *Харекь*¹

¹ Харекь — плоская глиняная печь, обогреваемая бревнами .

использовалась для приготовлений блюд на сковороде, плоских лепешек с сотнями отмеченных гусиными перьями дырочек, или *чуду*¹. Другая печь, *тону*², располагалась чуть выше уровня земли. Какими же пахучими получались лепешки из этой печи! Если есть их сразу да с местной брынзой — ничего вкуснее не припомню.

После созревания *терна*³ бабушка варила его с вечера до следующего утра в огромных металлических котлах, водружаемых на импровизированную печь, составленную из огнеупорных кирпичей, с открытым огнем. Получившаяся густая кислая масса, называемая горскими евреями *туьрици*⁴, добавлялась при желании к мучным горячим блюдам, таким как *душпере*⁵ или *хинкал*⁶. Этим соусом-приправой дедей Истир обеспечивала всех своих родственников и друзей.

Бабушкины душпере отличались от тех, что я когда-либо ел, обилием в фарше, рубленном небольшим топориком на специальном пеньке, зелени и томата. Особенностью хинкала

¹ Чуду — блюдо народов Дагестана в виде тонких или толстых пресных лепешек с начинкой, обжаренных на сухой сковороде. По форме чуду бывают как круглые, так и полукруглые.

² Тону — см. сноску в Предисловии.

³ Терн — колючее растение, кустарник или небольшое дерево с небольшими кислыми плодами.

⁴ Туьрици (дословно с *джуури*) — кислота, кислятина; так называется соус, приготовленный из плодов терна, придающий кислинку блюдам горско-еврейской кухни.

⁵ Душпере — блюдо азербайджанской и горско-еврейской кухонь, аналогичное русским пельменям. Отличаются рецептом мясного фарша, характером лепки и размером. Размер азербайджанского душпере — с наперсток, горско-еврейского — с небольшое куриное яйцо.

⁶ Хинкал — популярное блюдо кавказской кухни. В горско-еврейской традиции представляет собой вареные в мясном бульоне кусочки теста; подается с бульоном, вареным мясом и соусами.

дедей Истир являлось то, что к его благоуханию в тарелку поверх сваренных в бульоне мучных квадратиков-лепестков добавлялась вкуснейшая яично-помидорная смесь. Так готовить могла только она. При этом поедание большого количества приготовленной еды всегда ею поощрялось, а отсутствие запроса на добавку категорически игнорировалось.

После такого обеда не полежать в дальней маленькой прохладной комнате старого дома с низенькими окошками было бы непростительно.

Фото 40. Дедей Истир в передней старого дома. 1982 год

Продолжая рассказ о большой импровизированной печи в середине двора, следует отметить, что на ней периодически варились и отстирывались бабушкины одежда и постельное белье.

В зимний же период дедей Истир пользовалась для приготовления пищи и других нужд буржуйкой, отапливаемой дровами и углем.

На бабушкином дворе, пересекаемом грубой бельевой веревкой, подпираемой посередине срубленной высокой рогатиной из платана, имелось три птичника, два стойла для осла и овец, навес для арбы, туалет и темный саманный сарай с насестами для кур и индеек.

Фото 41. Дедей Истир во дворе у птичника. 1980-е гг.

К слову сказать, дедей Истир владела тремя садово-огородными участками земли, на которых ее неимоверными усилиями постоянно кипела работа: «придомовым», «нижним» и «верхним».

«Нижний» участок находился в трехстах метрах за домом. Здесь росло большое количество посаженных ее свекром и сыном Исаем деревьев и кустов разных видов и сортов: яблони, персиковые, абрикосовые, айвовые, гранатовые, сливовые, алычовые, инжирные, вишневые, ореховые и, конечно же, виноградные лозы, взбирающиеся по специально установленным шпалерам и создающие благодатную тень знойным летним днем.

Сразу же при входе на этот участок попадаешь под сень большого раскинувшегося, в том числе на соседние огороды, тутового дерева, посаженного в день моего рождения и заботливо оберегаемого бабушкой все годы ее проживания в селе. Здесь ему предназначено главное место, отведена почетная роль — встречать гостей под свою прохладную крону, предоставлять их самим себе, позволять им наслаждаться всем удивительным фруктово-ягодным разнообразием сада. Под его тенью можно было передохнуть от полуденного солнца, подождать папу или дедей, всегда находящихся себе какую-то работу или заняться чем-нибудь полезным: например, укладкой собранных на участке слив, яблок или томатов в ящики.

Дерево черного тутовника, которое подрастало одновременно со мной и в какой-то мере участвовало в моем становлении как личности, достигло зрелого возраста, прежде чем новые хозяева решили его срубить и выкорчевать корни. Странно и отчего-то больно было наблюдать за отсутствием малейшего напоминания о нем через много лет, когда я снова

посетил эти места. Я есть, а того, что было всегда рядом со мной всё мое детство, не было. Это дерево служило местом моих игр: взбираясь на его крону и представляя себя капитаном корабля, я под дуновениями ветра качался на его ветвях, вглядываясь в необозримую даль.

Мною написана об этом дереве песня, не без романтизма, конечно, учитывая возраст юноши и его чувства:

Старый тутовник

*Бывало так: качался на ветвях
Безусый паренек, слагая песню:
На волнах ветра, в бури жерновах
Был капитаном, что плывет над бездной.
Об однокласснице он пел своей —
Красивой и прилежной ученице,
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь, у шелковицы.*

Припев:

*Старый тутовник — светлая сказка,
Рядом вдвоем я и ты.
Детство нам дарит яркие краски,
Ветер рисует мечты.
Здесь, средь неясных переживаний,
Хочется рядом с тобой
Жить и учиться без расставаний —
Может быть, это любовь?..*

*Ствол дерева тихонько приобняв,
В молчании прислушиваюсь к ветру:
Изъеден тлей тутовник мой, трухляв,*

*Но чувства детские хранит и веру.
И увлечения мои тех дней
Раздвинули прожитые страницы:
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь, у шелковицы.*

Припев:

*Старый тутовник — светлая сказка,
Снова вдвоем я и ты.
Первое чувство — в этом разгадка —
Свету подобно звезды.
Не сохранилось на дереве имя,
Вырезал что навсегда,
С ветром в лицо и мечтою наивной —
Славными были года.*

К вышесказанному добавлю, что моя бабушка на «придомовом» участке земли, составлявшем всего лишь несколько соток, высаживала деревце с рождением каждого внука или внучки. В день рождения моего брата Павлика появилось деревце белого тутовника, когда родилась сестра Марина — граната, и, наконец, в день рождения младшей сестры Зои высажен *хартут*¹. Правда, неплохая традиция? Этот разросшийся и окрепший хартут наряду с несколькими деревьями из высаженной здесь отцом гранатовой рощицы — всё, что сохранилось здесь на момент моего недавнего после семнадцатилетнего отсутствия посещения Аглоби. На этом же

¹ Хартут — одна из разновидностей черной шелковицы. Имеет плотный относительно других видов шелковицы плод, наиболее пригодный для приготовления компотов и варений.

«придомовом» участке находилось две теплицы под рассаду, где на нескольких квадратах земли росли корнеплоды и всевозможная зелень для кухни.

Третий участок назывался «верхним огородом». Он был самым большим, площадью более полгектара, находился в трех километрах от дома, на окраине села возле ржаного поля. Достался он деде́й во времена, когда государство стало проявлять заботу о своих тружениках, особенно сильно пострадавших от Великой Отечественной войны, таких как Исти́р — одинокая мать с детьми на руках, потерявшая мужа.

Сюда ездили не менее чем на полдня, основательно подготовившись. Добирались преимущественно на запряженной ослицей арбе. Здесь бабушка выращивала преимущественно овощи — помидоры, огурцы, капусту, картофель. Кроме этого, самопроизвольно произрастал мак, тот самый, из которого можно было изготавливать опиаты. Но я, советский мальчишка, даже не подозревал об этом. Рос себе и рос, красивый цветочек. В 1980–1990-е годы местный милиционер внимательно отслеживал наличие этого цветка на огородах сельчан и, проникая на участки, безжалостно уничтожал его, пеняя хозяевам на недопустимость произрастания мака под носом честного труженика и неотвратимость соответствующего наказания.

Как жилось деде́й Исти́р в этот период, когда последняя супружеская пара горских евреев — пожилые Юсуф и Гюльсюрх — к концу 1970-х годов покинула село и направилась в город? Родителей, переставших проявлять должную для жизни активность, забрал старший сын. С этого момента у бабушки не осталось здесь ни одного соплеменника.

Как складывались взаимоотношения с односельчанами? По-разному — скажу я Вам, уважаемый читатель. С иными

она не очень ладила, но вынуждена была приспособливаться, с кем-то дружила. Ее любили сельские дети, уважительно называя Истир-деде, поскольку она всегда была с ними ласкова и щедра. Раз в неделю она пекла хлеб и раздавала соседям, по паре-тройке лепешек отправляла в Дербент — нашей семье и своим немногочисленным родственникам.

На мой взгляд, чтобы прожить без особых потрясений с таким разным по характеру населением села, она должна была быть безукоризненно честным, чистым и уважаемым человеком, и она знала об этом и являлась такой.

Фото 42. Истир Рахимовна и соседи — семья Яхье.
1978 год

Встречались и разной степени юдофобы. Были и такие, кто завидовал ее работоспособности и не мог ее за это

простить. Как она справлялась с таким количеством работы? Это при том, что она не родилась в этом селе, а пришла сюда из города. В середине 1970-х некоторые особо непримиримые сельчане настояли на том, чтобы на одном из собраний был поставлен вопрос: а не много ли земли для одной женщины.

Больше всего возмущались те, кто оказался в селе совсем недавно — бывшие жители, переселенные сюда из высокогорных аулов. Они были недовольны скудостью участков переданной им в личное пользование земли, несмотря на то что их семьи были многодетными, говорили о трудностях с водопользованием из-за нахождения их огородов на выходе пересекающего село мелиоративного канала.

— Куда ей столько, одной? Отдайте нам! — негодовали здоровые угрожающего вида мужчины.

Дедей сидела молчала, боясь проронить и слово. Уповала ли она на Господа в этот момент? Полагаю, да.

Председатель сельсовета, очевидно, готовя решение не в пользу дедей Истир, рассказывал о некоторых ее заслугах перед совхозом, о том, что он хорошо знает ее сына Исяя с семьей, которые неплохо устроились в городе и вроде как не собираются переезжать в Аглоби, говорил о скором наступлении у Истир заслуженного возраста, когда она всё равно не сможет обрабатывать все имеющиеся у нее земли.

Однако нашелся человек, который, ударив кулаком по столу, прервал речь председателя и защитил мою бабушку. Это был один из старейших уважаемых сельчан, коренных аглобинцев, семья которого еще в предыдущем веке жила в мире с огромной еврейской аглобинской и хош-мензильской диаспорами.

— Негодяи! — крикнул он, и его тело как будто дрогнуло и опустилось ниже к столу, да так, что многие из присутствующих стали переживать за его здоровье.

— Уважаемый Хаджимуслим, да не переживайте Вы так! — заметил председатель, очевидно, уязвленный тем, что его прилюдно перебили. — У Истир Рахамимовны останется достаточно земли, чтобы она, ее сын и внуки были обеспечены сельскохозяйственной продукцией села.

Фото 43. Труженицы Аглоби —
Рахмилова Истир Рахамимовна в центре. 1950 год

— А кто это будет решать? — продолжил Хаджимуслим. — Ты?! Или эти понаехавшие в последние годы совхозники, которые ни сеять не могут, ни пахать, только пьяные драки могут устраивать на селе.

— Уважаемый Хаджимуслим, не нервничайте так, а то, чего хорошего, заболеее.

— Какой позор, лучше б я не дожил до такого дня! — продолжил аксакал. — Чего вы добиваетесь, чтобы люди узнали, что мы гнобим здесь единственную оставшуюся среди нас еврейскую женщину, труженицу, вдову, потерявшую мужа на войне? Вы не люди! Были бы людьми знали бы, чему обязаны евреям. Вы за бесценок забрали их дома и пользуетесь их пахотными землями. Бросаетесь как шакалы на бедную одинокую женщину.

Мужчина поднял голову. Глаза и рот его были влажными, но не от слез, а от возмущения. И, уже обращаясь к Истир, произнес:

— Иди, дочка. Не бойся, никто у тебя твою землю не отберет.

Ни один человек из присутствующих не посмел возразить пожилому человеку. Больше никто и никогда поднимал вопрос по поводу бабушкиной земли.

Через много лет этот надел всё же пришел в запустение, но бабушка к тому времени уже много лет как покинула село. Я и сам был крайне огорчен, когда по приезде в Аглоби увидел бывший наш «нижний» огород, где даже поливная канава была заброшена и практически выровнялась с землей, а на входе и намек не было, что здесь росло зрелое тутовое дерево. Та же участь постигла и тутовник, высаженный в день рождения брата в «придомовом огороде». От гранатовой рощицы осталась пара деревьев. Только хартут младшей сестры разросся до невероятных размеров, чем несколько

сгладил общее гнетущее впечатление. На месте «верхнего огорода» новые хозяева построили себе огороженную высоким забором усадьбу.

Бабушке Истир в годы ее жизни в Израиле было тяжело из-за невостребованности. Ей не хватало клочка плодородной земли, привычного ей ковыряния в ней, того, чему она отдала большую часть жизни. Город Беэр-Шева, где она проживала с моими родителями, братом и сестрой и их семьями, отличался крайне неплодородной каменистой почвой. Практически под все высаживаемые здесь кустарники и деревья земля завозилась извне, а вода подавалась к корням растений капельным методом.

Посаженный мной во дворике сестры в Израиле терн, в течение десяти лет выказывал признаки жизни, покрываясь иногда зелеными листочками. Однако, несколько подросший, он сдался этой мертвой полупустынной земле. Почва же дагестанских предгорий быстро оживала и отвечала благодарностью, если к ней проявить минимальную заботу. Новое поколение аглобинцев, имея плодородные земли, в том числе и выкупленные у покинувших эти места евреев, не отягощает себя заботами о сельскохозяйственном использовании этого богатства. Помня трудолюбие этого народа, предполагаю, что теперь такое занятие, должно быть, не имеет четкого коммерческого смысла.

Глава 2.2. Домашние животные

В конце 1970-х годов в селении Аглоби было более ста дворов, в большинстве которых имелись домашние животные: птица — индейка, куры, гуси, утки, крупный и мелкий рогатый скот — коровы, овцы, козы (в двух родственных семьях было и несколько буйволов), тягловые животные — лошади, мулы, ослы. Всё это наряду с количеством земли в личной собственности и составляло состояние крестьянских дворов и их хозяев.

Как в дореволюционные годы, так и в советские браки между людьми из семей с разным уровнем достатка были крайне редки, мезальянсы случались редко. На Кавказе и в целом на Востоке отношение к состоятельным людям было особенно почитаемым, а общение на равных — невозможным.

Примеры этому уважаемый читатель уже знает из настоящего повествования, когда отец невесты отказал моему прадеду Понуилу, имевшему хорошие карьерные перспективы, сославшись на его сиротство, считая это некой ущербностью. Возможно, и ранняя смерть брата моего деда Рахмила вследствие отравления также случилась из-за неравного брака. Очень уж кому-то не понравился быстрый рост его благополучия. Можно ли считать мезальянсом переезд четырнадцатилетней Истир в дом ее будущего жениха, которому на то время исполнился двадцать один год, или брак моих родителей, судить не берусь.

Семьи в селе создавались обычно среди равных — это был очень чувствительный вопрос. Даже имея на осла или на повозку больше, человек считал не владеющего этим

имуществом неравным себе. Пенуилу пришлось украсть женщину своей мечты, когда она уже была замужем.

Но вернемся же к нашим баранам! — немного отвлеклись. Овцы с козами одним стадом, коровы другим каждое утро в ранних сумерках в любое время года направлялись на выпас. Буйволы, видимо, откармливались хозяевами самостоятельно.

Старая часть Аглоби, население которого составляли преимущественно тюркоязычные жители, пасла скот отдельно от новой части селения, где проживали лезгины, выбирая южные и юго-восточные луга. Новой части приходилось гнать овец на северо-восток и восток. И это правило было незыблемо.

У нас на дворе всегда были овцы, на моей памяти, от двух до шести в разное время. Имелась также корова, которую я не помню, но рассказы о которой я слышал от дедов Истир. Овцы, — единственные из домашних животных, которые не удостаивались прозвищ, даже среди птицы были исключения: петух Петя, например, или гусак Шайтан. Среди овец подобного не наблюдалось: баран оставался бараном, овца — овцой. Из птицы у бабашки имелось полдюжины индеек, дюжина гусей, две дюжины кур, несколько цесарок. У бабушки всегда была серого цвета ослица, поколения которых менялись, а кличка оставалась прежней — Наташа. Насколько я знаю, ослы живут где-то двенадцать лет, и, скорее всего, на моей памяти было не менее трех таких Наташ. Маленький кобелек по кличке Кабан дожил до поздней старости, основную свою задачу он видел в сигнализации лаем о присутствии чужого на близлежащей ко двору вдовы территории. Однако все известные кражи в доме дедов Истир совершали вовсе не чужие люди. Об одном из таких происшествий я расскажу чуть позже. Была также, со слов ее

хозяина, моего младшего брата, полуовчарка Инга, которая проявляла к нему чудеса преданности.

На любом дворе, где имелась корова, ей давали кличку, потому что она была фактически членом семьи и ее достоянием. Нашу корову звали Мака — видимо, сокращенное от Мамка или Машка.

Приведу рассказ бабушки об одном из худших дней ее жизни — в этот день погибла Мака. Корова в то время была стельная. До отела оставалось немного — месяц-два. После утренней дойки Мака присоединилась к стаду и направилась на выпас. Перепрыгивая через канаву, являющуюся главной водной артерией села, Мака не смогла резво подвести задние конечности и плюхнулась брюхом о ее край. Ноги сразу же стали утопать в скользкой жиже. Пытаясь несколько раз толчками выбраться из канавы, корова всё глубже погружалась в нее, нанося травмы себе и пока еще не рожденному теленку.

Хотя с детства все мужчины села постоянно привлекались к выпасу, нельзя сказать, что они были профессионалами этого дела. Почему? Об этом я расскажу позже. Ну а в данный момент наш пастух растерялся, не зная, что делать с распластавшейся в канаве четырехсоткилограммовой стельной бедолагой, жадно раздувающей ноздри и глядящей на него с выпученными от ужаса глазами. Отпустив подпаса со стадом вперед, он вернулся в село и сообщил о случившемся моей бабушке, направлявшейся на работу в совхоз. Севшая было, как и полтора десятка других женщин в открытый кузов грузовика, подогнанный для транспортировки их в поле, она вынуждена была бежать на помощь своей Маке.

Узнав о происшедшем, она всю дорогу причитала и била себя по лицу до крови. Истир буквально летела к месту, указываемому пастухом. Мака из последних сил пыталась удержаться на передних ногах, всё тело ее дрожало. Задние — неестественно разъехались в канаве. Вокруг коровы уже собралось много сочувствующих сельчан. Пастух, то удаляясь от места происшествия, то возвращаясь обратно, что-то торопливо пытался объяснить. «Ведь сами видите, что это несчастный случай», — обращался он ко всем за поддержкой.

Бабушка во весь голос рыдала, глядя по морде свою дорогую кормилицу. Ее успокаивали другие женщины. Говорили, что грех так плакать над скотиной. Однако все понимали, какое это горе — слава Богу, это случилось не с ними и их питомцами. Вызвали местного мусульманского резника, поскольку *шохьида*¹ в селе уже не было более двадцати лет. Корову усилиями нескольких мужчин вытянули из канавы и завалили набок. Она обреченно и длительно мычала, глядя потухшими глазами куда-то вдаль за спины наклонившихся к ней людей. Женщины, беспокоясь за своих коровушек, выпроводили пастуха на выпас, а бабушку усадили на лежащее неподалеку бревно.

В течение двух-трех часов Мака была освежевана и разделена на части. Телка резать не стали, так как он был мертв, и всю кровь с него выпустить бы не удалось. Часть мяса была взвешена на появившихся откуда-то весах и роздана пожелавшим этого односельчанам. Оставшееся погрузили на арбу и отвезли домой к бабушке, где в тот же день сообща до поздней ночи соседки и близкие подруги моей бабушки

¹ Шохьид (*джуури*) – резник, совершающий убой скота в соответствии с иудейским ритуалом.

засаливали нежданно свалившуюся на них по ранней весне говядину. Обычно такое мероприятие, как засолка и последующее копчение мяса сопровождалось обильным застольем и весельем в доме, в котором был совершен убой скота. Люди веселились допоздна, музицировали и пели веселые песни. Теперь же эта работа сопровождалась печальными рассказами и песнопениями.

Вскоре на сельском совете, собранном по поводу случившегося, было принято решение о выплате пастухом дедей Истир, труженице, вдове воина, погибшего на войне, трехсот пятидесяти рублей. В те времена на эти деньги можно было купить молодую полуторагодовалую телочку. И хотя пастух отдал всю сумму, в хозяйстве бабушки в дальнейшем больше никогда не было коровы.

Исторически крупным землевладельцам запрещалось выращивать в Аглоби на продажу основные сельскохозяйственные и овощные культуры — пшеницу, рожь, кукурузу, капусту, лук, чеснок, перец, помидоры, огурцы, а также табак. Разрешали разбивать сады и культивировать подсолнечник. Это связано с тем, что эта земля предназначалась преимущественно для выращивания кормов и выпаса домашнего скота, поголовье которого тогда было впечатляющим. Местные домохозяйства сажали на своих небольших подсобных участках лишь необходимое для личного потребления. Здесь располагались всевозможные сельскохозяйственные амбары, зерновые тока с молотилками и прочим обрабатывающим оборудованием.

Крупные животноводы нанимали людей для постоянной работы на выпасе. Мелкие владельцы скота объединялись в группы и в зависимости от своей доли животных в стаде в пропорциональном количестве дней по очереди направляли

на пастбища своего работника. Именно таким образом в советское время при небольшом, как правило, поголовье в личной собственности пастухами обычно становились члены семей, когда подходила их смена. Не помню, чтобы я с бабушкой ходил на выпас более двух дней подряд. Однако обычно следующее наше «дежурство» выпадало через полтора-два месяца.

Понятно, что опыт работы пастуха совершенствуется в процессе случающихся порой нестандартных ситуаций и в результате понимания, как справляться с возникшими трудностями. Стадо коров не доверяли молодым новичкам, выпас обычно осуществлялся ими в паре с профессионалом.

У меня остались прекрасные воспоминания о том времени, когда я с бабушкой дедей Истир ходил на выпас овец. Отара обычно составляла до двухсот овец и коз. Взял в руки хлыст или палку и знай себе иди за подопечными да поправляя иногда их движение. Маршрут туда и обратно прекрасно им известен. За козами иногда приходится побегать. Завидев где-то в сторонке кусты с вкусенькими колючками, они срываются с места, не соразмеряя расстояние.

После перехода через злополучную канаву, о которой я уже вам рассказывал, разворачиваются заливные луга с клевером и сочной травой. Благодать! Далее путь лежит в небольшую лесополосу, где на дубах до одури беспрерывно стрекочут цикады. Здесь в полдень овцы собираются вкруг и охлаждают в тени друг друга свои пропеченные на солнце руноносные тела и головы. У коз такого единения нет — они просто ложатся в теньке и пережидают полуденный зной.

Рис. 1. Шишкин Иван Иванович «Овцы под дубом»
(1862–1864)

Мы с бабушкой в это время можем наконец присесть, расстелить скатерть, выложить приготовленное заранее вечером блюдо, хлеб, сыр, нарезать привезенные овощи и спокойно пообедать. Чем не пикничок? Далее можно подремать часик-полтора, понаблюдать за бьющимися до увечий за преимущество в спаривании немногочисленными баранами и козлами или прогуляться по лесу.

Однажды я набрел на ручей, дно которого, казалось, было будто выложено разноцветной плиткой. Зайдя в воду босыми ногами, сразу почувствовал под ступнями беспорядочное активное движение. Выбравшись на сушу, я обнаружил на голених несколько разноцветных пиявок. В ужасе я сдернул их с кожи. И тут отовсюду в ручей попрыгали напуганные мной черепахи. Меня осенило: дно его обложила панцирная сеть, создавая видимость аккуратно уложенной плитки. Я еще

вернусь сюда через некоторое время, чтобы собрать целый мешок этих животных. Мне тогда в голову пришла ужасная идея — освоить выпуск черепаших пепельниц. Дело, к счастью, завершилось тем, что ни одно животное не захотело жариться на костре до полного обугливания, как мною тогда задумывалось. Более того, мне не удалось погубить ни одной черепахи — все были благополучно выпущены на волю.

Недалеко от того места, где мы с бабушкой Истир отдыхали во время выпаса овец, находилось войсковое стрельбище. Однажды мы попали под залпы. Видимо, проводились учения, и канонада продолжалась несколько часов. Одна из пуль, как мне показалось, просвистела у самого моего уха. На всякий случай мы спрятались за широкими дубами. Вероятно, когда здесь строили полигон, предполагали, что это место безлюдное.

Вторая половина рабочего времени проходила быстрее, ведь мы двигались в сторону дома, и каждый шаг приближал нас к окончанию сложного, но интересного дня. После прохождения знакомой нам канавы потребность в пастухах практически отпадала. Животные, растянувшись вдоль пути следования, с торжественным блеянием направлялись к своим хозяевам и бодро забегали за знакомые ворота.

Глава 2.3. Синяя птица

Если меня спросят, держал ли я в руках синюю птицу, отвечу положительно. Для меня этой представительницей грез и сказок является цесарка. Как же прекрасно это создание природы, как же грациозно, как же оно радует глаз и слух!

В конце семидесятых отец побывал в командировке в совхозе *«Оборона страны»*¹ Дербентского района Республики Дагестан. После поездки он несколько ночей не смыкал глаз, так явственно ему представлялась та красота, которую он видел. В этом совхозе начали выращивать цесарку, предполагая, что в будущем наряду с другой птицей она будет достойным прибавлением к праздничному столу советского человека. Сейчас по практически отсутствующему предложению мы уже достаточно точно можем предположить, получила ли такая инициатива массовый производственный толчок.

В следующий раз отец опять напросился у своего начальства в командировку в то же хозяйство и буквально выпросил у главного птицевода несколько птенцов. Правда, пришлось повозиться у него в доме, устанавливая дополнительное освещение двора, но это стоило тех бессонных ночей, что довелось провести моему папе. Вечером

¹ Совхоз «Оборона страны» — совхоз молочнотоварной направленности, а также сельскохозяйственное опытное хозяйство, располагавшееся в 8 километрах к северу от районного центра г. Дербента Дагестанской АССР, в устье реки Дарвагчай на берегу Каспийского моря. Население в период расцвета совхоза — преимущественно русские. Имел опытный заказ на разведение цесарок. Прекратил свое существование — ныне на его месте расположено село имени Мичурина с населением 876 человек.

он приехал в свое родное село Аглоби, держа, как коробку с тортом, картонный ящик с несколькими полосатопятнистыми птенцами. Дедей Истир обрадовалась, поскольку ей сразу же они приглянулись. «Какие же шустрые!» — прижав руку к груди, умилялась она, когда, выбравшись через небольшую щель из чуть приоткрытой коробки, птенцы рванули врассыпную.

Они были намного проворнее всех известных бабушке домашних птиц и сразу же убегали, пытаясь скрыться из виду. Отец знал про эту особенность птенцов, поэтому заблаговременно специально для них соорудил небольшой вольерчик в сених, опоясав его практически вокруг мелкочаистой рыболовной сетью.

Птенцы быстро набирали вес, их забавный писк постепенно обретал великолепное звучание. А пели они чудесно. Сначала во двор выпустили одного птенца, тот сразу же бросился наутек. Пространства ему явно не хватало, поэтому он не то подскочил, не то подлетел на его ограду и... Слава Богу, я в то время бегал быстрее. Его удалось поймать и вернуть домой. На коротком домашнем совете решили сначала приучить птенцов к своему месту во дворе и режиму питания. Практически ровесники цесарят гусята уже подросли и поэтому их перевели ко взрослой птице, а на их место заселили наших бегунков. Несколько раз умников-птенцов приходилось вылавливать по соседству, поскольку они легко отыскивали в устаревшем ограждении щели, которых на глаз не было видно. Цесарята делали подкопы или каким-то другим образом оказывались на крыше своего жилища. В конце концов, когда из птенцов сформировалась достаточно взрослая птица, их пришлось выпустить за пределы постоянного места обитания. Эти свободолюбивые

создания сразу же разлетелись кто куда, ничего не поделаешь. Двух птиц удалось отловить, другие исчезли. Нигде их не было видно. Поискав их пару часов по селу, мы вернулись домой, размышляя, что, видать, это еще дикая птица, пока недостаточно приручена, и сохранить ее можно только взаперти.

Настал вечер, отловленные беглянки завели свои прекрасные песни. Мы с бабушкой были единомышленны в том, что, несмотря на дикий норов птиц, они великолепны. Далее показалось, что их пение становится более многоголосым. Мы с бабушкой вышли во двор. На крыше дома, над птичником и на заборе сидели наши пропавшие ранее цесарки и пели. От радости в тот вечер бабушка высыпала в бадьи для птиц намного больше корма, чем обычно. Дверь птичника с цесарками была открыта навсегда. Да и они предпочитали не возвращаться в него, занимая все выдающиеся точки нашего двора.

Появления потомства цесарок мы ждали больше года и уже заподозрили было их в однополости, как вдруг одна из птиц вернулась во двор с небольшим выводком цесарят, молниеносно прячущихся за ее оперением. Тогда мы с бабушкой стали искать кладки, отслеживая наших питомцев. Хитрющие, они ходили вокруг да около них, всё время поглядывая назад и по сторонам. Но человек, в итоге, оказался умнее даже такой примечательной птицы. Одну кладку нашел я, другую — бабушка. Ничего не трогая, мы довольные вернулись домой. Для кладки цесарки предпочитали густые изгороди недалеко от дома, в которых проделывали небольшие ходы. Основными врагами для птиц были домашние кошки из ближайших дворов, которые иногда

прогуливались по своим околodворовым территориям и могли навредить будущему потомству.

Со временем мы стали переносить найденные нами яйца на свой двор и в имеющемся у нас темном птичнике буквально указывали на кладку цесарке. Закрывали их на некоторое время, пока те не удостоверяться, что это именно их перенесенные кладки, и только тогда принимались их высиживать. По нашим с бабушкой наблюдениям этим занимались и самки, и самцы. Мужские особи отличались более пышным и красочным оперением, густым ожерельем под клювом и длинным более твердым рогом на головке.

Фото 44. Цесарка с выводком

Какие же прекрасные создания, всё село радовалось их пению многие годы! И бабушка ни разу не забила ни одной из этих птиц. Спросите, для чего они тогда были в натуральном

хозяйстве нашей дедей Истир — я с удовольствием отвечу: для души.

Никому из сельчан, несмотря на их регулярные просьбы, мы не дарили и не продавали ни наших птиц, ни их яиц для разведения. Однако цесарки стали появляться то на одном краю села, то на другом. И уже неважно, что отвечали новые хозяева на вопрос бабушки: «Откуда птица?» — они преступили моральные и этические нормы, я полагаю, исключительно ради красоты.

Неужели эта история ничего не навеяла уважаемому читателю? Возможно, он вспомнит, что мой прадед Пenuил также ввел в селе моду на разведение овец, рождающих по два ягненка.

Глава 2.4. Субтропики

Субтропики — климатическая зона, находящаяся между тропическим и умеренным поясами. Внимательно рассматривая карту России, можно заметить, что как раз от села Аглоби и далее южнее на 200 километров и протянулась эта территория. Россию она затрагивает еще и в районе Сочи и полуострова Крым, но об этом многие знают из школьной программы.

Расслабьтесь и ощутите на своем лице теплый ласковый воздух, подернутый ароматом тихого южного моря — вы в субтропиках.

Это и впрямь то место, где прорастает воткнутый в землю черенок лопаты. Почва здесь, взбудораженная дождями, таянием снегов и изрезанная бесчисленными порогами холодных горных рек, похожа на рыхлый темно-коричневый пластилин.

Южнее реки Рубас в Каспийское море впадает река Самур. В 2019 году здесь создан Самурский национальный парк, состоящий из двух участков: «Шалбуздаг» и «Дельта Самура». Первый включил в себя высокогорья Кавказа с вершинами Базардюзю, Ярыдаг и Шалбуздаг, а второй — особый биотоп дельты Самура и прилегающей акватории Каспия, где находится уникальный для природы нашей страны субтропический лиановый лес.

Чуть севернее Аглоби, у села Авадан, климат уже иной: здесь не то полустепь, не то полупустыня с немногочисленными солончаками. То же самое я видел при подъезде к городу Баку.

Фото 45. *Самурский лес*

Бывало, увлечешься каким-нибудь походом вдоль бесконечных оград, состоящих из цепляющихся за всё кустов ежевики, потянешься за «жирной» ягодой, заберешься невзначай в чужой сад, и появляется ощущение, как будто попал в райские кущи: вот тебе сверкающие на солнце виноградные гроздья, вот тебе самая вкусная практически черного цвета огромная вишня, вот тебе ароматная хурма «королек». И это потому, что, даже если всё то же самое есть у вас в саду — чужие фрукты и ягоды вкуснее. Однозначно! Можете не проверять.

Этим самым не пренебрегают и соседские подростки, которые вообще в упор не видят сетчатых заборов и без проблем проникают через них.

— Добрый день! — окликаю я ребят, давая возможность оправдаться за их присутствие в нашем саду.

Конечно же, они пришли посмотреть на наличие воды в канаве, чтобы понять, почему она не добралась до их участка.

Можно ли считать поход в чужой огород воровством? Если рассуждать логически, конечно, да. Но как можно воздержаться от налитой солнечным соком грозди мускатного винограда, свисающей с забора соседского сада? Неужели это субтропическое солнце так влияет?

О случаях воровства цесарок и овец в селе вы уже знаете из настоящего повествования. Но ситуаций, чтобы кто-то из селян вошел в жилое помещение дедей Истир и что-то вынес оттуда, я еще не описывал. Впрочем, был случай кражи, но местные здесь были ни при чем.

У дедей Истир иногда гостили родственники из Дербента, чаще не очень близкие, или просто приятельницы. Они считали это времяпровождение своеобразным дачным отдыхом с возможностью купания в речке, употребления слегка солоноватой «молодильной» воды из родника и свежих овощей и фруктов, некоторым легким трудом наподобие вырубki вершков с собранного чеснока.

Когда одна из приехавших с десятилетним сыном отдохнуть женщина через неделю покинула бабушкин дом, дедей не обнаружила спрятанных ею денег. Они были перевязаны носовым платком и хранились в неиспользуемой ею летом печи-буржуйке. Она была в шоке. Вы поймете это ее состояние, только внезапно потеряв всё нажитое. Под подозрение дедей попал приезжавший на неделе с приятелями внук Павлик. Ребята подняли из амбара трехлитровый баллон вина и пошли в сад. Там они распили вино, поели фруктов и, не заходя домой, вернулись в город. Прежде чем предъявить

претензии внуку, дедей Истир решила проверить, не украл ли деньги приезжавший с ее родственницей мальчик по имени Юра.

Дедей направилась в город и пошла прямо домой к своей недавней гостье-родственнице.

— Где твой сын? — спросила она подозревавшую всё же что-то нехорошее женщину.

— Гуляет, а что?

— Позови его срочно! — потребовала Дедей.

Когда в квартиру вошел Юра, вдове всё стало ясно.

— Твой сын украл у меня деньги, — предъявила обвинение Дедей.

— Что ты такое говоришь? Мой сын не вор!

— Посмотри, на нем все новые вещи. Ты что ли ему их купила?

Мальчик в новых брюках, обуви и куртке с капюшоном стоял перед женщинами, опустив голову.

— Я ничего не крал! — бросил ребенок и побежал в комнату.

Дедей Истир поспешила туда же вслед за мальчиком и оглянулась. На полу лежали новый футбольный мяч и настольная игра «Хоккей», которую бабушка едва не обрушила на голову своей родственницы.

— Ты это покупала? Ты? Откуда у твоего сына такие вещи? У тебя на пару чистых шаровар денег никогда не было, *гъэнджугь*! ¹ На рынок приходишь остатки подбирать, попрошайка нищая!

— Я разберусь! — испуганно прокричала женщина. — Я разберусь со своим сыном, а ты уходи отсюда, бешеная!

¹ Гъэнджугь – сука, самка (перевод с джуури).

— Разбирайся, гъэнджугь! Только быстрее, — белое лицо дедей покрылось красным пятнами. — Для вас, что ли, я горблюсь годами на полях, теряя здоровье? Для тебя и твоего сына? — Истир угрожающе и с отчаянием взглянула на бывшую еще недавно приятельницей женщину. — *Садан! Мурдале инсон!*¹

Дедей ушла, долго вслух что-то причитая. Она и не заметила, как дошла до квартиры, где мы тогда жили, на улице Советской, дом 4. Мама и Павлик были дома. Дедей им всё и рассказала, а также упомянула о том, что едва не возвела напраслину на внука.

Тот, услышав слова бабушки, был возмущен и сильно обижен. Павлик кричал на Дедей и более полугода с ней не разговаривал.

На следующий день к нам пришла незнакомая женщина, по-видимому, та, чей сын украл деньги. Речь шла о сумме в шестьсот рублей. Женщина передала маме для дедей 200 рублей и заверила, что постепенно, в течение полугода, всё вернет.

И действительно со временем она компенсировала эту сумму.

¹ Садан! Мурдале инсон! – Негодяйка! Дрянь! (Перевод с джуури.)

Глава 2.5. Змеи и насекомые

Единственным обстоятельством, не позволяющим полностью наслаждаться жизнью здесь, в селе Аглоби, и расслабиться, была возможность пересечься с каким-нибудь из пресмыкающихся или обилием различных насекомых, в том числе ужасающих своими размерами. Ну, давайте обо всём по порядку.

Змей в Аглоби немало, но чаще всего встречается желтопузик. На самом деле это маскирующаяся под опасную рептилию ящерица. Однако как же она на нее похожа! Когда ты приближаешься к ней, она сразу выдает себя колыханием травы или кустов. Возможно, желтопузик таким образом предупреждает о своем присутствии. Человек, в самой природе которого заложен страх перед змеей, прежде чем продолжить путь, дает ей уйти с дороги. Тем не менее я видел немало погибших желтопузиков в огородах и на тропях, которые случайно попали под работающую тракторную технику или косу.

Отец рассказывал, что у них в доме долгие годы жила змея. Периодически она появлялась в самом углу сеней, видимо, поднимаясь из расположенного ниже амбара или огорода, находящегося за стеной. Для нее всегда была приготовлена пиалка с молоком. Медленно выпивая его, змея могла часами лежать в своем углу, а потом уползала обратно. Она знала границу, которую не переходила. Близкие замечали, что, когда змея исчезала надолго, в семье происходили какие-нибудь неприятности — ухудшение материального положения, болезнь кого-либо из домочадцев, непонимание и ссоры между ними. Какой породы была рептилия, к

сожалению, отец не знал, однако она вела себя тихо — не шипела и не трещала, как это случается с ее ядовитыми собратьями.

Фото 46. Желтопузик

Змеи нередко попадались мне, когда я с бабушкой пас овец и коз. Как-то во время обеденного отдыха под прохладой дубовых деревьев, на постоянном месте наших стоянок, мне послышалось, как в ближайших зарослях крикает утка. Из любопытства посмотреть на нее, может быть, даже выловить я приблизился к этому месту. Отодвинув несколько низколежащих стеблей колючей ежевики, я практически наткнулся лицом на квакающую по-утиному жабу. Осмотрев ее внимательно, я сделал для себя неожиданное страшное открытие: земноводное было зажато в заглатывающей ее пасти огромной змеи и из последних сил пыталось вырваться.

Я смотрел в глаза этой ползучей твари. Что со мной было?! Я бежал, бежал от ужаса, испугав уже разбредавшихся после полудня коз, лакомящихся своими любимыми колючками.

Похожая ситуация произошла, когда я полез на находящееся здесь же, в лесочке, дерево с огромным гнездом, свитом из многочисленных веток. Что я хотел там увидеть: каких-нибудь экзотических птенцов или диковинные яйца? Однако, проворно взобравшись на крону и приблизившись к гнезду, я еще быстрее летел, ломая сучья и сдирая кожу рук, вниз. Как можете догадаться, там меня ждало свернувшееся спиралью отдыхающее пресмыкающееся. Потом, несколько успокоившись, я подумал, что это могла быть не сама змея, а сброшенная ею отлинявшая кожа.

Наличие разного рода змей и пауков в Аглоби было для меня единственным недостатком этой благодатной земли. Как же я боялся этих тварей!

Змеи водились и в реке Рубас. Когда она была маловодна, рептилии черного, коричневого, а иногда зеленого цветов грациозно перемещались от одного камня к другому. Если я в это время находился в воде, то ничто меня не удержит в ней ни минуты, даже если змея проплывет на большом расстоянии от меня.

Были случаи, когда в огороде или на пути следования, либо из глубины живой ежевичной изгороди выползали действительно опасные змеи. Они, трещащие вертикальным столбиком-хвостом или скрежещущие трущейся кожей грозного туловища, наводили страх, приводили в ступор своими быстрыми поперечными перекатами и угрожающей расцветкой — черной или клетчатой (шахматообразной). Вот одна из таких историй, свидетелем которой я оказался.

Мы тогда собирали пока еще зеленые помидоры для отцовской поездки в центральные регионы страны (об этом я подробнее расскажу в конце этой же главы). Дедей и мама снимали их с кустов и складывали в ведра, которые я с братом Павликом переносил на сто метров выше, где отец в панаме, сидя под деревцем, аккуратно расфасовывал их в ящики, дно которых предварительно устилал бумагой — томаты должны доехать до адреса не испортившись. Немного устав, я присел на перевернутое ведро. Тут совсем рядом что-то зашумело и застрекотало, стремительно направляясь в нашу сторону. Отец на всякий случай потянулся к лопате, а меня предупредил, чтобы я не двигался. И вот появилась змея шахматной расцветки, вселив в меня абсолютный страх. Она с огромной скоростью промчалась в метре от нас с отцом и удалилась в другой огород. Однако звук трещоток звучал в моей голове еще очень долго. По мотивам этой истории у меня родилось стихотворение:

Змея

*Июньский зной. С отцом в саду у дома
Немного мастерим в тени лозы,
Сбиваем лихо ящики из лома,
Работа спорится, не ждем грозы.*

*По ходу дела напеваю песню,
Вдруг что-то затрещало по земле,
Отец окрикнул, чтоб стоял на месте,
И притаился камнем у шпалер.*

*Змея без умолку у ног гремела,
Трещоткой наводя безумный страх,*

*Глядел я исподволь, оторопело,
Пот проступил горохом на губах.*

*Как будто сон мой сбылся: я в пустыне,
Вокруг сплетенья гадов возле нор;
Напуган до смерти, стоять не в силе,
Не чуя ног, мчусь прочь во весь опор.*

*Водя косые хороводы телом,
Гремучее несчастье уползло:
«Что ж перекусим, папа, между делом.
За то, чтоб нам и дальше так везло!»*

Еще одну историю отец рассказал мне совсем недавно, я о ней не знал. Это случилось с ним в городе за три дня до отъезда в Израиль. Здесь, возле своего дома, за своим же гаражом, он оградил небольшой участок земли и обустроил там огородик, где выращивал клубнику и овощи. В тот день он собирал дикий чеснок. Сельчанин, как вы понимаете, — это навсегда.

Здесь, возле проведенного отцом водопровода из пластиковых труб, прямо под установленной им бочкой-накопителем пряталась змея.

Она сразу бросилась на отца. Он внезапно ловко подпрыгнул на установленную здесь скамейку, а затем перебрался за сетчатое ограждение, в котором, по счастливой случайности, оказалась брешь. Змея не оставляла попыток достать его, подпрыгивая выше и орошая металлическую решетку новыми порциями яда. Спас отца случайный прохожий, бросивший в рептилию горсть земли. Змея отвлеклась на обидчика, и, пока она его высматривала, папа

вылез из-за сетки и ринулся к калитке. Когда он снова вернулся сюда через некоторое время, его ужаснуло количество яда, выплеснутого змеей. Остывшие густые пленки неопределенного цвета в обилии сохранились на земле и на сетчатом ограждении.

Есть в Аглоби и другие твари, которые раздражали меня, но были привычны для дедей Истир. Этой напастью были совершенно разнообразны насекомые.

Проснувшись в 05:30 утра, чтобы понаблюдать за анонсировавшимся по телевизору частичным затмением солнца, я взял в руки коричневые стеклышки от битой бутылки и поднялся по лестнице на *чордогъ*¹. Сюда обычно набрасывались пара скирд сена, между которыми было некоторое пространство для обзора. С запада редкими движущимися автомобилями проглядывалась трасса Ростов–Баку, с востока — восходящее практически от горизонта солнце. Здесь я и планировал наблюдать за природным явлением, казавшимся мистическим для меня. Однако на последней ступеньке лестницы, которая и так тряслась под моими ногами, ждал сюрприз. Какое-то насекомое ужалило меня в глаз. От неожиданности я упал вниз вместе с лестницей.

«Слава Богу, кости целы!» — повторял я про себя где-то слышанное ранее изречение. Однако одно веко у меня закрылось надолго. Верхняя часть щеки отекала. Интересно, почему насекомые жалят в глаза? Видимо, в них они видят корень зла. Возможно, они и правы.

Есть насекомые, из-за которых я не хожу к своему любимому черному тутовнику во второй половине июля, не поднимаюсь на его крону и даже не ем с него ягод. В этот

¹ Чордогъ – навес, чердак, участок молодого леса (*перевод с джуури*).

летний месяц они облюбовывают дерево из-за несобранных с него сладких ягод, которые начинают киснуть и бродить прямо на ветвях. Потянешься за ягодой, а там — муха зеленая или гусеничка-шелкопряд. Но более всего мне неприятен *жук-щелкун*¹. По форме, цвету и размерам он похож на ягоду тутовника. Когда ты ешь с дерева, процесс срывания ягод происходит автоматически: берешь самые черные и длинные. И вот вместо ягоды ты хватаешь что-то живое, дребезжащее. Ужас! Беги и подальше!

Фото 47. *Жук-щелкун*

Вот еще одна история о страшном насекомом. Старожилы Аглоби называют его *чирингурт*².

¹ Жук-щелкун – насекомое, названное так из-за характерного звука, издаваемого во время прыжков. Личинки щелкунов именуются проволочниками.

² Чирингурт – неизвестное автору насекомое, чем-то похожее на слепня.

Мой отец вместе с другими мужчинами селения периодически раз год в июне-июле, а кому-то из сельчан это удается дважды за сезон, совершал длительный выезд в центральные регионы России на заработки. Некоторые из мужчин ездили с женами и со старшими детьми. За две-три недели каждый из них привозил домой от 2,5 до 10 тысяч рублей. Выручка моего отца, например, составляла сумму, равную его годовой зарплате работы электромонтером в объединении «КавЭлектроМонтаж».

Сначала семьи сельчан в течение одного-двух дней собирали на своих участках пока еще не созревшие помидоры светло-зеленого, а иногда и бурого цветов. Затем аккуратно укладывали их в ящики, которые потом сколачивали и маркировали краской, в основном рисуя инициалы своих имени и фамилии. Это было необходимо, чтобы по приезде на место продажи можно было различить товар каждого из собственников. Затем в ожидании подъезда транспорта выкладывали готовые к транспортировке ящики у дороги.

Кто-либо из предприимчивых глав семей нанимал на автопредприятиях или в частном порядке две-три грузовые фуры с водителями, как правило, автомобили «КамАЗ». Машины грузились в основном поздно ночью, возможно, для того чтобы с меньшими хлопотами проехать какую-то часть пути до соответствующих постов ГАИ. Их кузова плотно набивались стандартными ящиками с недозревшими зелеными помидорами и в небольшом количестве мешками с другими овощами. Далее машины небольшой колонной двигались в дальний путь. В каждой кабине, помимо водителя, размещалось по одному из владельцев груза или его представитель. Остальные участвующие в продажах люди отправлялись до оговариваемого конечного места доставки на

общественном или личном транспорте. Оплата доставки для каждого из хозяев томатов соответствовала количеству перевозимой тары. В эту сумму—включались также все предполагаемые поборы на всех постах автоинспекции всех проезжаемых республик до самого выезда из калмыцких степей. Далее подобное мздоимство прекращалось. Уже на месте сельчане либо оптом продавали привезенный товар, либо самостоятельно торговали им на рынке, как на то позволяли время и семейные трудовые ресурсы. Южане получали трудовую сверхприбыль с продаж, а местные жители — замечательные наивкуснейшие грунтовые помидоры и овощи. Благодаря таким поставкам население средней полосы России узнало в конце семидесятых годов, что такое баклажаны (синенькие) и какова на вкус зелень, если ее просто есть, а не приправлять приготавливаемую пищу. Но мой рассказ не только о том, как прекрасно продавались побуревшие и покрасневшие в дороге помидоры в центре нашей страны, а о том, что приключилось со мной после отъезда отца в такую командировку.

Наработавшись несколько дней на огороде, собирая помидоры, сбивая и заколачивая ящики, загружая и отправляя в путь грузовые фуры, я и еще несколько сельских ребят-приятелей пошли купаться на реку, а вернее, отмываться. После такого активного труда руки, ноги, да и всё тело покрылись тонкой, тяжело смываемой зеленой коркой, приправленной горками от комариных укусов. В безоблачном ночном небе ярко светили звезды, и мы спустились к реке, в то место, где в излучине между двумя утесами на правом берегу есть расщелина, создающая дополнительный барьер между высоким кособгором, на котором находится еврейское кладбище, и рекой.

Фото 48. Расщелина между утесами над рекой Рубас с выбрасываемым сельчанами мусором. 2017 год

В любое время, заглянув в ее ужасную глубину (ранее на ее дне виднелось болотце), можно было разглядеть множество черепак, громоздившихся на костях сброшенных сюда животных, сплетения змей и других земноводных. Не удивлюсь, если узнаю, что здесь живут и размножаются не ведомые доселе виды пресмыкающихся. Поддающийся эрозии овраг в дополнение к выбрасываемому сельчанами мусору пядь за пядью поглощает оставленное без должного присмотра кладбище.

Как следует намылившись и искупавшись в реке, отделенной ближним утесом от этого гиблого места, немного пообсохнув на камнях-порогах, мы поднялись по единственной узкой тропинке наверх и разошлись по домам.

Ничто не предвещало беды. Перед сном мы с дедей Истир вкусно и как всегда обильно поужинали, расстелив по обыкновению на полу скатерть. После трапезы на этом же месте мы положили матрасы, застелив их сверху простынями, и мгновенно уснули на огромных пуховых подушках под одинокое верещание сверчка.

Утром я проснулся от боли. Приложив руки к голове, я понял, что она отекала, значительно увеличившись в области макушки. Единственное большое зеркало в доме было старым, темным от множества тонких трещинок, висело в слабо освещенной комнате и не давало никакого представления о случившемся, несмотря даже на включение лампочки. Бабушка запричитала, завидев меня, не зная, что и предположить. Услышав мой рассказ, она, наконец, однозначно заявила: «Чирингурт!»

Поколдовав надо мной до вечера, прикладывая укусные примочки, измеряя температуру, которая держалась на уровне 37 °С, и окончательно поняв поутру, что мое состояние ухудшается, она отправила меня в город — домой к матери. Голова к этому времени у меня еще более раздулась, а ее центр тяжести стал смещаться на лоб. Ехал я в автобусе, перевязав лоб куском чистой простыни и надев поверх нее кепку. Только при внимательном осмотре по еще не окрепшему туловищу и суставам можно было распознать во мне двенадцатилетнего ребенка. По распухшему лицу заведомо догадаться о моем возрасте было невозможно.

Итак, поднимаюсь я по лестнице (мы тогда проживали на втором этаже пятиэтажки) и вижу, что дверь в квартиру открыта, а мама кладет перед входом прорезиненный коврик.

— Мама! — немного растерявшись, позвал я ее. Она мельком посмотрела на меня и отвернулась, увлеченная домашней уборкой. — Мама! — повторил я громче.

Она повернулась ко мне, присмотрелась к лицу и чуть не упала от неожиданного открытия.

— Гена?.. Гена, что с тобой? — спросила она, чуть ли не остолебнев.

— Чирингурт! — ответил я. — Дедей говорит, что чирингурт укусил.

— Что?! Какой еще чирингурт? Когда укусил? Заходи домой, сынок, — забеспокоилась она.

Материнское сердце очень трепетное и пугливое, как у воробушка, попавшего в человеческие руки. Ужас на нее наводили огромный, выдающийся вперед лоб и узкие глазные щелочки.

Сразу досталось и отцу, и бабушке за то, что отправленного в село здорового красивого ребенка довели до такого состояния. Зашедшая на шум соседка ничего существенного посоветовать не могла. Было принято решение идти в больницу.

Врач, похожая на кухарку, по случаю надевшую белый халат, осмотрев меня и прощупав поверхность головы, сказала, что это достаточно большой отек и надо ставить холодные примочки с разбавленным уксусом, чтобы не обжечь кожу. Назначила какое-то мочегонное средство. Так и сделали. В течение недели отек сошел, опустившись сначала на щеки, потом на подбородок и ниже. Вот такая история!

— Что это было? — спросил я недавно об этом отца, и он предположил, что это произошло от укуса насекомого, похожего на пчелу.

Я же раньше думал, что чирингурт — это паукообразное или же змея. В поисковиках в сети Интернет я ничего не нашел. Может быть, Вы, уважаемый читатель, что-нибудь знаете об этом? В таком случае буду признателен за обратную связь.

Вот так похоже и по всему миру. Там, где тепло и уютно человеку, так же хорошо и другим представителям фауны.

Глава 2.6. Самогонщики

Моя дедей Истир была абсолютной трезвенницей, что, как мне кажется, было практически правилом для дагестанской женщины. Лишь раз на каком-то праздничном мероприятии внутри семьи она поддалась уговорам и немного отпила вина из стакана. Она сразу же покраснела и будто поплыла. Это очень было похоже на аллергическую реакцию. Полагаю, она об этом знала и ранее и поэтому никогда себе не позволяла и грамма спиртного. Однако каждый год во время сбора винограда бабушка делала для семьи пару десятилитровых баллонов домашнего вина. Такой же объем виноградного сусла шел на уксус.

Вино хранилось в амбаре, и всегда можно было нацедить пару-тройку стаканчиков холодненького, но, поскольку у нас в семье не было любителей выпить, оно оставалось до самого Нисону, а то и до следующего года. Вино дедей Истир не было идеальным, но оно обладало тонизирующим и в какой-то мере веселящим действием: после того как пригубил этот слегка розоватый напиток, по вкусу напоминающий чуть подкисший сок, хотелось пить и танцевать.

К тринадцати годам я стал интересоваться электротехникой, пайкой и конструированием различных электронных приборов, увлеченно собирая их компоненты: резисторы, диоды, конденсаторы, термисторы и транзисторы. По чертежам в одном из любимых журналов «Юный техник» я смонтировал приемник, цветомузыкальную установку и пугающее птиц устройство для огорода (пугало). Читая редкие, но всё же попадавшиеся мне откуда-то журналы «Техника молодежи», «Радио», «Наука и жизнь» и другие, я

загорелся идеей сделать еще и самогонный аппарат. Мне было крайне любопытно осуществить этот отчасти криминальный тогда проект, тем более что у меня давно был припасена для этого медная трубка достаточной длины, хотя отец утверждал, что мы воспользовались его змеевиком и что он тоже участвовал с нами в описываемом процессе. Возможно, это и так. К этому занятию подталкивало и изобилие невостребованного тутовника с двух наших деревьев.

Когда дедей Истир увидела длинную изогнутую в спираль медную трубку, она сразу же догадалась о моих намерениях. Однажды в молодые годы она наблюдала похожий процесс, и эти воспоминания вызывали у нее добрую улыбку и энтузиазм. Присоединившись к моей аванюре, она предложила использовать две большие десятиведерные кастрюли. Мы задумали получить два разных продукта: один из белого тутовника, другой из черного. Застелив у подножия тутовых деревьев огромных размеров парниковую пленку и последовательно сотрясая их ветви, мы собрали две огромные кастрюли ягод. По совету дедей закрыли их крышками и поставили в темное прохладное место, иногда поглядывая внутрь. Через десять дней в наших посудилах была настоящая, кишачая какими-то белыми червячками, пенящаяся жидкость — брага. В центре двора мы подготовили небольшой вигвам из разного сорта заготовленной Дедей древесины, обложили его с двух сторон тесаным камнем-ракушечником. Когда костер догорел и съежился до раскаленных углей и двух горящих подаваемых нами периодически вперед бревен, мы водрузили на камни одну из наших кастрюль, предварительно продырявив ее крышку и установив медный змеевик. Всю конструкцию бабушка тщательно загерметизировала саманной глиной. При

кипячении нашей браги что-то по капле вытекало из змеевика, но дедей, очевидно, знала толк в технологии и говорила, что банку подставлять рано. У нас было заготовлено несколько трехлитровых банок. Через полчаса кипячения из змеевика полилась сначала тоненькая белая струйка продукта, с каждой минутой увеличивающаяся в интенсивности течения. Когда было набрано две с половиной трехлитровые банки, бабушка прервала процесс, вынув из кострища остатки горевших бревен и вычерпав лопатой из-под кастрюли горящие угли.

Теплый прозрачный, пахнувший чем-то неопределенным продукт был в наших руках, однако никто не решился его попробовать. Бабушка отмахалась: мол, вообще не пьет. Ну и я тогда не был любителем алкоголя, тем более самогонки. «Может, сначала почистить его от примесей, — подумал я, — уйдет странный запах, и тогда его можно будет пить». Когда засыпали марганцовку, размешали и подождали до утра, то увидели, что, действительно, имеется осадок. Очистили, перелив два раза через марлю. Два баллона и еще пару стаканов, как раз на пробу, блестели кристально чистой жидкостью. Однако никто: ни я, ни мой брат, ни отец — так и не выпили ни стакана этого чуда. Вторую кастрюлю браги за отсутствием потребителей конечного продукта пришлось вылить в уже известную уважаемому читателю расщелину.

Через год, приехав в село, я обнаружил знакомые баллоны на том месте, где мы их с бабушкой и оставили. Какие же мы были сознательные трезвенники! Аж жуть! Сейчас, вспоминая тот специфический аромат тутового самогона, я сожалею о том, что его не распробовал.

Глава 2.7. Дербентский рынок

Есть непередаваемые ощущения, звуки и запахи, которые отпечатываются в сознании на всю жизнь, с удовольствием возвращая на то самое место, как только ты решишься о нем подумать. Для меня это, прежде всего, только что умытый, прибранный многочисленными вениками, опоенный утренней сыростью Дербентский колхозный рынок.

Задолго до его открытия, а то и за несколько минут сюда съезжается транспорт с овощами и фруктами из окрестных сел и аулов и не только, разгружаются рефрижераторы с мясом и рыбой, грузовики с различными привозными продовольственными товарами. За въезд на территорию транспорта и за каждое место в полтора-два метра на длинных укрытых козырьком из шифера прилавках надо заплатить начальнику охраны. Не хочешь тратить деньги — заноси вручную. Продавцы занимают привычные для себя по торговле изо дня в день места, но, если приедешь поздно, можно и потерять свою насиженную точку. Здесь действует закон: «Кто первый встал — того и тапки».

Обычно в четыре часа утра, в полной темноте, к бабушкиному двору подъезжает уже наполовину заполненный грузовичок «УАЗ» нашего соседа. Мы с бабушкой, встав заранее, загружаем собранные вчера овощи и фрукты, упакованные в мешки и открытые ящики: помидоры и сливы — в ящиках; острый и болгарский перец, огурцы и баклажаны — в мешках. Оплачиваем водителю каждое место товара. Хозяйка груза, в этот раз моя бабушка, едет бесплатно в кабине или в кузове, это как повезет. Я же, немного отдохнув, с первым шестичасовым автобусом отправляюсь уже на

переполненный людьми утренний базар. К этому времени бабушка уже заняла место обычно в дальнем левом павильоне от входа на рынок, разложила на прилавке часть привезенных овощей и фруктов, арендовала и принесла на место весы с набором гирь, заплатив вместе с залогом 3 рубля.

Найдя свою торгующую дедей, протискиваясь вдоль барьера посреди продавцов, я перебираюсь к ней и с интересом наблюдаю за останавливающимися пощупать и спросить, а также проходящими мимо покупателями. Когда бабушка чем-либо занята, я с удовольствием помогаю ей.

Фото 49. *Вход на Дербентский универсальный рынок
(Верхний базар)*

Ранняя торговля — самая щедрая, хорошие продукты улетают быстро. Цены мы с бабушкой устанавливаем, ориентируясь на стоимость товара других продавцов, торгующих на рынке. Если покупатель попросит уступить немного, мы идем навстречу, но большие скидки не про нас.

К тому же я уже давно мечтаю купить велосипед марки «Сура», на который я часто захожу посмотреть в расположенный недалеко от рынка магазин «Спортовары». Вожаденные 63 рубля — столько надо собрать. У нас с бабушкой уговор: все полученные за проданный товар *олимпийские рубли*¹ мои. В среднем за день набиралось пятьдесят рублей, и если я поработаю с бабушкой 10–15 дней, то велосипед мой. В июле и половине августа бабушка торговала на рынке обычно два раза в неделю, то есть за полтора ударных месяца я мог накопить необходимую сумму. И у меня получилось.

Фото 50. Центральная аллея
Дербентского универсального рынка (Верхнего базара)

¹ Олимпийские рубли — памятные монеты Госбанка СССР, посвященные летним Олимпийским играм 1980 года в Москве. С 1977-го по 1980 год была выпущена серия из 45 монет в честь этого события.

Однако набрав вожаделенную сумму, я не прочь был похвастаться об этом маме, и она исподволь начала склонять меня к мысли о несвоевременности такой дорогой покупки и в конце концов убедила потратить эти деньги на что-то более необходимое: купить, например, костюм или обувь, а иной раз что-то и для своих младших брата и сестер. Добрая душа! Я всегда соглашался. Ведь тогда я в своих глазах вырастал до мужчины — добытчика своей семьи. И так случалось два или три раза. В общем, велосипед так и остался в мечтах.

Немного о костюмах, купленных мне на «велосипедные» деньги. Их было два. Первый был приобретен в магазине прямо за колхозным рынком. Костюм был шерстяной красноватого цвета — для посещений школы. Предполагаю, что он был взят на вырост, поскольку через семь лет, вернувшись из армии, я пошел в нем на третий курс института. Новая учебная группа, в которую я попал (предыдущая, в которой я учился до армии, была уже на пятом), до сих пор с улыбкой вспоминает это мое появление в коротеньком костюме. Пока однокурсники не намекнули на его несоответствие моим габаритам, я об этом не догадывался. И мне пришлось с костюмом распрощаться.

Иная судьба ждала второй костюм, также купленный на сэкономленные мной деньги через два года после приобретения первого. Мама решила отправить своего нестандартного по размерам сына к портному на дом, чтобы он сшил мне подходящий костюм, так как ранее купленный, и это стало очевидно даже бабушке, действительно должен несколько отвисеться, пока я не подрасту. На выбранный мной вариант из предложенных им двух отрезков ткани этот еврейский портной поколения несколько старше моих родителей сшил мне не только костюм по своим меркам и

своему разумению, но и *брюки клеш*¹ с *кокеткой*² в виде чайки. Комплект опять получился великоват, хотя портной убеждал, что «в самый раз».

— Ах, какой красавчик! — не мог нарадоваться он, нарочито разглядывая меня в костюме. — Высший сорт! — проводил он ладонью по рукаву, отщипывая по ходу отсутствующие нитки.

Клеш я решил надеть на себя сразу и прямо от портного пойти домой — очень хотелось почувствовать себя в обновке. Новый пиджак и старые брюки были упакованы в бумажный пакет. Когда я начал движение по двору от мастерской портного и уже приблизился к воротам, откуда ни возьмись, отчаянно лая, на меня набросилась маленькая истерично твякающая собачка. Ее совершенно не интересовало, были ли у меня основания здесь оказаться. Попытки осторожно отпихнуть это чудовище ногой привели к тому, что она вцепилась в меня, удерживаясь передними лапами за одну из брючин моей обновки. От внезапной боли я стал пинать собаку ногой, пытаясь от нее избавиться. На шум прибежал портной.

— Чего ты испугался? Она же вон какая маленькая. Просто не надо обращать на нее внимания! — возмущался моим поведением хозяин собаки.

— Она меня укусила! — негодовал в свою очередь я, ощущая острые зубки псины в своей плоти.

Мужчина подошел ко мне, обхватил собаку руками и стал оттаскивать.

¹ Брюки клеш – длинные, расширяющиеся книзу от колена штаны, которые были в моде в СССР с середины 1960-х годов.

² Кокетка – деталь одежды.

Чудовище крепко ухватилось зубами за мою ногу и не собиралось просто так сдаваться. Портной, в конце концов, пару раз приударил свою питомицу по морде, после чего та меня отпустила. Вырвавшись из рук хозяина и продолжая тявкать, она отбежала на пару метров. Мужчина осмотрел мою кровоточащую ногу и рваную брючину.

— Идти можешь?

— Да, — ответил я, на всякий случай пробуя наступить раненой ногой.

— Иди домой. Маме скажи, чтобы в больницу тебя отвела. Потом приноси свой клеш. Залатаю — ничего заметно не будет. Бесплатно.

С этими словами он приоткрыл ворота своего двора и проводил меня прочь.

Это «бесплатно» застряло у меня в голове на две недели: и в то время, когда я омывал ногу в ванной, и когда мамин знакомый врач железнодорожной больницы уколол меня противостолбнячным препаратом, и когда по истечении недели я стал понемногу отколупывать ссохшуюся кровь на месте укуса.

Больше я сам в тот двор не ходил. В отштопанных мастером брюках клеш я щеголял не более сезона, а костюм до сих пор висит у меня в шкафу, и иногда, может, раз в пятилетку, я его надеваю. По полноте он несколько лет назад, наконец, пришелся мне впору. Другая беда — рукава стали слегка коротковаты. Храню его вот уже почти сорок лет, наверное, как память.

Но вернемся к Дербентскому колхозному (так он назывался в годы моего детства и юности) рынку, или «Верхнему базару» как его всегда называли горожане. В Дербенте было еще два рынка под открытым небом,

называвшиеся «Нижний базар» и «Шайтан-базар», но по объемам продаж и интересу к ним они далеко неравнозначны «Верхнему». В самом сердце старого города имеется крытый рынок «Пассаж». Он великолепен по своей архитектуре. И здесь кипит торговля, но только продуктами, произведенными государственными предприятиями.

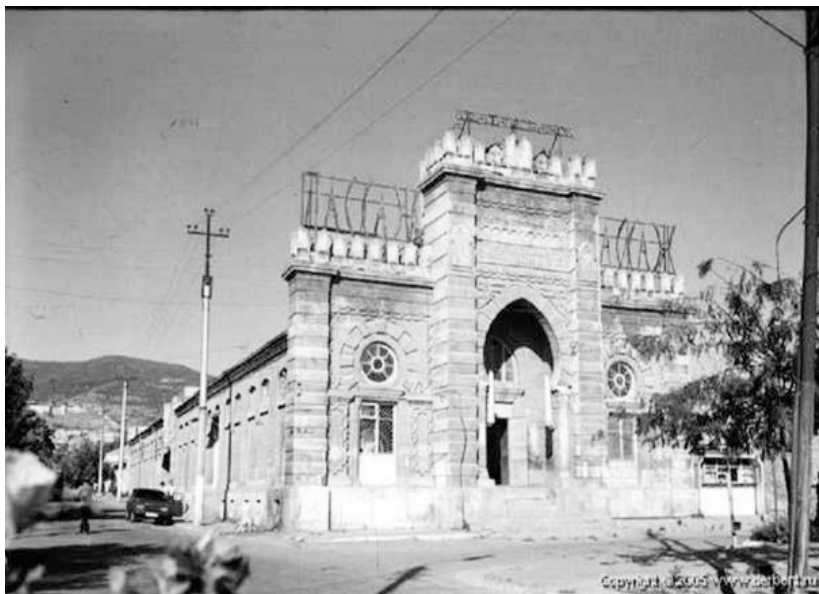

Фото 51. Дербентский крытый рынок «Пассаж»

Помню огромное волнение, пронесшееся по торговым рядам Верхнего базара. Из-за своего павильона я не мог понять, что там происходит. Людская волна, шумная и гудящая, продвигалась по рынку в сторону выхода. Продавцы вставали на прилавки, чтобы разглядеть, что внутри толпы.

Оказалось, что ее внимание привлек темнокожий человек, экзотика для местных жителей по тем временам.

— Негр! Негр! — кричали доброжелательные горцы, с ужасом глядя на незадачливого, попавшего сюда случайно покупателя.

К сожалению, я не видел его лицо, а он, наверно, никогда не забудет этот день, как, впрочем, и я.

Оживает в памяти и другой случай: душераздирающий вопль раздался с одной из частей рынка. Кричала женщина будто резаная. Торговцы стремились разглядеть, что происходит, а некоторые, в том числе и я, направились туда полюбопытствовать.

Мы увидели, как двое милиционеров разбирались с пятидесятилетней женщиной: один пытался удержать ее на месте, другой в это же время вскрывал две ее большие сумки с разнообразной мужской и женской одеждой и выкладывал всё на соседний прилавок.

— Спекулянтка! Спекулянтку поймали! — слышалось из толпы.

Вскоре за женщиной приехал специальный милицейский автомобиль, и через крики и сопротивление ее впихнули в него. Через несколько минут рынок продолжил свои обычные будни, только и добавилось, что тем для разных пересудов.

После обеда, когда торговля постепенно стала сворачиваться, появился особый покупатель, который приобретает остатки — некондиционные фрукты и овощи — практически за бесценок. В это время многие хорошо заработавшие за день продавцы могут отдать свой товар и бесплатно.

Отдельная тема — запахи, которые источает колхозный рынок. Перечислять его составляющие не будем. Однако, представление о них, наверное, имеет каждый читатель,

исходя из своего опыта. Думаю, мой мозг причисляет запах Дербентского колхозного рынка, скорее, к положительным.

В 1990-х годах он кишел щипачами. Зайдя сюда, даже держа руки в карманах, можно было потерять всё мало-мальски ценное. Эти негодяи, считающие себя элитой криминального мира, могли оставить без копейки даже самого очевидно нуждающегося человека.

Был еще в пределах рынка магазинчик, который магическим образом притягивал меня. Нет, это не пекарня, хотя пирожки с картошкой здесь были отменные: ешь — не наешься, а «Охотник-рыболов», где продавали охотничьи ружья, патроны и всё для их изготовления, включая порох. Головы чучел диких животных украшали интерьер этого небольшого помещения. Здесь можно было купить и снасти для рыбной ловли: спиннинги, удилища, катушки, леску, крючки, поплавки, грузила, — и мне нравилось это делать в надежде, что я когда-нибудь смогу поймать ведро тарани на море или принести с речки, на бабушкину радость, огромного усака. Я испытываю белую зависть к удачливым рыбакам. Пытаясь использовать их приемы, я нисколько не приблизился к их удаче за все свои годы.

Глава 2.8. Рыбалка

Одним из редких развлечений в селе Аглоби была рыбалка. Я любил поплавковую ловлю на удочку в многочисленных заводях реки Рубас. Местные предпочитали забрасывать поводок в текущий поток и добивались успеха. Все свои победы на этом поприще я прекрасно помню, так как это всегда было событием.

Наряду с удочкой некоторое время я использовал металлическое приспособление собственного изготовления, называемое *себет*¹ — сплетенную из проволоки эллипсоидообразную корзину длиной около метра и диаметром 60–65 сантиметров с сужающимся входом внутрь нее. Река Рубас изобилует большими камнями и порогами, разбросанными на всем ее протяжении. За некоторыми из них есть заводи, направление течения в которых порой противоположно основному. Здесь как раз самое лучшее место для установки себета. Ранним утром или поздно вечером, еще или уже в сумерках, тщательно маскируя координаты положения плетеной ловушки от любопытных глаз, я укладываю ее на дно одной из таких заводей. Внутри себета обычно закладываю разделенную руками лепешку хлеба или ломоть купленной в сельском магазине буханки. В случае сильного течения помещаю внутрь камень. Маскировка, конечно же, нужна, так как местные ребята,

¹ Себет — рыболовная снасть-ловушка. Имеет вид каркасной конструкции, сходящейся на конус, чтобы рыба, заплыв, не могла выйти. Весьма сходный тип снасти представляет собой морда. В качестве разновидностей аналогов или диалектных синонимов себета рассматриваются верша, вентерь, норот, нерша, нерето, верёнька, корчага.

обнаружив приспособление, не стеснялись проверить, есть там рыба или нет, и, что еще хуже, перенести его в другое, известное только им место. При большой удаче в него могли попасться небольшие сазан или усач, а также куча мелкотни.

Мой себет отличался от других тем, что он был сплетен из алюминиевой проволоки, которой у отца-электромонтера в сарае всегда было достаточно. Приспособления местных жителей были изготовлены из более тонкого стального материала. Один из моих себетов украли через пару дней — я только и успел поймать несколько небольших рыбешек. Второй же я сделал только спустя годы, когда остыли переживания от потери предыдущего. Неоднократно я обнаруживал чужие себеты, но ограничивался только тем, что с любопытством осматривал, что там внутри. Мои наблюдения привели к выводу, что большая рыба ловится только на чужие удочки и попадает в чужие ловушки.

Дедей Истир воодушевленно рассказывала мне о том, как они ловили рыбу в прежние годы: женщины в одежде заходили в воду и подставляли под текущие с небольших порогов и камней потоки подола своих платьев. Рыба падала буквально к ним в руки, и довольные рыбачки выбегали на берег и сбрасывали улов. Были же времена!

Случалось и такое, что пойманную мной рыбу, надетую через жабры на специально выломанную рогатину из местного кустарника и опущенную на время ловли в воду, в итоге подъедали другие подводные обитатели — раки. Соберешься домой, вытащишь из воды свою добычу, а вместо нее — одни рыбы головы и силуэты пятящихся по дну членистоногих.

К слову сказать, раки в Аглоби, да и похоже во всём южном Дагестане, популярностью не пользовались. Однако я

помню, что, когда у нас на выходных гостили отцовские коллеги-шабашники, они легко вылавливали их ведрами, едва окунув в реку проволоку с куском тухлого куриного мяса. Я же всегда брезговал касаться их из-за хлопающего брюшка, внутри которого нередко находилась сотня красных икринок.

Дедей Истир очень любила свежую рыбу и щедро одаривала знающих ее предпочтения односельчан, в основном юношей, приносящих ей улов, тремя, пятью, а то и более рублями в зависимости от размеров и количества рыбы. Она обожала ее. Действительно, свежий усач, приготовленный бабушкой, был невероятно вкусным.

Отца за рыбалкой на реке я не помню. Возможно, однажды два раза он брал меня в раннем детстве на море, благо оно находилось в трехстах метрах от нашего дома, надо было только перейти железную дорогу. Ловили на спиннинг, снаряженный пятью крючками, на которые насаживали дождевого червя. Особых успехов, по-видимому, не было, в ином случае я бы запомнил хотя бы одно из таких событий.

Где-то с десяти лет начались мои самостоятельные походы на рыбалку. Партнером мне в этом деле и, как оказалось, самым близким другом на всю жизнь, стал мой сверстник Беньягу. Он был двоюродным братом моей матери. А по возрасту мы всегда считались братьями. Так оно и было. Мы выходили на рыбалку и утром, и вечером, но чаще всего в ночь. Помню, как, заснув на балконе второго этажа своей квартиры в пятиэтажке, я почувствовал тычки удилица от спиннинга в нос. Так он меня будил, и я, пройдя сквозь сонное царство в нашей малогабаритной двухкомнатной квартире, вышмыгивал на двор, стараясь никого не потревожить.

Удивительно для нынешнего времени, но мы не боялись идти на море в ночь в столь нежном возрасте. Забрасывали

спиннинги и, сжигая древесный мусор или случайно оказавшиеся здесь старые автомобильные покрышки, лежали на едва остывшем песке, уставившись в звездное небо, порой наблюдая падающие персеиды и загадывая желания. Несколько *тарашек*¹ или с десятков бычков — вот что в основном было нашей добычей. Большая удача никогда не сопутствовала нам, но это было прекрасное запомнившееся навсегда беззаботное время.

Образцом настоящего рыбака для меня и большинства соседских мальчишек являлся житель крайнего подъезда нашего дома дядя Ваня. Посреди общего двора на две стоящие под углом друг к другу пятиэтажки, ограниченного с третьей стороны детским садом, рядом со старой котельной, располагался его деревянный сарайчик.

В моих фантазиях это ветхое сооружение превращалось в хижину с драгоценностями. Здесь на многочисленных полочках в коробочках, ящичках и мешочках лежали рыболовные снасти разнообразного назначения. Дядя Ваня позволял иной раз детворе посетить свою хижину, пока занимался подготовкой к рыбалке, рассказывал о некоторых рыбацких хитростях, учил подвязывать узлы. Здесь же стоял его мотоцикл «Урал» с коляской.

Не знаю, приснилось мне это или произошло в действительности, но я помню, что оказался внутри этой хижины один как в сокровищнице и присвоил себе что-то, показавшееся мне ценным. Неужели при всем пиетете и

¹ Тарашка – таранька – просторечное название любой сушёной или вяленой рыбы, характерное для жителей юга России и жителей всей Украины. Слово произошло от «тарань», названия рыбы из семейства карповых, которая поступала в торговлю, как правило, в вяленом виде, была дешевой и из-за этого очень популярной у населения.

благодарности к этому человеку я осмелился на такой поступок? Самое печальное — по злобе людской либо зависти хижина дяди Вани дважды горела. Оба раза дотла. После первого пожара он заболел и более полугода практически не выходил во двор. Затем на пепелище появился новый сарай, в который снова зачастили соседские дети. После второго пожара дядя Ваня исчез — возможно, переехал из нашего дома или из города, о более худшем думать не хочется.

На память приходит время, когда на море был жор тарани. В течение двух-трех дней чуть ли не всё мужское население Дербента стояло в ряд вдоль берега со своими удилищами. Рыбка брала наживку практически моментально, нередко попадаясь на все пять крючков. Говорили, что даже просто, без приманки, забрасывали, снова и снова вытаскивая рыбу. Люди уходили с полными ведрами улова. Здесь же сновали оптовики-любители рыбки и покупали ее за 7–10 копеек за штуку. Это были дни большого праздника. Странно, что я, по-видимому, был простым наблюдателем такого чуда. Не знаю, что меня могло занимать тогда больше.

В настоящее время я рыбачу на реке Нара на границе Калужской и Московской областей. Несколько лет назад я стал брать с собой и спиннинг на хищника, используя блесны и воблеры. О моем отношении к рыбалке здесь, в средней полосе России, лучше расскажет следующее стихотворение.

Рыбалка

*В предутреннем тумане, сизой мгле
Бреду к овражку, что за перелеском,
Здесь в заводи — прикормленное место,
Что много лет как приглянулось мне.*

*Зарянка, сыч, скворец и дрозд
Здесь и в ночи не прерывают песни,
Всмотрюсь я на воду, услышав всплески,
А там — лишь отражение ярких звезд.*

*Я нахожусь еще в плену у грез —
Не может явь предстать такой красивой,
Журчит вода сквозь ветвь поникшей ивы,
Скрипят верхушки тоненьких берез.*

*Всё необычно — ночь, течет река,
Как вор в чужом доме в час неурочный
Ловлю удачу под нависшей кочкой...
Не в этом ли есть счастье рыбака?*

*Вот клюнула и водит так хитро.
Натянутой струной — сердцебиение,
Вглубь потянула, радость-упоение,
Подсечка, то не рыба – серебро.*

*Люблю ночное с самых детских лет —
Не за улов — за краткие мгновенья,
Мужское братство и приготовленья,
За звездной искрой метеоров след.*

Глава 2.9. Ханум и минеральный источник

Проживала в Аглоби одна странная женщина, звали ее Ханум. Предполагаю, что она была из переселенцев. Странность ее заключалась в том, что своим норовом, манерой одеваться и говорить с людьми, она походила, скорее, на мужчину, чем на представительницу слабого пола. Имея боевые награды, полученные на фронте, женщина и в жизни напоминала боевую машину, абсолютно не стесняясь заявлять свои требования и претензии к работникам совхоза и сельсовета. Неожиданно для многих получив должность секретаря сельсовета, она воспринимала ее как весьма значительную и фактически единолично занималась пресечением туеядства, хозяйственной и уголовной преступности в селениях Аглоби, Хош-Мензиль и Рубас. А самое главное, об этом укладкой шептались практически все сельчане, она жила с вместе с еще двумя женщинами. Имена их уже никто и не вспомнит: местные называли их просто — жены Ханум, которые в противоположность жестокосердной сожительнице были мягкими, нелюдимыми, скрытными и хозяйственными женщинами. Был у Ханум и взрослый сын Нажмутдин.

Жила необычная семья в некотором отдалении от остальных сельчан — в очередной после разворота по переднему краю села излучине реки Рубас, на противоположном ее берегу. Ханум боялись и ненавидели, даже председатель сельсовета не решался сдерживать ее от очевидного произвола. Эта женщина способствовала аресту нескольких сельчан, одного из которых необычно сурово для

времени оттепели осудили на 10 лет. По сложившемуся в итоге среди жителей мнению, от последнего она, по всей видимости, и получила смертельную пулю.

Летом 1965 года женщина, освобожденная ранее от должности в сельсовете, дежурила одна ночью на току. Утром ее обнаружили уже без признаков жизни: Ханум застрелили из ружья, размозжив напрочь голову. Убийцу никто не видел. Но сложив факты, люди вынесли свое предположение. С годами эта уверенность окрепла, так как домой угодивший в тюрьму сельчанин не вернулся, а жившие в его доме близкие, особо ни с кем не прощаясь, переехали.

Не могу не рассказать еще об одной версии, той, на которой настаивает мой отец. Он утверждает, что убийцей Ханум был живший также на противоположной от села стороне реки егерь Навруз. Причины, побудившие на расправу, неизвестны. Однако своенравный характер местного егеря, официально пользовавшегося правом носить оружие и имевшего в своем распоряжении несколько злобных немецких овчарок, мог привести к территориальному конфликту. Навруз всю свою жизнь, это и на моей памяти, не допускал строительства кем-либо частных домов и обработку территории на левом берегу Рубас. Огромный участок земли в форме почти полукруга, зажатый между трассой Ростов–Баку и рекой, как я предполагаю, его усилиями являлся и остается природоохранной зоной. Избавившись от Ханум, с которой у него всегда были натянутые отношения, Навруз, на мой взгляд, стал безраздельным хозяином левой стороны реки Рубас у села Аглоби.

Некоторое время спустя после убийства Ханум ее единственный сын, очевидно, также имевший проблемы с психикой, после словесной перепалки убил отца Насти —

подводчика Камила. Нажмутдин сел за это убийство на десять лет, а жены Ханум покинули эти места, и больше их никто никогда не видел. Дом, где они жили, пришел в запустение. Облюбованный для своих игр подростками и подвергшийся природным катаклизмам, он постепенно разрушился.

В 1979 году здесь, возле бывшего дома Ханум, неподалеку от трассы Ростов–Баку, в 150 метрах от реки Рубас, на окраине селения Аглоби мистическим образом пробился фонтан сероводородной минеральной воды, да такой, что образовалось небольшое озерцо. Несколько ручейков ее стекало к реке, а запах тухлого яйца распространялся на несколько километров по направлению ветра. Около самого источника концентрация газа была настолько высокой, что при поднесении горящей спички происходило возгорание.

Кем-то из энтузиастов вокруг него было установлено несколько больших валунов, поднятых из реки, и огромный обтесанный камень в форме прямоугольной призмы, которые ограничивали область с большой концентрацией газа при возможном возгорании от территории образовавшегося водоема, постоянно наполняющегося минеральной водой. По вечерам, возможно, для его освещения газовая струйка на выходе из источника поджигалась, и огонек, отражаемый от раскаленного большого камня, виднелся далеко от его местонахождения. Предаваясь мистическим настроениям, я не раз наблюдал его мерцание с навеса над хозяйственными постройками нашего двора.

Неизвестно, сколько времени прошло, но вскоре вследствие естественного распространения информации о якобы целебном источнике водоем стал объектом паломничества большого количества людей среднего и

пожилого возраста. Все они были убеждены в живительной силе этой воды, излечивающей болезни суставов и кожи.

Мужчины и женщины в белых одеждах, покрывающих практически всё тело, погружались в образовавшееся сероводородное озерцо. При этом части источника разделились по половому признаку: мужчины теснились ближе к северу, а женщины — к югу. Дети плавали, где им взбредется, постоянно получая замечания от старших, чтобы вели себя спокойнее. Попадание брызг в глаза приводило купающихся в замешательство. Они выбегали в поисках пресной воды, некоторые неслись вниз к реке и падали в ее потоки, пытаясь снять раздражение и воспаление. Приезжающие не в первый раз перед купанием заблаговременно ходили к роднику, заполняя привезенные с собой бутылки и канистры.

Известие об источнике быстро распространилось по всей республике. Некоторые особо образованные с улыбкой называли это место нудистским пляжем. Приезжать сюда стали целыми автобусами. Вокруг водоема образовалась большая зона с отдыхающими, принимающими солнечные ванны и ждущими своей очереди купания. Народ самостоятельно стал облагораживать источник, углублять и расширять полезную площадь естественно образовавшегося бассейна. Мусора вокруг, тем не менее, меньше не становилось. Посещали источник и жители селения Аглоби — им-то Бог сам велел это делать, так как Его благодатной волей именно здесь, а не где-либо в другом месте, ему было уготовлено появиться. Почему-то в прессе источник был назван Аваданским, хотя село Авадан находилось от него значительно дальше, чем селение Аглоби.

Было всё прекрасно: одни успешно подлечивали суставы, другие избавлялись от псориаза, лишая и прочих заболеваний кожи, однако всему хорошему, как известно, приходит конец.

Кто-то из руководителей столицы республики распорядился прекратить вакханалию с совместным разнополым купанием в этом неблагоустроенном пагубном месте и построить здесь культурный банный лечебный комплекс по примеру тех, что функционируют в курортных городах Кавказских Минеральных Вод.

Эта благая инициатива привела к тому, что источник временно закупорили, залив его машиной бетона. Вода из уже было очерченного бассейна ушла, и люди постепенно приезжать перестали.

Когда через пару лет нашлись средства для строительства и, видимо, были получены все необходимые согласования, источник был раскупорен — однако никакой воды и, тем более, минеральной там уже не было. Говорят, что она ушла куда-то за много-много километров от нашего села, однако больше об этом я ничего не слышал.

Глава 2.10. Променад к морю

От села Аглоби до моря — приблизительно шесть километров, но за свои к тому времени двадцать лет жизни я ни разу не отважился добраться до побережья.

Тем летом, когда это, наконец, состоялось, я со своим сверстником, другом и двоюродным братом Атнилом, братом Павликом, взявшим с собой свою собаку Ингу, отправились в путь. Конечно, мы собрали с собой немного поесть перед неизведанным маршрутом. Он пролегал через лесхоз, убранное ранее пшеничное поле, где внезапно из моих ног выбежал заяц и помчался в сторону лесопосадки. Мне тут же захотелось его поймать, и я дернулся и побежал за ним, сорвалась со мной и собака. Но даже Инге не удалось его догнать. Промчавшись метров триста между срезанных стеблей, заяц, видимо, грамотно затаившись, обманул нашу полуовчарку.

Далее мы перешли железнодорожные пути, оказавшись в аллее между двух виноградников. Сочные спрессованные из налитых августовским солнцем ягод кисти в основном технических сортов соблазняли нас и справа, и слева. Однако вдали виднелись навесы сторожевых постов, на которых могли находиться охранники, как мы предполагали тогда, с ружьями, заряженными крупной кристаллической солью. Понимая, что плохо покушаться на социалистическую собственность, мы не смогли устоять, тем более что за время пути успели немного проголодаться. Первым не выдержал Павлик и заскочил в пространство между двумя шпалерами, где свисала прелестная коричнево-розовая гроздь сорта

«Дамские пальчики». За ним скрылась и собака. И в этот момент мы увидели мужика лет сорока пяти, издали направляющегося нам навстречу.

— Павлик, шухер! — не очень громко прикрикнул Атнил.

Однако брата видно не было. Мужик приближался. Мы с невозмутимым видом поздоровались с ним, когда он поравнялся с нами:

— Добрый день!

— Здравствуйте! — ответил он по-русски, понимая, что с ним говорят городские ребята. — Вы откуда здесь? Куда направляетесь?

— Из Аглоби, к морю хотим пройти, — объяснил я наше присутствие на виноградниках.

— А вы чьи будете?

— Мою бабушку зовут Истир, — ответил я.

— А... это еврейская женщина-вдова? — припомнил мужчина, при этом выражение его лица резко изменилось с настороженного на улыбающееся благодушное — *Истир-холе*¹?

— Да! Да! — обрадовались мы настрою мужика.

— Что-то вы далеко забрались... — заметил мужик. — А она знает, что вы здесь?

— Да, конечно, знает, — единодушно соврали мы, ведь о том, что уйдем, никому ничего не говорили и надеялись оказаться дома до вечера, раньше, чем бабушка Истир вернется с дербентского рынка.

Нам не терпелось побыстрее пойти дальше, к тому же мы с Атнилом переживали, куда девался Павлик.

¹ Истир-холе – тетя Истир (перевод с джуури).

— Подождите, — сказал мужик, по-видимому охранник. Он перепрыгнул через канаву в сторону виноградника и через пару минут принес нам оттуда две огромные кисти сверкающего на солнце винограда. — Давайте свою сумку, — предложил он. Мы с удовольствием подложили сумку, и она поглотила щедрое угощение. — Джамалутдин, — протянул он руку.

— Гена! Атнил! — в ответ мы пожали его ладонь.

— *Сизи Аллах сахласын!*¹ — пожелал Джамалутдин.

— Спасибо Вам! Спасибо! — поблагодарили мы и побрели дальше. А я по шутиливой привычке добавил: — Аналогично!

Однако, пройдя всю аллею между виноградниками, мы так и не встретились с Павликом. Остановившись, мы стали кричать:

— Павлик! Инга!

Ходили вокруг да около и звали их.

Павлик появился неожиданно и явно в хорошем настроении. Он тоже искал нас. Павлик рассказал о том, что, когда полез за виноградом, сорвал несколько гроздьев и собирался вернуться, заметил огромную змею с поднятой вверх трещоткой. Взяв Ингу на руки, он что есть силы побежал прочь в обратную от нас сторону. Далее он встретился с охранником, который выслушал его, напоил чаем в своей «резиденции» под навесом и, завидев нас оттуда, рассказал Павлику, как нас найти.

Мы уселись втроем под развесистым деревом, похожим на иву, с листочками зеленого цвета с одной стороны и матово-белого с другой, плодами наподобие мелких фиников

¹ Сизи Аллах сахласын! – Храни вас Бог! (Перевод с азерб.)

и стали с удовольствием есть подаренный, а также отчасти украденный нами виноград, отдавая долг этой прекрасной ягоде.

С этой же целью привожу здесь одно из моих стихотворений.

Старый виноградник

*Как воины в сраженьях исковерканы,
Шеренги лоз фалангами стоят,
Почтенною ворсистостью увенчаны,
Прогнулись, будто раны их саднят.*

*В равнении на солнце тянут спины,
Являя жизнелюбия пример,
Размашистые плечи запрокинув
На гнущуюся проволоку шпалер.*

*Пригревшиеся лопаются почки,
Восторженный приковывая взгляд,
Нежнейшие зеленые листочки
На воинстве как праздничный наряд.*

*Свалиться будто навзничь опасаясь,
Побеги стрелами пронзают высь.
Их щупальца, к шпалерам устремляясь,
Прижались к ним и змейкой обвились.*

*Прелестный из божественных посланцев,
Нальется и созреет виноград,*

*И кисточки инопланетных пальцев
Нектаром жизнь людскую усладят.*

*Почтенный благодатный виноградник,
Вобравший солнца свет и свежесть гроз,
Привязанный к земле судьбою странник...
Пусть долгод будет век чудесных лоз!*

Немного поев и отдохнув, спрятавшись от наступившего зноя под деревом, мы отправились дальше и через полчаса оказались на побережье Каспийского моря. Песчаный берег был абсолютно пуст. В пятистах метрах находился пригорок, прикрывавший от нас всю левую часть побережья (справа оно постепенно сворачивало в сторону моря, образуя своеобразный рог, покрытый зеленью деревьев) — известный уже уважаемому читателю самурский лес.

Раздевшись до трусов и побросав сумки, мы с улюлюканием бросились в море, которое было спокойным и несколько преснее, чем обычно, так как всего в километре-двух севернее от нас в него впадала река Рубас. Жалею, что мы тогда не прошли туда, чтобы посмотреть, каким образом с детства известная мне река завершает свой почти стокилометровый земной путь.

Нам было хорошо здесь, вдали от посторонних глаз. Пользуясь примеру Атнила, проживавшего в нижней преимущественно горско-еврейской части улицы Коммунаров исторического центра города Дербента, мы с братом разрисовывали свои тела звездами Давида. Обращаясь таким образом к своей самоидентичности, мы прыгали вокруг костра, разожженного из обильно разбросанной вдоль берега

сухой древесины, радовались свободе, аналогичной той, которую получили наши далекие предки, покинувшие Египет.

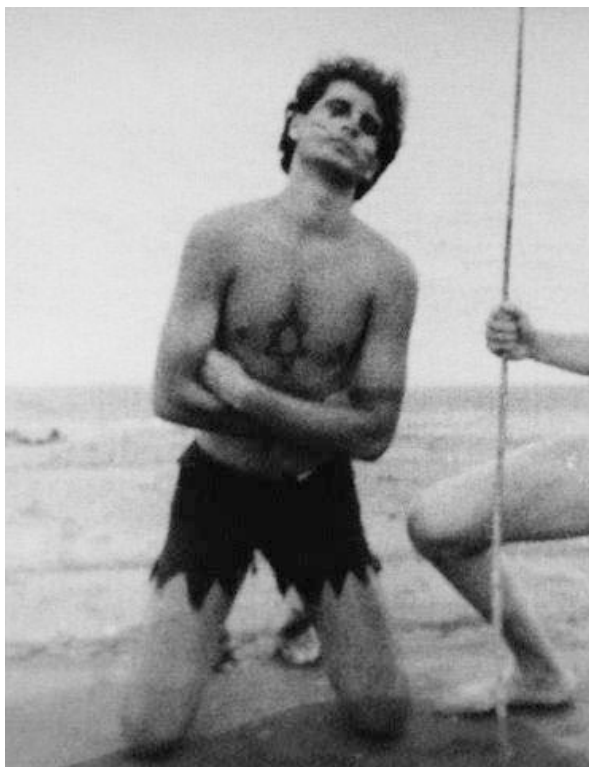

Фото 52. *Атнил Рувинов на променаде. 1987 год*

Тем временем солнце скатывалось за очерчиваемые розовой дымкой предгорья Самурского хребта и Большого Кавказа. Стало темнеть, но покидать этот пляж, это идиллическое место не хотелось, и мы решили заночевать здесь. Древесины, выброшенной на берег волнами, было много, да и самурский лес находился недалеко, так что топлива для костра было достаточно.

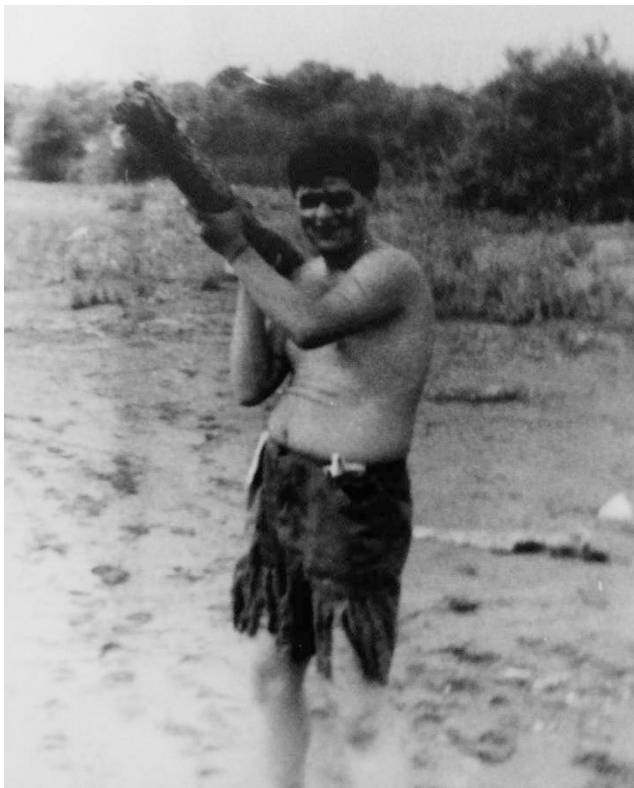

Фото 53. Брат Павлик на променаде. 1987 год

Внезапно с северной стороны, из-за пригорка, появилось двое мужчин приблизительно тридцатилетнего возраста, которые прошли мимо нас. В двухстах метрах к югу они зашли в море и что-то там оживленно делали. Мы старались не смотреть в их сторону: мол, нас это не касается. Через полчаса они ушли тем же путем, держа в руках что-то внушительное, обернутое в мешковину. Нас разбирало любопытство, однако мы переждали около часа, прежде чем направиться на то место берега, где пришельцы устроили короткий заплыв в море.

Преодолев метров двадцать, я и Атнил обнаружили две сети, прикрепленные ко дну на металлических штырях. Они располагались перпендикулярно берегу, на расстоянии двадцати метров друг от друга, и уходили метров на тридцать в море. Размер ячейки сети был довольно велик, где-то десять на десять сантиметров. В одной из них трепыхалась рыба, это был двух- или трехкилограммовый усач. Подступиться к нему было сложно, он бил своим острым хвостом по рукам, отчего на них появились порезы. Мне вспомнилось, что недавние пришельцы лупили по воде дубинкой. Нам стало понятно, что таким образом они глушили рыбу, и я попросил Павлика принести с берега какую-нибудь увесистую деревяшку. Пара ударов по голове рыбы корягой не то от лозы, не то от лианы достигла результата.

Мы вытащили добычу на берег. Поплясали вокруг нее и спрятали недалеко от нашего кострища на ветвях небольшого деревца, так чтобы и нашей собачке до нее было не достать и к нам в случае чего никто не мог предъявить претензий. Воспринимали ли мы этот лов рыбы из чужих снастей как кражу — нет. Почему? — Это предмет для дополнительных споров и размышлений.

Помня о любви моей бабушки к свежей рыбе, мы решили отнести ее завтра домой как трофей.

Наступила ночь. Мириады звезд высыпали в небе. Так, сидя у костра под слабый морской прибой, мы провели часть ночи, слушая рассказы друг друга.

Было ли страшно? Нет. Ведь нас было трое, да еще и собака, которая предупреждала нас о приближении любого постороннего. Да и не было тогда такого страха, как в нынешние годы.

Ночью я не раз просыпался от ползущих по телу насекомых, в основном каких-то сороконожек. Пришлось перенести свое спальное место в непосредственную близость от берега, где небольшой полосой проходит слой ракушек.

И всё равно проснулся я рано. Ребята сладко спали. Окутанные разными тряпками и в набедренных повязках, они выглядели как индейцы.

Светало. У меня не хватало терпения: хотелось еще раз посмотреть на найденные вчера сети, и я полез в воду. В одной из них висела большая рыба, по-моему, сазан. Выйдя на берег и захватив уже пригодившуюся ранее корягу, я несколько раз ударил ее по голове, вытащил на сушу и отнес к предыдущей нашей добыче. Собака за мной заинтересованно наблюдала, но стойко сидела возле своего хозяина Павлика, охраняя его покой.

Как только я прилег немного покемарить рядом с остальными, появились вчерашние мужчины. Они снова зашли в воду, но, не обнаружив рыбы, направились в нашу сторону.

— Доброе утро! — громко поприветствовал один из них, внимательно и долго глядя мне в глаза.

— Здравствуйте! — ответил я, якобы просыпающийся от глубокого сна.

Атнил и Павлик также открыли глаза и с настороженностью глядели на пришельцев, которые внимательно осматривали наше пристанище. Не обнаружив и намека на свою пропавшую рыбу, они пошли дальше.

«Хорошо, что мы не жарили рыбу, а то бы они могли что-то понять», — подумалось мне, и я уснул.

Часам к восьми утра, когда поднявшееся на небосклон солнце стало пропекать наши спящие лица, мы поднялись,

искупались в море, оделись и направились в обратный путь. Он прошел без приключений. Но подходя к дому, мы увидели местного мальчугана, который сказал, что нас искали всю ночь.

Дедей Истир встретила нас причитаниями, однако вскоре успокоилась. Рыба была пожарена и, ко всеобщему удовольствию, съедена на обед. По паре стаканов домашнего вина на брата после такой трапезы были отнюдь не лишними.

Оказывается, к этому времени весть о нашем исчезновении уже добралась до Дербента, вызвав у наших домочадцев невообразимый переполох, который был вовремя погашен после нашего скорого возвращения.

Эпилог

В 2012 году, после 18-летнего отсутствия, я приехал в родной город Дербент на поминавание Радика — племянника Дедей, сына ее брата Бинциона. Конечно же, я не мог не заехать в Аглоби. Ностальгия по этому селу была больше, чем по родному городу.

Фото 54. Бытовой мусор на косогоре у реки Рубас. 2012 год

Рыночная экономика и всеобщая коррупция давали о себе знать — шоссе возле поворота на Аглоби, ранее обрамленное с двух сторон полями с обязательным пением жаворонка ранней весной, ныне было захламлено коммерческими конторками, палатками, мастерскими на любой вкус и цвет: проезд в село едва был заметен в их просвете. На косогоре у местного водопада грудой свисал бытовой мусор.

Сельчан практически не было видно. От дома, построенного прадедом Пенуилом, ничего не осталось. Не тронута лишь отдельная постройка из известкового камня, сооруженная бабушкой за десять лет до ее отъезда в Израиль.

Я приехал сюда с одноклассниками Изамудином и Октаем, которые поддержали меня в этой поездке. Подойдя к знакомым воротам, за которыми был двор дома дедей Истир, я стал заглядывать внутрь через ограждение. Подошедшие к нам молодые люди спросили, что нас интересует и кто мы. Я ответил, что я внук бабушки, которая здесь жила, дедей Истир. Это воодушевило ребят, как оказалось, они с детства хорошо помнили эту пожилую женщину и говорили о ней крайне уважительно.

— Как дела у Яхьё? — спросил я, предполагая, что это дети нашего соседа.

— Папа давно умер, — ответил молодой человек постарше.

— А мама как же?

— Мама болеет, но мы ее сейчас позовем, — ребята пригласили нас в расположенный рядом дом и предложили чаю.

Оказалось, что уже много лет, как дом дедей Истир и принадлежавшие ей земли у прежнего хозяина выкупил Яхьё.

Появилась поддерживаемая невесткой супруга Яхьё. Я помню ее еще молодой невестой. Уверен, что она родила не менее десяти детей.

Фото 55. Супруга соседа Яхье. Село Аглоби. 2012 год

Женщина, очевидно, являвшаяся хозяйкой большой семьи, справилась о здоровье дедей Истир, неподдельно интересовалась, как ей живется в Израиле, вспоминала о некоторых моментах в их соседской жизни и пеняла на свое старческое жите-бытье. Тюркский диалект, на котором она говорила, был знаком мне с детства и перевода не требовал. Иногда мне кажется, что уже в свои десять лет я мог говорить на этом языке.

Далее мы пошли на заброшенное аглобинское еврейское кладбище, которое находилось в трехстах метрах от дома дедей Истир. Проведали единственную имевшуюся здесь надгробную стелу, относящуюся к моим родственникам, Рахмила, дяди моего отца. Захоронения тринадцати умерших младенцев Мошолум и Пенуила, а также старшего брата моего отца, также с именем Рахмил, были без надгробий. Эти

погребения уже почти не угадываются между двумя крайними стелами в южной части кладбища. Жуткое зрелище!

Фото 56. Кладбище. Огороды наступают. 2012 год

Фото 57. Кладбище села Аглоби. Не все уцелело. 2012 год

Часть надгробий поглотил надвигающийся из-за эрозии почвы овраг, в котором протекает река Рубас. Другая часть, с обратной стороны, стиснута сетчатой изгородью огородов здешних крестьян. Ряд стел присутствует частично или поврежден.

Сами же мои дорогие прадедушка с прабабушкой захоронены на дербентском еврейском кладбище, так как последние свои годы проживали в городе. Этот некрополь содержится в чистоте и порядке и находится под опекой руководства местной горско-еврейской диаспоры.

Далее зашли в гости к отстроившему за кладбищем дом брату Яхье Хасрету. Он и его семья нас прекрасно встретили, предложили чаю. Поблагодарив, мы пошли дальше — осмотреть наш бывший нижний огород.

Фото 58. Хасрет с супругой и детьми. 2012 год

В нижнем огороде тишина — «ничего не сеют, ничего не жнут». Некоторая грусть охватывает от практического отсутствия фруктовых деревьев, обилием и разнообразием которых и был примечателен наш огород-сад.

Фото 59. *Нижний огород. Дети Яхье.
У бывшей поливной канавы. 2012 год*

Далее нас перехватила пожилая женщина — тетя Зоя, увидевшая нас сквозь рабицу ограды своего огорода. Плача, она долго причитала, вспоминая дедей Истир, желала ей и всей нашей семье здоровья и благополучия. Так как она была выдана замуж за жителя Аглоби, а сама была уроженкой села *Марага*¹, она говорила на диалекте, похожем на наш горско-еврейский язык. Очевидно, ей было приятно вспомнить и говорить на своем родном языке с тем человеком, который мог ее понять. Спасибо ей за столь искренние добрые пожелания!

¹ Марага — село в Табасаранском районе Дагестана. Село впервые упоминается в VII веке. По версии некоторых учёных, предками жителей села являются выходцы с Аравийского полуострова.

Фото 60. Соседка тетя Зоя. 2012 год

Мы уехали, довольные и воодушевленные, получив в подарок огромную связку чеснока от супруги Яхье и пластиковый пакет с собранными специально для нас абрикосами. Это дерево с плодами крупного размера было самым лучшим из произрастающего на огороде у тети Зои. Наверное, она не раз наблюдала, как я в детстве тянул руки через ограду к этим прекрасным фруктам.

После этой поездки, я еще не раз бывал в Аглоби. Время течет одинаково для всех. Через несколько лет не стало ни супруги Яхье, ни Хасрета, ни дедей Истир, о тете Зое я ничего не слышал, зайти не решился — дай Бог ей дожить до 120 лет.

Фото 61. Дедей Истир с правнуками —
моими сыновьями Рахмилом и Исаем Рахмиловыми.
2004 год

Фото 62. Моя бабушка дедей Истир. 2011 год

До переезда в Израиль мои близкие родственники долгие годы не знали горечи потерь. Однако уже в 1996 году, после непродолжительного пребывания на Святой земле, ушли мамыны брат и отец Исаковы Александр и Исай. С тех самых пор, вот уже почти тридцать лет, в каждую свою поездку сюда я осуществляю скорбный обход по кладбищу города Беэр-Шева. Длина этого маршрута и количество адресатов неумолимо увеличивается — оно расширилось в несколько раз и приняло еще нескольких близких мне родных людей, включая дедей Истир.

Фото 63. *Моя бабушка дедей Истир. 2011 год*

Я был рядом с ней, когда она уходила. Очевидно, что она была в сознании, но только не могла ни открыть глаз, ни пошевелиться. Взяв ее за руки, я чувствовал теплоту родного мне сердца, говорил с ней. Одна скатившаяся у нее из глаза слеза и мгновенно изменившееся выражение лица сказали мне о том, что она не хочет покидать этот мир, но ничего не может сделать со своим так неожиданно изменившим ей телом.

Проходили дни — один, два, пять. Я понял, что она ушла, когда ее руки стали холодными, а аппарат искусственного дыхания, поддерживающий ее, работал, как бесчувственный робот, осуществляющий назначенную ему монотонную работу.

Не всегда невестка и свекровь, моя мама и дедей Истир, ладили, но ближе к неотвратимому концу мама всё больше жалела бабушку. Заслуженный человек труда, независимая, дедей постепенно старела, теряя силы, но ум ее был ясен до конца жизни.

Однажды, чтобы взбодрить и вдохновить Дедей, сидящую как обычно в раздумьях на краю дивана, мама заверила ее, и я был свидетелем этому, что похороны и все сопутствующие мероприятия сделает для нее такими, каких не было у королевы, и что все те, кто придет ее помянуть, позавидуют ей, останутся довольны и приемом, и угощением, что всё будет сделано правильно, в соответствии с горско-еврейскими поминальными традициями. Каким же светлым и благодарным было лицо дедей Истир в этот момент! Наверно, этим были периодически заняты ее мысли.

— Пусть все пьют, едят, веселятся и радуются в свое удовольствие, вспоминая меня в этот день, — добавила бабушка.

Она действительно была воодушевлена этим обещанием мамы, которая выполнила всё точно, не пожалев значительных средств из своих пенсионных накоплений. Дедей Истир поминали каждый день в течение первой недели и по субботам. Во дворе были установлены брезентовые ограждения, расставлены столы и лавки. Так же было и на

чуьле и *серсали*¹. Год траура держали папа и дядя Давид, сводный брат дедей Истир.

К слову сказать, только после смерти дедей моя мама осознала, насколько трудна была жизнь ее свекрови, с каким большим сердцем была эта женщина, сколько непонимания и нелюбви ее окружало и каким порядочным она была человеком. Было время вспомнить и некоторые случавшиеся между ними конфликтные ситуации, которые иногда происходили, скорее, из желания Дедей угодить молодой невестке и быть внимательнее к ее семье, а не выставить ее перед кем-либо неумехой. Мама сожалеет, что не в полной мере отвечала на заботу свекрови.

«Бедная женщина. Ничего хорошего она в жизни ни от кого не видела, — размышляла вслух моя мама, — и я, к сожалению, не понимала ее, всегда принимала сторону оппонентов, которые возводили напраслину на нее и нарочно подговаривали меня, чтобы я ею брезговала. Дедей боялась меня», — признавалась она.

На стеле моей бабушки Истир, скончавшейся от инсульта в 2013 году на 95-м году жизни, я оставил эпитафию в форме *акростиха*²:

¹ Чуьле и серсали – у горских евреев название поминок по прошествии 30 дней и года после смерти. Предполагается, что слово «чуьле» происходит не от слова «чуль» (в переводе с *джуури* – сорок), а от слова «чуьлеи», что на джуури означает «карантин», как время наложения определенного запрета. Например, «Глэруьс чуьлеи» – карантин невесты, «Глэйл чуьлеи» – карантин новорожденного.

² Акростих – литературная форма, стихотворение, в котором некоторые (как правило, первые) буквы каждой строки составляют осмысленный текст (слово, словосочетание или предложение).

Фото 64. Памятник моей бабушки дедей Истир
на кладбище в Беэр-Шеве

Уходу дедей Истир посвящено это мое стихотворение:

Прощай

*Бабуля, милая, я здесь с тобой,
Всё хорошо должно быть — будет так,
Но, зная больше нас, само собой,
Надежды не суля, врачи молчат.*

*Врачи молчат; но ведь движенья рук,
Не просто так сошедшая слеза,
Не разделить, увы, твоих мне мук,
Седоволосая моя краса.*

*«Она не встанет, — скажет кто-то вслух, —
Всё точно так, как с тещею моею».
Ровней дыхание и сердца стук,
Нам больше б веры, а удачи ей.*

*Пост безысходности — твоя кровать,
Приборы выключены, не пищат,
Врачи молчат, им нечего сказать,
И ты не скажешь ничего... прощай.*

Совсем недавно мой отец проснулся в слезах. Оказалось, что ему приснилась мама, дедей Истир, которая, не останавливаясь, расстилала в гостиной нимдеры один за другим, пока не покрыла весь пол. Папа был обеспокоен потому, что так делают, когда в доме умер человек, а нимдеры предназначены для сиденья скорбящих и плачущих женщин, поминающих покойного. Мужчины обычно сидят на скамейках во дворе. Единственная разгадка этого сна пришла ко всем одновременно. Близилось десятилетие со дня смерти дедей, к тому же это было начало месяца Ав¹ по иудейскому

¹ Ав — в библейской традиции, когда отсчет года шел от месяца нисан, пятый месяц еврейского календаря. Его называют также Менахем-Ав («Утешитель Ав»), ибо именно в этом месяце евреи ждут утешения за горести, которые он нам принес — прежде всего, за гибель Первого и Второго Храмов. С наступлением Ава умеряются проявления радости — ибо в эти дни Израилю не до веселья, и важные решения евреям нужно отложить на более благоприятное время. Точно так же запрещается и способствовать тому, чтобы веселились другие, или совершать поступки, способствующие проявлению радости. В эти дни евреи не строят здания, предназначенные для веселья, например, залы бракосочетаний, не украшают и даже не ремонтируют свои квартиры, не сажают деревьев, доставляющих удовольствие, например, дающие тень или приятный запах. Аналогично запрещается покупать, шить, вязать или вышивать новую

календарю. Истир, по-видимому, упрекала таким образом сына за то, что он недостаточно внимателен к ее памяти, что после первой годовщины с даты ее смерти ни разу не помянул свою мать. Родственники решили отметить эту дату, собравшись в доме отца всей семьей. Я попытался присоединиться к этой семейному поминовению, правда, здесь, в Москве, помянув бабушку в одиночестве. Мистика состоит в том, что я в то время, когда отец видел сон о деде Истир, дописывал о ней настоящую главу.

Приходя на кладбище к ушедшим, мы сами того не осознавая, расставляем приоритеты. Сначала мы идем к своим самым близким людям, оставившим в душе наибольший след. Дай Господь здоровья и сил моим родителям, но на сегодняшний день мои ноги сначала идут к ней — моей бабушке деде Истир.

одежду, даже если надеть ее мы намереваемся лишь после 9-го Ава. С наступлением Ава запрещается стирать белье и одежду — даже если мы намереваемся пользоваться ими после 9-го Ава.

Элементы (ветви) генеалогического древа автора

На представленных в настоящей главе схемах отражены родственные связи автора. Главная из них — насчитывающая четыре поколения «Карчагская (основная) линия предков», у истоков которой — крестьянин, сельский ашуг Рахмил с супругой Лиё. Отец автора утверждает, что еще раньше, от шестого поколения и вглубь веков, нашими предками являются выходцы из Кубы.

Из-за немногочисленности представителей основной линии генеалогического древа автора (см. Схему 1) они представлены на схеме полностью — до нынешнего 5-го поколения.

Фото 65. Члены семьи автора (слева направо):

*Зоя — сестра, Рая — мама, Дана — дочь Зои, Авраам — зять,
Настя — аме, Исай — отец. 2019 год*

Фото 66. Члены семьи автора (слева направо):
Авраам — зять, Марина — невестка, Рая —мама,
Настя — дочь Зои, 4 сына Марины и Пануэля: Шарон, Лиор,
Дан, Эйтан, Исай — отец, Зоя — сестра, Пануэль — брат.
2019 год

Несколько плодovitее генеалогическая ветвь, исходящая от Гъомиила, второго сына общего предка автора Рахмила (см. Схему 2).

В силу добрых и тесных отношений с поколениями ее родственников не оставлена в стороне и ветвь старшей сестры прапрабабушки автора Мошолум Истир (см. Схему 3). В 2024 году скончался прекрасной души человек внук Истир Лазар.

Фото 67. Члены семьи автора (слева направо):
в первом ряду Рая — мама, Исай — мой младший сын,
дедеш Истир; во втором ряду Марина — невестка,
Кристина — племянница, ее муж и дочь,
Шура — двоюродная, Асаф — племянник,
Марина — сестра. 2007 год

В предварительном виде, не углубляясь далее поколений родителей и детей матери автора, представлена ее семья (см. Схему 4). Объемными стрелками здесь обозначены перспективы раскрытия генеалогических ветвей в родословной матери автора. Автор надеется, что, если Господь предоставит ему на это время, он расскажет об этой замечательной семье и ее представителях в будущих изданиях. Отчасти это уже сделано — о личности брата матери Исакова Романа Исаевича автор уже написал в одном из очерков, размещенных в настоящей книге.

Наконец, раскрыта родословная дедеш Истир — главной героини этой книги настолько глубоко, насколько это было известно ей самой (см. Схему 5).

Схема 1- Карчагская (основная линия) предков- Рахмиловы

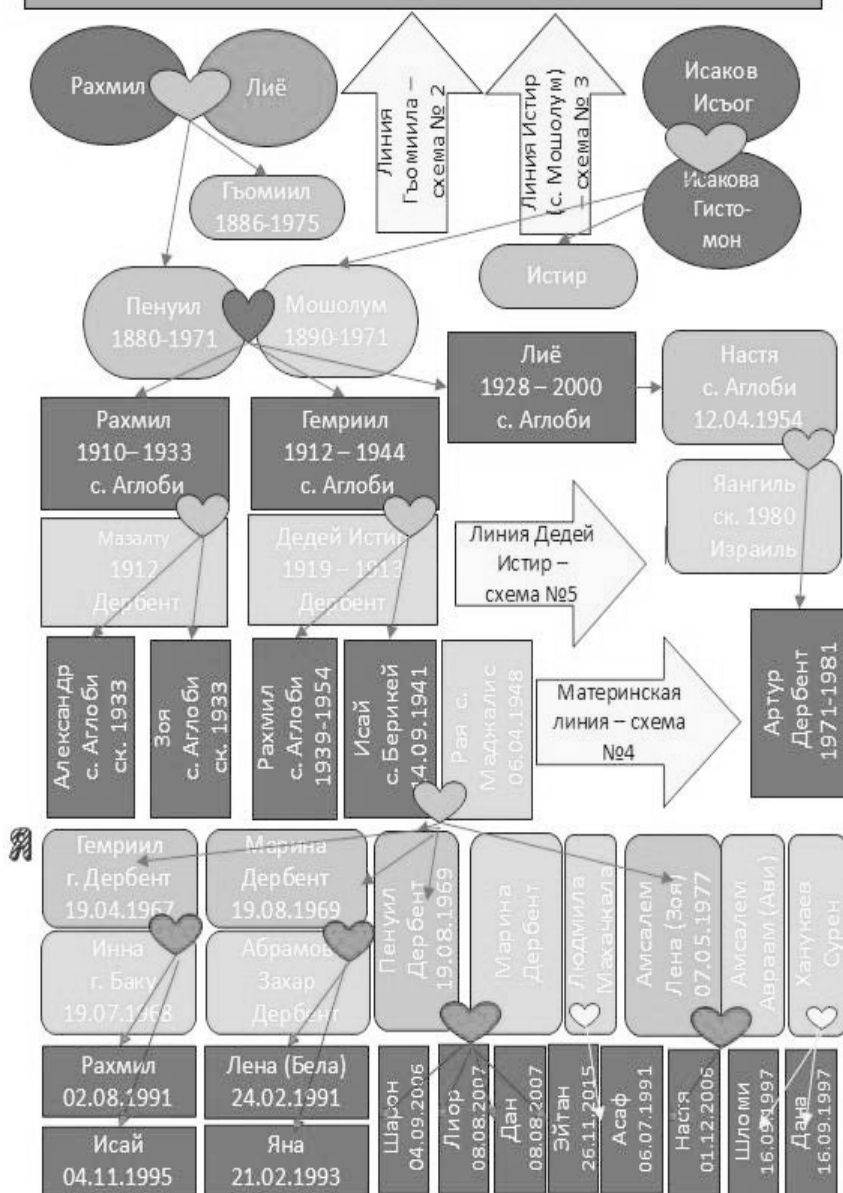

Схема 2 – линия Гъомиила (брата Пенуила)

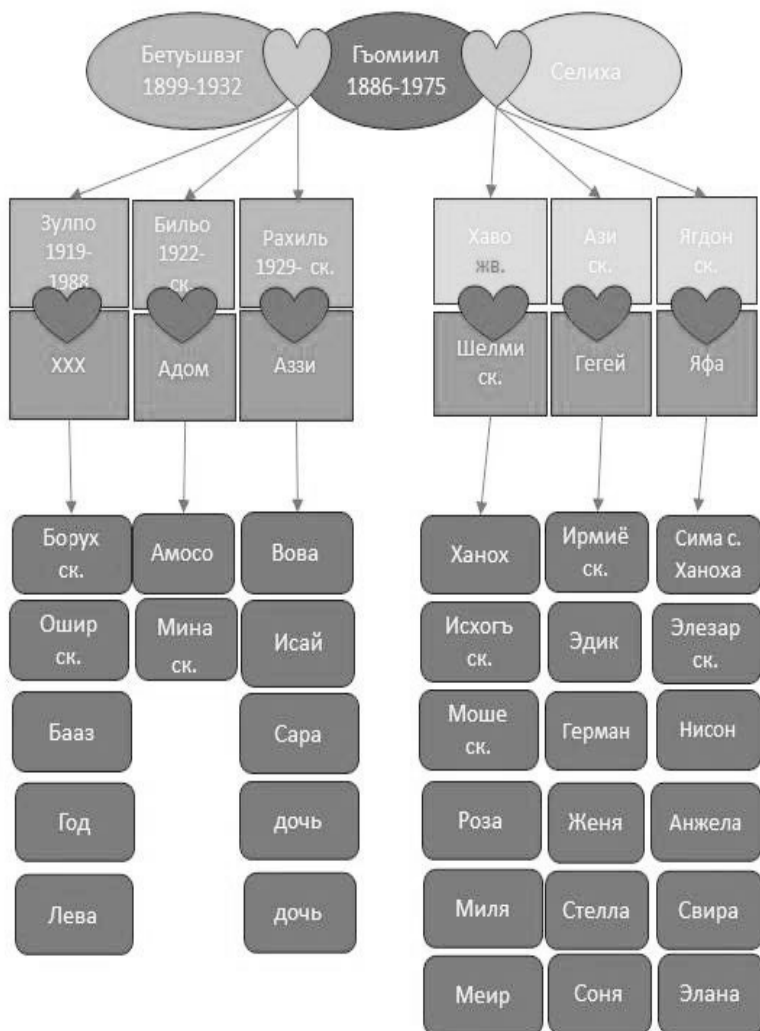

Схема 3 – линия Мошолум Рахмиловой (Исаковой)

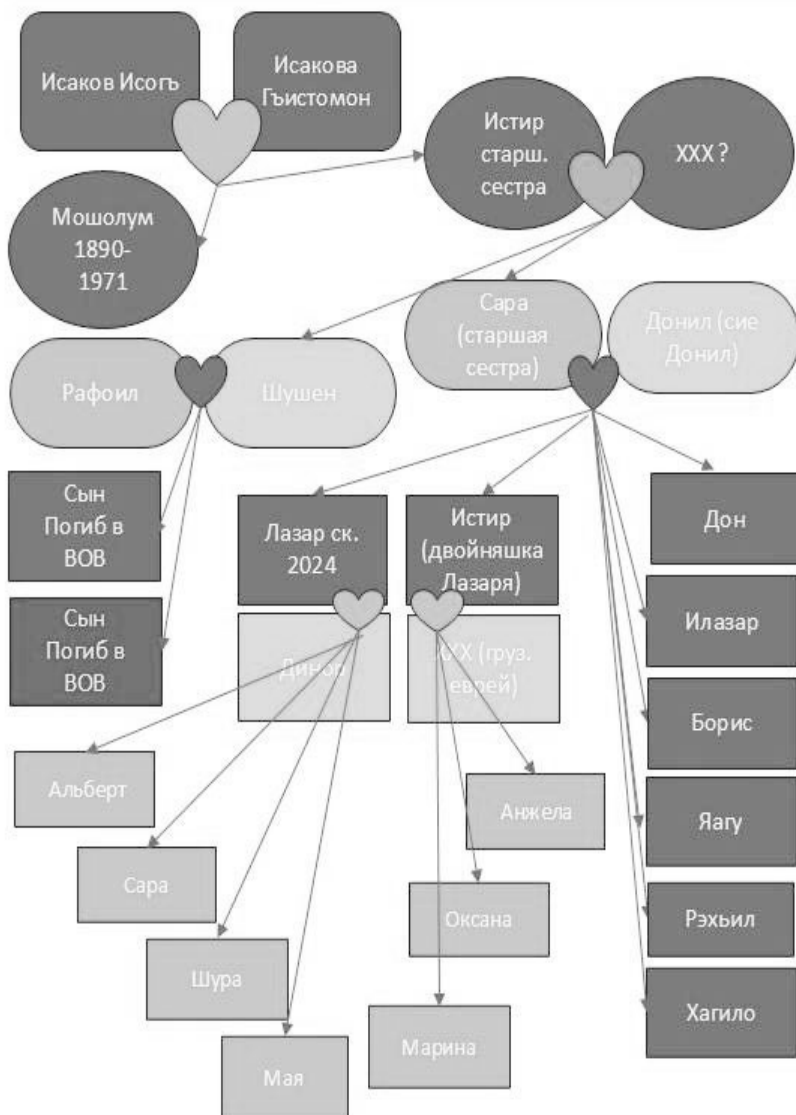
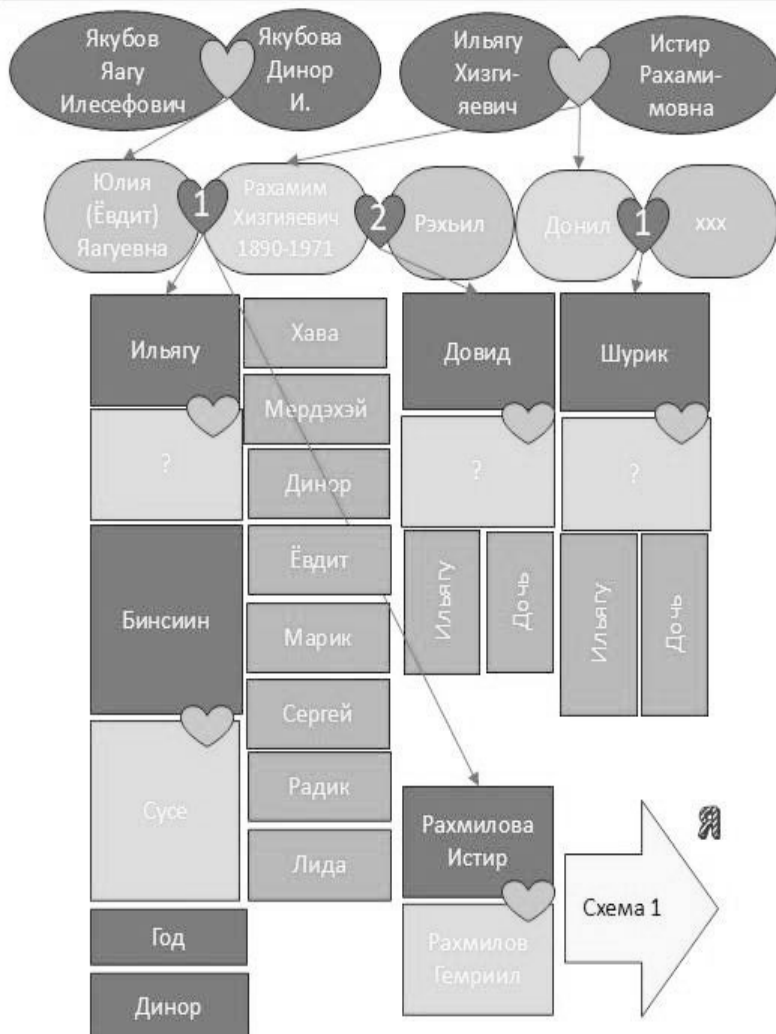
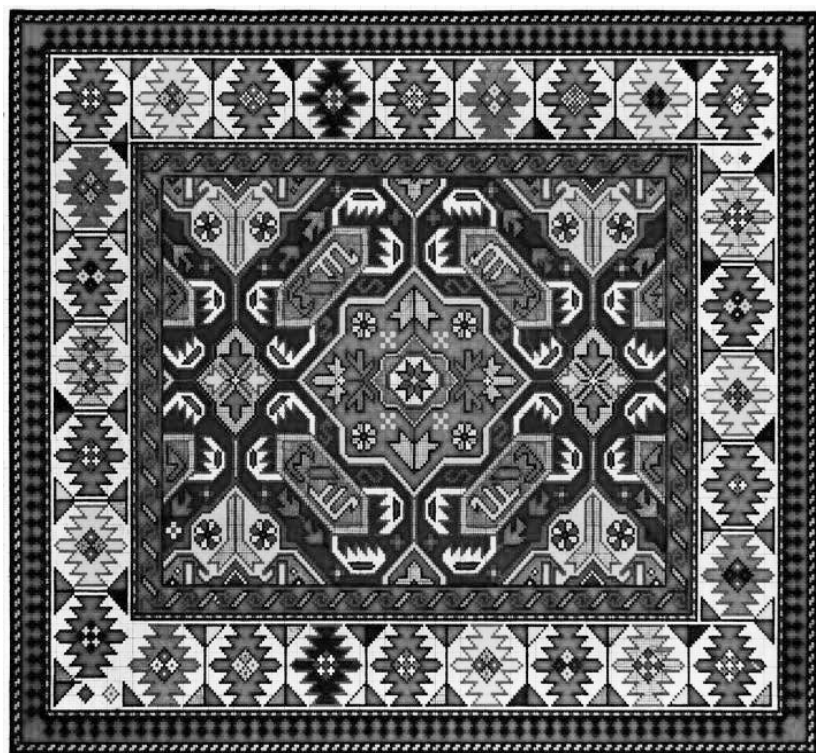

Схема 5 – линия дедей Истир – Ильягуевы (Дербент)

Очерки

Роман Исаевич Исаков

Жизнь моего *холу*¹ Исакова Романа Исаевича может быть примером служения любимому делу. Стезя, которой он посвятил годы труда, добившись в ней самого высокого уровня профессионализма, пройдя длинный путь от рабочего и рядового проходчика до руководителя и владельца огромного комбината, наиболее точно отражает его характер, глубину устремленностей и мужество, закаленные в суровых условиях Крайнего Севера.

Как и все дети моего дорогого деда Исакова Исаея Рахамимовича, Роман родился в селении Маджалис. Появившись на свет 12 июля 1952 года, он стал четвертым ребенком в семье. Назвали его так в честь деда Рахамима.

Детство Романа прошло в спартанских условиях: горы, две реки Катте и Уллучай, обрамляющие селение, лес местами настолько густой, что здесь даже произрастали лианы. Примерно настолько же диким и своенравным был характер местных пацанов. Ребята «на слабо» прыгали с местного каменного моста в неглубокую реку с каменистым дном.

В детстве Роман был очень активным, о чем может свидетельствовать перелом пальца, полученный им при игре в *лапту*². Как и все местные пацаны в то время, он имел

¹ Холу – дядя, брат матери (*перевод с джуури*).

² Лапта (чиж) – вариация русской народной командной игры с мячом и палкой (битой). В данном случае вместо мяча используется «чиж» – заостренный с двух сторон обрубок дерева. Игра проводится на естественной площадке. Цель игры – ударом палки послать мяч (чиж) в поле, перебежать поле до противоположной стороны (кона) и вернуться обратно, не дав противнику «осалить» себя пойманным мячом или попасть чижом в палку, которой его подавали (она кладется на кон – место,

кличку — его называли «Бедой». Это прозвище могло быть как производным от русского слова «бедовый»¹, так и звуковым аналогом горско-еврейского «беде»². Роман подрабатывал на местном консервном заводе: разламывал персиковые косточки.

По окончании школы в Дербенте, куда Роман переехал с родителями, он был призван в армию. Служить посчастливилось в школе младших авиационных специалистов в городе Луганске, откуда он был направлен в Черниговское высшее военное училище летчиков. Здесь он вступил в кандидаты в члены партии и освоил военную специализацию механика истребителей МИГ-21.

На исходе срочной службы Романа Исаевича вызвал к себе начальник политотдела — генерал-майор Табольщиков и сообщил, что политотдел Киевского военного округа, в чье ведение входило и Черниговское высшее военное училище, предоставил одному из военнотружующих направление на учебу в университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве.

— Дипломатом будешь, Роман! Я хочу дать это направление тебе, — известил его генерал.

Конечно же, молодой сержант был счастлив, так как всегда мечтал учиться и не где-либо, а именно в Москве.

с которого били). За каждую перебежку команде начисляются очки. Выигрывает команда, набравшая больше очков за установленное время.

¹ Бедовый (по словарю С. Ожегова) – шустрый, смелый. Большой толковый словарь русского языка толкует это слово как бесстрашный, озорной. Малый академический словарь интерпретирует как отчаянный. В Толковом словаре Ушакова – ничего не боящийся, смелый, дерзкий (мальчишка).

² Беде – плохое стремление, неблагопристойность (*перевод с джуури*).

В университет на улице Миклухо-Маклая невозможно было поступить стандартным путем, например после школы. Сюда абитуриенты исключительно направлялись, поскольку, обучаясь здесь, нужно было вести интернациональную работу с иностранцами. В каждой группе учащихся на двадцать шесть человек иностранцев приходилось шесть советских студентов. Но надо было еще поступить.

Роман Исаевич успешно сдал два вступительных экзамена. И это несмотря на то, что знание английского у него тогда было практически на нуле. Оставалось пройти мандатную комиссию, которая состояла из 8–10 человек, включая ректора, проректора и прочих ответственных товарищей. Он был уверен, что не пройдет. Ректор, заострив внимание на необычной национальности абитуриента, попросил рассказать о политической ситуации в стране и на Ближнем Востоке. Дело было в 1972 году. Роман Исаевич, волнуясь и запинаясь, борясь с сильнейшим стрессом, так как не совсем чисто владел разговорным русским языком, с некоторыми неточностями ответил на заданный вопрос. Ректор в итоге резюмировал: «Берем Вас, Роман Исаевич как единственного представителя вашего народа за всё время существования нашего университета». Так Роман поступил на физико-математический факультет Университета дружбы народов.

Через год молодой студент понял, что обучение математике в таких объемах, которые необходимо было знать, для него слишком обременительно и, запросив академический отпуск с правом на восстановление, перевелся на следующий учебный год на кафедру горного дела инженерного факультета. После второго курса Роман Исаевич женился на своей сокурснице.

Каждый год все летние каникулы Роман Исаевич работал на различных участках: проходчиком на руднике «Саксагань» (г. Кривой Рог); проходчиком на шахте «Октябрьская» (г. Донецк); помощником машиниста экскаватора ЭКГ-4,6 на Южном горно-обогатительном комбинате (г. Кривой Рог); *грозом*¹ на шахте «Новобутовка» (г. Макеевка); бурильщиком глубоких скважин на шахте «Маяк» (г. Норильск). Помимо этого, он овладел рабочими профессиями перфораторщика, машиниста устройства глубокого бурения, взрывника и прочими.

По окончании университета Роман Исаевич получил дипломы горного инженера и переводчика. Ему дали направление на работу в Ливию; однако, как выяснилось позже, по *пятой графе*² ему нельзя было выезжать в эту страну. Устроиться в объединение «Союз-Золото», подведомственную структуру Министерства цветной металлургии, расстроенному Роману Исаевичу также не удалось. Ему предлагали работу в самом министерстве, так как он не нуждался в жилплощади, проживая с супругой и ее родителями в подмосковном Реутове. Однако, стремясь к

¹ Гроз – аббревиатура, расшифровывающаяся как горнорабочий очистного забоя. Рабочая специальность в угольной и уранодобывающей промышленности. Одна из двух основных шахтерских профессий наряду со специальностью проходчика. Имеет 5 разрядов.

² Пятая графа, или пятый пункт — выражение, употребляемое в переносном смысле, означающее указание в документах национальности как факта принадлежности к определённой этнической общности. В СССР графа номер 5 для указания национальности была в формуляре Личного листа по учёту кадров паспортных органов МВД СССР. Пресловутый «Пятый пункт» был большой проблемой для многих национальных меньшинств. Часто люди подвергались дискриминации при поиске работы, зачислении в высшие учебные заведения или выезде за границу.

активной деятельности, Роман Исаевич отказался от должности в Министерстве цветной металлургии и полетел в Магадан, в объединение «Северовостокзолото». В отделе руководящих кадров ему предложили стать секретарем комитета комсомола на одном из горнодобывающих предприятий. Роман Исаевич снова отказался, твердо решив работать исключительно на шахте. Созвонились с Иультинским горно-обогатительным комбинатом, добывавшим в то время крайне необходимые оборонным предприятиям вольфрам и олово, а также золото. Вакансия горного мастера на шахте была. Роману Исаевичу дали деньги на поездку и билеты и отправили на Чукотку, которая в то время входила в состав Магаданской области. По воспоминаниям Романа Исаевича, перелет был, на удивление, долгим и трудным. По прибытии в аэропорт Мыс Шмидта его поразил огромный айсберг на морском горизонте, хотя это было в августе. До Иультина можно было добраться только самолетом. Из-за непогоды вылет отложили на 11 дней, и Роман Исаевич был вынужден ютиться всё это время на продуваемом всеми ветрами вокзале, пока не прилетел желанный Ан-2.

В Иультине он устроился в общежитие, проживал в комнате с одним из опытейших шахтеров, уроженцем Кривого Рога. К слову, супруга Романа Исаевича прилетела к нему только через восемь месяцев.

Хотя на шахте была вакансия горного мастера, Роман Исаевич предпочел трудиться рабочим. В его понимании нельзя было руководить процессом и людьми, не зная азов работы с самого нижнего уровня. Он последовательно отработал на перфораторе, буровой установке и т.д. И только пройдя эти этапы, Роман Исаевич стал горным мастером. Его

карьера пошла вверх: он дорос до заместителя начальника подземного горного участка, а потом его назначили начальником участка.

Роман Исаевич также помогал разным артелям. В один из выходных дней он обходил одну старую зэковскую выработку, и ее завалило. Два с половиной дня, большее время в темноте из-за подсевшего аккумулятора, часто разгребая грунт руками, Роман Исаевич выбирался из завала. Никто не искал молодого начальника участка, поскольку не знали, что он в шахте на зэковской выработке, да еще и в выходной день.

В это же время наметились производственные разногласия с несравнимо опытным и зрелым главным инженером участка, переросшие в банальную драку. Дело кончилось жестким разбирательством по партийной линии и обоюдным наказанием провинившихся. Роман Исаевич был направлен мастером на новый участок «Светлый», который, пройдя поочередно должности главного инженера и начальника рудника, строил и вводил в эксплуатацию. Впоследствии эта шахта стала образцовой. Главного инженера же, участвовавшего в драке, направили мастером в одну из штолен, подконтрольных участку «Светлый».

Через пятнадцать дней после ЧП, драки с главным инженером Топчиным, его пригласил к себе директор Иультинского комбината.

«Всё! Уволят», — подумывал Роман Исаевич. Однако директор извинился за беспокойство и любезно попросил перевести паспорт от купленного им новенького видеоманитофона с английского языка на русский.

— Ожидая Вас, Роман Исаевич, мы несколько беспокоились, что Вас сюда привело из Москвы? — разговорился директор. — Едет человек из университета

Дружбы народов, знает язык. Ваше желание попасть в наши суровые края выглядело несколько странным. Мы думали, что Вас сюда КГБ послал. А тут подрались с главным инженером участка, разбирательства в парткоме, райкоме, строгий выговор с занесением. Скажите прямо, если бы указанные обстоятельства случились снова, как бы Вы поступили?

— Думаю, что всё повторилось бы, — ответил Роман Исаевич. — Причиной драки была не личная неприязнь, а технический вопрос, уступить в котором было нельзя.

— Давай выпьем за тебя, Роман Исаевич! — удовлетворенно закончил разговор директор, предложив молодому начальнику нового участка рюмочку коньяка.

Вскоре по просьбе руководства коллектива участка Роман Исаевич стал председателем профкома. 50-60 % работников участка «Светлый» были бывшими расконвоированными.

В сложные для производства времена Роман Исаевич возглавил участок «Светлый» и, будучи упертым, что касается достижения намеченных целей, сдал новый рудник на год раньше плана. Ему было тогда 27-28 лет.

Далее Романа Исаевича назначили генеральным директором Иультинского горно-обогатительного комбината имени В.И. Ленина, где он успешно отработал шесть лет, а затем ответственные за отрасль государственные работники, наслышанные об успехах этого предприятия, пригласили Романа Исаевича принять участие в выборах и в случае удачи возглавить ведущее производство Чукотки — Полярнинский горно-обогатительный комбинат, который в определенный период деятельности на 40 % наполнял налогами и сборами бюджет Чукотской автономной области.

Это были одни из первых демократических выборов руководителя предприятия в стране, когда голосовал

трудовой коллектив. Роман Исаевич был избран генеральным директором горно-обогатительного комбината, оставив позади пять достойных кандидатов.

Одним из чаяний работников Полярнинского комбината было решение вопроса с преступностью. Увлечение азартными играми и наркотиками было серьезной проблемой в двух вверенных новому руководителю комбината градообразующих поселках Полярный и Ленинградский. Зэки вызывали добропорядочных тружеников на разборки, в которых происходило всякое. Был случай, когда один сапожник проиграл в карты собственную ногу.

За полтора месяца после избрания, как Роман Исаевич и обещал на выборах, с преступностью было покончено. Военизированная охрана, состоящая из 111 человек, и служба безопасности из 25 человек задерживали по запросу граждан любого неправомерно ведущего себя человека: его сажали в оборудованную из одного из помещений комбината тюрьму и затем выпроваживали его самолетом на «материк».

Женщины поднимали тосты за здоровье директора, когда в поселках стало жить спокойно. Роман Исаевич, поставив на сопке вышку с антенной, запустил в поселках телевидение, которое, помимо новостей и развлекательных передач, каждую субботу или воскресенье по сорок минут транслировало в прямом эфире выступление генерального директора. Граждане звонили и задавали интересующие их вопросы. В другое время показывали концерты.

Роман Исаевич очень уважает рабочий трудовой народ и говорит, что всё, чему он научился, он взял у него.

Фото 68. Роман Исаевич Исаков. 2002 год

Двадцать четыре года Роман Исаевич отработал на крупных золотодобывающих предприятиях Чукотки, из них шесть лет — руководителем Иультинского горно-обогатительного комбината, шесть лет — Полярнинского горно-обогатительного комбината, являлся Президентом золотодобывающей компании «Рывеем», членом Совета директоров объединения «Северовостокзолото» (Магадан) и входил в состав коллегии Главалмаззолота. Был инициатором внедрения расчетного коэффициента трудового участия (КТУ) в отрасли, разрабатывал и внедрял на Полярнинском ГОКе новые технологии по добыче золота из техногенных

образований. Являлся депутатом XXVIII съезда КПСС. За успешную работу на Иультинском горно-обогатительном комбинате Роман Исаевич награжден орденом Дружбы народов. Среди его наград — медали «Почетный горняк», «Шахтерская слава», «Лучший специалист Министерства цветной металлургии», «Лучший специалист Северовосток-золота», «За развитие золотодобычи на Чукотке», «Ударник одиннадцатой пятилетки», Золотой знак «За развитие золотодобычи в России» (15,5 грамма чистого золота), врученный Президентом РФ, бесчисленное количество грамот отраслевых министерств, руководства Чукотки и Магаданской области. Полярнинский ГОК, который возглавлял Исаков, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В своих воспоминаниях о работе на Чукотке Роман Исаевич открыл мне ряд интересных фактов. К примеру, в 1991 году он создал свои временные деньги на Чукотке — «исаковки», так как наличных ни у кого не было, отчасти царил бартер, который не мог существенно решить проблемы северян. «Принимайте мои бумажки с понедельника по воскресенье, а в следующий понедельник предъявляйте их комбинату, и деньги будут перечислены», — такое предложение звучало от руководителя комбината. Все предприятия обслуживания, торговые точки и даже аэропорт пошли на это. В Москве, проинформированные о неслыханном самоуправстве, направили на комбинат комиссию Минфина. Пока ее члены добирались до комбината, они сильно утомились в дороге, столкнувшись с аналогичными сложностями при покупке продуктов в магазинах, на остановках в гостиницах и кафе. Услышав от руководителя комбината, что тот готов уйти, если комиссия в

своей работе придет к соответствующим выводам, ее члены, очевидно, предположили, что в этом случае всё развалится, а главное — могут погибнуть люди. В итоге в Минфине предпочли закрыть глаза на это нарушение.

Фото 69. Роман Исаевич Исаков. 2002 год

В девяностых годах Роман Исаевич для проведения мероприятий оперативного обеспечения комбината финансированием, оборудованием, в том числе и по новым технологиям извлечения золота, материалами и продуктами питания создал в Москве представительство Полярнинского ГОКа. К его работе он привлек своих братьев Вячеслава Исаевича и Анатолия Исаевича, чуть больше года там проработал и я, что, оказывается, на полгода приблизило мой выход на пенсию.

Так случилось, что, выполняя возложенные на них обязанности, москвичам периодически приходилось вылетать на Чукотку. В одной из таких поездок Вячеслав Исаевич в сопровождении главного бухгалтера и специалиста из Москвы застряли на леднике по дороге из поселка Ленинградского в аэропорт Мыс Шмидта. Машина заглохла. Мороз под $-40 - -45$ °C градусов. Прошло уже много времени, когда стало понятно, что люди не доехали до аэропорта. Роман Исаевич выехал на вездеходе и на полпути обнаружил замеченный выюгой вахтовый автобус «Куба». На его крыше дымила труба. Когда открыли дверцу автобуса, на Романа Исаевича с благодарностью смотрели несколько глаз спасенных. Лица были в саже, так как во время ожидания, чтобы не замерзнуть, пассажиры жгли всё, что им попадалось под руку в салоне — ковры, элементы сидений, обшивку. Да здравствует «Куба»!

На это же время приходится период, когда аэропорт Мыс Шмидта с подачи Романа Исаевича стал на полгода международным. Из Америки отправлялись горное оборудование, трактора для горно-обогатительных комбинатов и артелей — всего 22 рейса. Роман Исаевич многое ставит в заслугу своего брата Вячеслава Исаевича, подчеркивает его вклад как специалиста широкого профиля, но, прежде всего, как человека, разбирающегося в людях.

Через полгода после ухода Романа Исаевича Исакова с поста руководителя Полярнинского ГОКа предприятие развалилось. Еще раньше закрылся Иультинский ГОК, так как закончилась потребность используемых в оборонной отрасли вольфрама и олова.

Фото 70. Роман Исаевич Исаков на странице подарочного издания, посвященного 75-летию Чукотского АО. 2005 год

Роман Исаевич рассказывал, что ему всегда везло и всё ему доставалось нелегко, только за счет труда и полной самоотдачи. Так было, пока он работал на Чукотке преимущественно с русскими людьми или, что нередко случалось, с бывшими заключенными. Однако всё несколько изменилось, когда он, отработав 24 года в золотодобыче, стал

пробовать другие направления бизнеса с земляками с Кавказа. Здесь его доверие к партнерам было несколько излишним, что нередко оборачивалось потерями. На этом фоне он стал больше ценить золотой «тихий» бизнес. Его приглашали работать в штат Невада (США), Австралию, Папуа — Новую Гвинею, Гайану (государство на северо-востоке Южной Америки). Последние несколько лет, занимаясь технологиями золотодобычи, Роман Исаевич трудился в Республике Гана (Западная Африка).

У Романа Исаевича — два сына, занимающиеся своим делом, не связанным с золотодобычей, и два внука.

Фото 71. Роман Исаевич Исаков в кругу семьи.
 Слева направо: Анатолий (брат), Артем (сын), Ася (супруга),
 Павлик (племянник), Исай (сын), Роман Исаевич,
 Семен (племянник), Истир Илесефовна (мать),
 Владимир (племянник), Исай Рахамимович (отец),
 Света (сестра). Дербент. 1980-е годы

В 1970-е, когда я был подростком, приезды Романа Исаевича с семьей с Чукотки в длительные отпуска были знаменательными для нас и его семьи событиями. Было очень интересно общаться или просто некоторое время находиться рядом. Помню подаренный им калькулятор, который для меня тогда был всё равно что персональный компьютер сейчас. В один из приездов он привез ананасы и бананы, которыми угостили и мою семью. Это был первый распробованный мной тропический фрукт. В дальнейшем, когда я повзрослел, Роман Исаевич не раз оказывал мне поддержку, в чем я ему искренне признателен.

Садир Экберович Мирзоев

Рассказывая о своих старших, часть генов которых так или иначе присутствует во мне и, возможно, задает или корректирует некую программу судьбы, нельзя не сказать о тех людях, которые оставляют в нашей жизни неизгладимый след, не являясь при этом родственниками. Это наши наставники и преподаватели.

Фото 72. *Руководство и преподавательский состав средней школы №19 г. Дербента. Начало 1970-х годов*

Наиболее ярким из них для меня был учитель математики в средней школе № 19 города Дербента Мирзоев Садир Экберович. Из всех преподавателей, в разной степени участвовавших в перипетиях моей школьной и в дальнейшем студенческой жизни, я особо выделяю именно этого педагога.

Хотя, вероятно, я и другим обязан немало: учительнице начальных классов Лобановой Валентине Николаевне, в характере которой идеально сочетались твердость и настойчивость — важные качества для педагога начальной школы — с чуткостью молодой женщины; строгой и требовательной представительнице старой школы, учительнице русского языка и литературы Голосман Анне Львовне; классной руководительнице в старших классах, учительнице английского языка Пинхасовой Мине Петровне; преподавательнице биологии Михайловой Саре Азарьевне, к которой, надо признаться, у меня была особая симпатия, оставшаяся для всех в нашем классе и для нее самой тайной.

Наличие такого преподавателя, как Мирзоев Садир Экберович, интеллигентного, умного, увлеченного своим делом, было большой удачей как для его учеников, так и для всей школы. Иногда дети, узнав от своих сверстников о характере очных и внеклассных занятий, проводимых Садиром Экберовичем, или единожды побывав на них, горели желанием учиться исключительно в его классе. Кому-то нравились шахматы — игра, в которую практиковались на факультативных занятиях, другие предпочитали углубленное изучение некоторых разделов математики. Дети даже переводились из других зачастую из неблизко расположенных школ, например из района «Карьер», в классы с неизменной literой «А» средней школы № 19, где с 1975 года преподавал Мирзоев С.Э. Этому немало способствовали родители, заинтересованные в хорошем образовании своих чад, что было впоследствии оправдано. В 1977 году директор Дербентского завода шлифовальных станков, одного из крупных предприятий города, Темуриди Константин Георгиевич выделил учителю математики двухкомнатную

квартиру из своих фондов. Все его трое детей отучились у Садира Экберовича и успешно поступили в высшие учебные заведения.

И даже через много лет после окончания школы, все, кто постигал математику, относились к Учителю так же почтительно, как и в годы учебы. Любовь и уважение к предмету он закладывал без существенного нажима, ориентируясь на особую методику преподавания, о которой речь пойдет позже.

Садир Экберович Мирзоев родился 25 октября 1943 года в селе *Юхари-Ярак*¹ Хивского района Дагестанской АССР, табасаранец. Его родители занимались сельским хозяйством; мама была ковровщицей, отец — чабаном. Окончив местную семилетку, он поступил в интернат в селе Хив, где и получил полное среднее образование.

«Когда папа окончил школу, он не был великим математиком, — рассказывает его старшая дочь Елена, — но он настойчиво занимался — самостоятельно, старательно и вдумчиво, выходя на правильные решения математических и иных задач».

Отслужив 3 года в армии, Садир Экберович вернулся на 3-й курс Майкопского государственного педагогического института, куда поступил после окончания школы. Здесь он познакомился со своей будущей супругой Любовью Михайловной. Они учились в одной группе.

¹ Юхари-Ярак – село в Хивском районе Дагестана. Входит в состав сельского поселения сельского поселения «Сельсовет Ашага-Яракский». Расположено в 10 км к северо-востоку от районного центра — села Хив, на реке Яргильнир. Население – 349 чел. (2010), табасаранцы.

Фото 73. Молодожены Садир и Любовь Мирзоевы 1968 год

После женитьбы на 5-м курсе института, которой противились родственники с обеих сторон, Садир по просьбе супруги согласился изменить фамилию и отчество, поменяв их местами и несколько сократив (ранее Гаджиэкберов Садир Мирзоевич). По окончании института молодые супруги были распределены работать учителями математики в сельскую школу, расположенную на границе Омской области РСФСР и Казахской ССР. Большую часть этого периода Садир Экберович одновременно трудился преподавателем школы и её директором. В 1973 году у супружеской пары родилась

дочь Елена. После Омской области молодые специалисты переехали работать в поселение-хутор Шумтук Майкопского района Адыгейской автономной области. Однако непреклонным желанием Садира Экберовича оставалось возвращение в родной Дагестан. И он, рискуя семейным благополучием, всё же решился на это.

Вернувшись в Дагестан, он устроился работать учителем в Дербентскую среднюю школу № 19, а жена с дочерью осталась в Адыгее. Почти полгода он жил на съёмной квартире один, прежде чем супруга с дочерью не переехали к нему. Родственники Садира Экберовича в то время хотели разрушить его брак, подыскивая невесту из села, однако им этого не удалось. Его родители, будучи уже достаточно преклонного возраста, практически не выбиались из своего села, но в последние годы жизни несколько раз посетили семью сына. Они скончались друг за другом с разницей в три месяца в 1981 году.

В середине 1970-х С.Э. Мирзоев серьезно увлекся методиками преподавания знатока математики, педагога-новатора Советского Союза *Виктора Федоровича Шаталова*¹. С 1975 года каждое лето Садир Экберович на свои деньги ездил в город Донецк на семинары своего учителя, который выделял Мирзоева среди своих учеников и относился к нему по-отечески уважительно и даже с любовью.

¹ Виктор Федорович Шаталов (1927–2020) — участник Великой Отечественной войны. С 1956 года вёл экспериментальную работу с учащимися, в том числе как научный сотрудник НИИ педагогики Украинской ССР (с 1973) и Академии педагогических наук СССР (с 1985). Народный учитель СССР (1990). Почётный доктор Академии педагогических наук Украины. Разработал систему обучения с использованием опорных сигналов — взаимосвязанных ключевых слов, условных знаков, рисунков и формул с кратким выводом.

Фото 74. Семинар Шаталова в г. Донецке 1979 год.
Слева в первом ряду Шаталов В.Ф. и Мирзоев С.Э.

В своей книге «Соцветие талантов», которую Шаталов В.Ф. считал главной в своей жизни, он так отзывался о своем ученике: «Садир Экберович Мирзоев, учитель из Дербента, освоил в Донецке новую систему работы и взял на себя подготовку учителей Дагестана...»

Получая соответствующие знания, Садир Экберович привносил их в собственную жизнь, отрабатывал уже на своих учениках в классе. Помимо преподавания в дербентской школе, он читал соответствующий курс в Махачкале, был лично знаком с заместителем министра образования Дагестанской АССР. Здесь же, в столице Дагестана, и было подано представление на получение им звания «Заслуженный учитель Дагестанской АССР». Имелись в его

профессиональной карьере и звание «Учитель-методист», и денежная премия Джорджа Сороса в размере 2 000 долларов.

Мы четко понимали, что учимся математике по какой-то экспериментальной методике, называемой *системой Шаталова*¹, и отдавали этому должное, так как именно ученики нашей школы занимали первые места на городских олимпиадах.

В процессе объяснения учебного материала Садир Экберович использовал несколько развернутых досок на лицевой стене класса, где аккуратно цветными мелками вырисовывал конспекты. В классе имелся кодоскоп, куда учитель загружал красочные плакаты, нарисованные им лично на пленочках, и демонстрировал их на экране. В своей работе он также использовал элементы ассоциативного обучения. За один урок учитель опрашивал большое количество учеников около доски и на месте. На правой стене класса были вывешены длинные бумажные «Листы взаимоконтроля» с фамилиями всех учеников и номерами заданий на повторение из учебника математики. Решил, к

¹ Система Шаталова – методика, уникальность которой состояла в том, что в результате ее применения даже слабый ученик блестяще усваивал учебный материал и успешно использовал его на практике. Процесс обучения происходил в такой последовательности: первичное развернутое объяснение учителя у доски; создание блока ключевых вопросов; сжатое изложение того же материала по опорному плакату; изучение опорных сигналов учениками, домашняя работа учащихся с учебником и опорными сигналами; ответы учащихся по опорным сигналам; постоянное повторение изученного материала, углубление ранее усвоенных знаний. При этом искусство педагога — устранить во время уроков все объективно непреодолимые препятствия на пути ребячьей мысли, направить поиск пусть даже по трудным, но доступным дорогам развития логических связей, не дать угаснуть познавательному интересу, порыву.

примеру, ученик задачу и закрашивает соответствующее поле на листе. По количеству красных стрел определялись лидеры. Дух состязательности настроил меня решить все задачи из учебника первым и затем почивать на лаврах, глядя, как другие изо дня в день подтягиваются к моему достижению в меру своих сил.

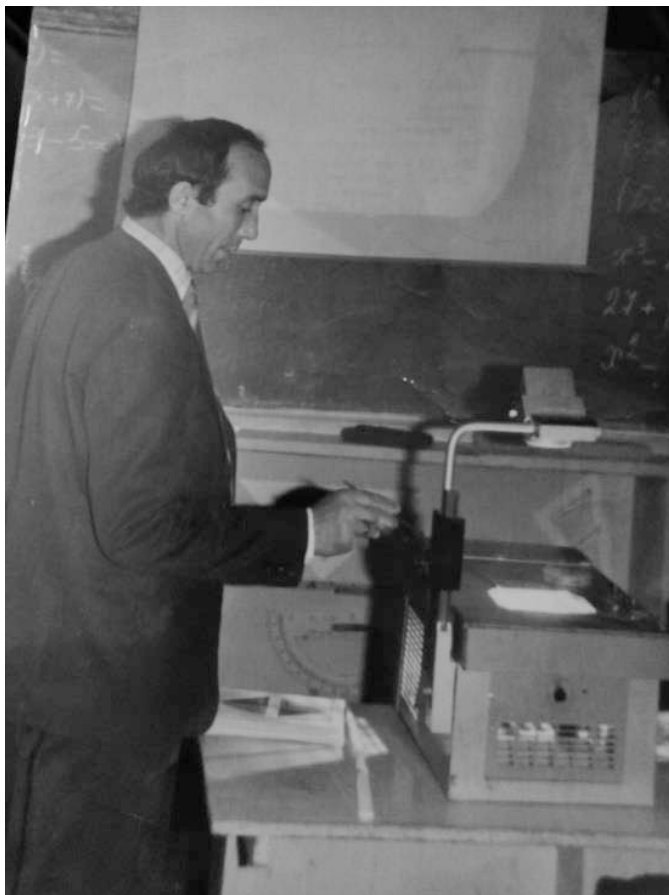

Фото 75. Мирзоев С.Э. в своем школьном классе. 1981 год

Фото 76. Мирзоев С.Э. со своими учениками. 1981 год

Точно не обману, если скажу, что две математические олимпиады в городе выиграл я, так как хорошо помню поздравления в мой адрес, звучавшие по школьному радио в разные годы, и подаренные мне лично Садиром Экберовичем альбом для рисования и цветной фломастер. При этом учитель написал мне на альбоме длинную содержательную подпись с пожеланиями успехов в математике. Наверняка специального бюджета на такие подарки от школы он не имел, и все они, как и теплые слова, шли от его доброго сердца и за его счет.

Последние два года жизни были для Садира Экберовича полны испытаний. Это радикально отразилось на его здоровье и привело к преждевременному уходу в неполные 53 года.

Во-первых, продолжительная болезнь супруги Любви Михайловны, у которой были проблемы с позвоночником, сказывалась на его эмоциональном состоянии. Она всё реже посещала школу, едва отрабатывая в классе два часа в день.

Во-вторых, 12 января 1993 года в 12:20 из-за неисправности газового баллона произошел взрыв в доме вышедшей замуж несколькими месяцами ранее девятнадцатилетней дочери Садира Эбберовича. Елена жила вместе с мужем на ул. Арона Эрлиха, д. 33. Пострадали свекровь и деверь, находившиеся в это время дома, но в гораздо большей степени — Елена, так как именно она получила основной удар огня.

Баллон, оставленный кем-то во дворе дома, перегрелся на солнце и сильным хлопком, как воздушный шар, лопнул по шву. Пропановая газовая взвесь, образовавшаяся после его разгерметизации, молниеносно накрыла двор и распространилась дальше. Елена, первой почувствовав неладное по сильному запаху, попыталась перекрыть вентиль горящего в доме открытым пламенем газового камина. Однако не успела: прогремел взрыв, волной которого в близлежащих домах выбило оконные рамы. Помогли соседи. Немедленно подъехало несколько машин скорой помощи. Вся кожа девушки выгорела вплоть до мышечной ткани, опасен был и отек легких, ставший фактором их внутреннего ожога. Месяц, проведенный в центральной больнице Дербента, только усугубил ситуацию. Ее спас отец, срочно перевезя в ожоговый центр Махачкалы. В итоге всё определяла одна ночь. Справятся ли с токсичностью отекавшие легкие? Оздоровляющее влияние оказала беседа с реаниматологом, который успокоил и приободрил девушку. Елена выжила, но за эту одну ночь поседел ее отец.

В-третьих, в 1996 году к финальной стадии подошла реорганизация школы № 19, в результате которой на единой территории должны были образоваться два учебных заведения — средняя школа как таковая и лицей с углубленным изучением математики, долгожданное детище Садира Экберовича. Он прошел долгий и непростой путь для утверждения всей необходимой документации на это учебное заведение в Дербенте и получил все разрешения. Только неприятие этого проекта тогдашним многолетним директором школы Чепраковым Юрием Михайловичем немало попортило крови Садиру Экберовичу. Разделился и преподавательский состав школы: те, кто поддерживал устремления учителя математики, перешли в лицей; сторонники директора остались в школе.

И, в-четвертых, одной из причин, но, скорее, не основной, как могло показаться знавшим учителя людям, была поездка в Адыгею — в село, где ранее проживал овдовевший тяжелобольной тесть Садира Экберовича. Мачеху себе после смерти матери подобрала сама Любовь Михайловна во время лечения водами в Майкопском санатории. Женщина-вдова работала медсестрой и по возрасту была младше отца. После долгих разговоров по душам, пытаясь позаботиться об отце и в то же время облегчить положение новой знакомой, Любовь Михайловна свела их вместе.

В этом же селе проживала родная тетя отца Любви Михайловны. У этой женщины был дом, земельный участок, но свою семью не создала. Все последние годы она жила интересами Любви Михайловны и Садира Экберовича. Последний привозил ее в Дербент для лечения глаз и много уделял внимания этой пожилой родственнице, искренне переживая за нее. Он предлагал ей остаться жить в Дербенте.

В свои 82 года она обещала, что завещает свой дом их дочери Елене, так как относилась к ней как к родной внучке. В 1995 году женщина скончалась, нотариально заверенного документа она не оставила, а прямых наследников у нее не было.

Семья Садира Экберовича считала себя вправе претендовать на имущество женщины или хотя бы на его часть, и он поехал в Адыгею, чтобы заявить об этом. Как оказалось, новое семейство уже покойного к тому времени тестя Садира Экберовича: супруга, ее невестка и сын — тоже предъявило свои права. С ними ни о чем договориться не удалось, последний был несколько груб с приехавшим в село претендентом. Через некоторое время после того, как Садир Экберович покинул отцовский дом его супруги, ему стало плохо, и он буквально опустился на землю.

Не станем гадать, была ли возможность скорой медицинской помощи в 1996 году в адыгейской сельской местности, называемой хутором, однако, пока Садира Экберовича довели до больницы, он скончался. С сердцем всё было в порядке. Поставили диагноз — аневризма головного мозга.

Елена вспоминает последний день, когда она видела отца живым: «Когда мама провожала папу в дорогу, ей показалось, что отец сел в черный автомобиль "Волга". Все, кого она ни спрашивала потом, утверждали, что машина, на которой он уехал, была белая».

К ее изумлению, горожане, узнав о смерти учителя Мирзоева, посчитали, что отца убили из-за денег, которые он выручил за наследство и вез из Адыгеи домой.

Похоронили нашего дорогого учителя на кладбище *Кырхляр*¹. 6 августа 1996 года траурная процессия проходила мимо школы. День был жаркий, знойный. Однако во время выноса тела покойного из дома подул ветер, полил сильный дождь и засверкали молнии. Через 10 минут непогода стихла, прохладный вихрь сменился легким теплым бризом. Когда процессия остановилась у школы со стороны улицы Генриха Гасанова, яркое солнце осветило лицо покойного. Сопровождающие так хотели хотя бы часть пути пронести его тело на руках, что порой из-за этого среди них случалось непонимание. Очевидно, из уважения к семье покойного в этот день аксакалы приняли решение разрешить жене Садира Экберовича Любове Михайловне с женщинами пройти на кладбище после похорон.

На скромном памятнике учителя — надпись: «В жизни есть конец всему — конец мечте, конец страданиям, но нет конца лишь одному — нет конца воспоминаньям».

Не оставшись в стороне от беды, постигшей семью уважаемого педагога, известный бизнесмен, один из многочисленных благодарных учеников Садира Экберовича, помог переезду его дочери в Москву.

Когда умер Садир Экберович, младшей его дочери Аиде было 13 лет. На сегодняшний день она благополучно занимается в Москве риэлтерской деятельностью, ее дочь

¹ Кырхляр (слово «кырхляр» в переводе с *турецкого* означает «сорок») — старое и почитаемое кладбище в городе Дербенте. Расположено на расстоянии менее километра к северу от ворот крепостной стены Кырхляр-капы. Старейшее действующее мусульманское кладбище в России.

Амелия учится в МГИМО¹. Всего у Садира Экберовича три внучки и один внук. У старшей дочери Елены трое детей: Маша окончила «Плешку»² с красным дипломом, замужем, работает в структуре авиакомпании «S7»; Юлианна — студентка факультета биохимических медицинских технологий МИРЭА³, сын Саша — школьник. Они учились или продолжают учиться по методике В.Ф. Шаталова, посещая курсы в московской школе его имени у метро «Октябрьская». Ученики этого учебного заведения, как и в советские времена, получают блестящие знания и навыки для поступления в вузы.

Елена показала мне рукописную книгу отца, которую он не успел издать. Я заглянул в нее и увидел расчеты с многочленами, листы взаимоконтроля и конспекты, похожие на те, по которым мы занимались в школе. Елена считает, что ее отец работал над адаптацией элементов системы Шаталова к дагестанским детям.

Помню, как Садир Экберович возился с нами факультативно. Семерых ребят из седьмого класса, включая меня, он внезапно поздравил с тем, что мы поступили заочно в высшую школу математики при МГУ, после трехгодичного обучения в которой мы получим еще одни аттестаты. Садир Экберович давал нам задания в конвертах, мы разбирали их, решали дома и сдавали учителю, а он, по-видимому, отправлял их в Москву. Он возился с нами и этим проектом

¹ МГИМО — Московский государственный институт международных отношений.

² «Плешка» — народное название Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

³ МИРЭА — Московский институт радиотехники, электроники и автоматики, Российский технологический университет.

более года, но потом что-то пошло не так. Однако и эта коллективная и в то же время самостоятельная работа была своеобразным клубом знатоков, что существенно повышало нашу самооценку.

Моя семья и семья Садира Экберовича жили на одной улице: мы — по ул. Советской, д. 4, они — по ул. Советской, д. 14. Спускаясь вниз, в течение 5–7 минут можно было, пройдя через железнодорожное полотно и небольшой проулок мимо стен Горпромкомбината, выйти на берег Каспийского моря. Иногда я видел своего учителя по утрам на пляже. Он бегал, упражнялся на турнике и плавал. Застать меня на берегу моря не в сезон купания — дело практически бесполезное, а Садир Экберович занимался здесь по утрам круглый год — так неоднократно утверждал мой друг и одноклассник Изамудин, который буквально проживал на нефтебазе в 50–100 м от берега.

Со слов Елены, отец был строг с ними, своими дочерьми, и требователен к супруге, в то же время в него были влюблены все ее родственники, так как он много делал для них, не считаясь со временем и тратами. У Садира Экберовича были любимые вещи: жилетка, галстук, костюмы. Он любил футбол. Мы с одноклассниками вспоминаем его любовь к рубашкам с короткими рукавами, которые не могли скрыть хорошую физическую форму учителя.

Как-то во время каникул на старших курсах института я решил провести Садира Экберовича. Коридоры школы были пусты, шли занятия. Привычными когда-то шажками я пробежался по лестнице, которая показалась мне уменьшившейся в размерах, и подошел к предпоследнему классу справа на втором этаже, в котором находился кабинет математики. Дверь была приоткрыта, и, очутившись в проеме

двери, волнуясь и радуясь, я поприветствовал своего учителя. Садир Экберович приблизился к двери, мы тепло поздоровались.

— Вот, очень хотелось Вас увидеть, поблагодарить за всё, что Вы для меня сделали, — раскрасневшись, произнес я.

Садир Экберович потянул меня в кабинет и представил своим ученикам, вероятно, пяти- или шестиклассникам:

— Внимание, дети, это один из лучших моих учеников — Гена Рахмилов.

Ребята привстали в приветствии, я тоже поздоровался с ними, привычно обращая внимание на то, как они разинув рты осматривали меня. Нет, они глядели на меня не как на светоча математики, а как на необычного для этих мест гигантского размера мужчину, едва не достающего до светильников на потолке.

Перекинувшись со мной несколькими вопросами, Садир Экберович, как будто предвидя ранее виденные мной сны об этой встрече, обратился к ребятам и сказал, что окончание урока с ними проведу я. Я не стал отказываться от оказанного мне учителем доверия и уже обдумывал, чем же мне их занять. Садир Экберович вышел. Я решил остановиться на нескольких игровых примерах по занимательной математике и предложил им найти решение: дети, очевидно, уже знали ответы на ряд заданий — учитель-то у нас один.

Преподаватель вошел в класс вместе со звонком на перемену. Я в это время объяснял детям, насколько важна математика в жизни и почему она является первоосновой всему. В подтверждение моих слов уже более десяти лет над портретами основоположников математики Архимеда, Евклида и Пифагора висел плакат с написанным от руки дорогого учителя афоризмом: «Математика — царица наук!»

Фото 77. Заслуженный учитель Дагестанской АССР
Мирзоев С.Э. 1981 год

Беньягу Илизинович Ашуров (Биня)

Дружба! Каждый человек по-разному формулирует для себя значение данного слова. Кто-то считает, что всегда окружен обилием друзей и уверен в них как в самом себе. Другие утверждают, что друзьями могут быть только близкие родственники, например, матери с дочерьми, братья с сестрами и между собой и пр. Третьи полагают, что дружбы и, стало быть, друзей вообще не существует, ведь дружить — это значит уметь незамедлительно жертвовать всем ради благополучия товарища, без утайки и без сожаления. Есть еще одна версия — друг может быть только один.

Хочу извиниться перед людьми, с которыми, как принято считать, я дружу и кого в обиходе называю друзьями. Мы приятели, и это совсем даже неплохо. Нам приятно общаться — мы наслаждаемся обществом друг друга. Что же плохого? Разве мы будем искренними, если примем на себя заботы и переживания за всех этих многочисленных людей? Ведь среди наших близких есть те, которым наша забота и внимание нужны прежде всего: детям, матерям, внукам и т.д.

Мне, по-видимому, не повстречался человек не моей крови, за которого я готов был бы отдать свою жизнь. За кого же я это, не задумываясь, сделаю? Ответ однозначен: за своих близких — детей, родителей, братьев и сестер, супругу, в постоянном контакте с которыми проходит моя жизнь. Здесь в способности самопожертвования дружба приближается к любви, и порой мне сложно точно понять, что из этих понятий выше. Представляю уважаемому читателю одно из моих стихотворений-размышлений на тему любви. То же, я думаю, может относиться и к настоящей дружбе.

Иное, не любовь

*Что есть любовь? — Когда готов гореть
И жертвовать собой за жизнь любимых.
Ты за кого-то мог бы умереть,
Очерчивая круг неразделимых?*

*Пожалуй, так, что при большой беде
Пожертвуешь свою по локоть руку,
Иль, может, почку, у тебя их две,
Иль клетки мозга, отнятые в муках.*

*А жизнь отдать, без дум и без речей
За этого иль ту без разговора,
Чтоб прямо здесь погас бы свет очей?..
Скажи себе, кто для тебя так дорог?*

Иное, не любовь...

Резюмируя вышесказанное, признаюсь: у меня имеется некоторое количество друзей, но все они мои родственники.

Этот очерк посвящен самому близкому моему другу Ашурову Беньягу Илизовичу (Бине). Прошло уже много лет после его ухода, но я никак не могу смириться с этим. Господь отпустил ему всего пятьдесят лет.

Биня был двоюродным братом моей матери (сыном сестры ее матери), т.е. для меня он являлся двоюродным дядей. Так как мы с ним были ровесниками, дедей Истир называла нас и еще двоих моих двоюродных дядей-сверстников —

Бабиева Марка Рафоиловича и Рувинова Атилла Нисоновича — словом «балаоглангьо»¹.

Фото 78. Балаоглангьо Биня (слева) и Марк 2007 год

Дружба наша закалялась с раннего детства. Именно с этим мальчуганом, а затем пареньком мы постоянно играли в настольные игры, в том числе хоккей, нарды и шахматы, боролись за победу, ходили на рыбалку, занимались фотопечатью, отдавая этому почти всё свободное время. Способствовало нашим встречам и то, что его семья жила совсем недалеко — надо было пройти через огороды и два квартала преимущественно частного сектора. Он жил в доме с двором, огородом и садом, я же — в двухкомнатной квартире. Именно этот паренек будил меня утром, тыкая мне в нос спиннингом, когда я спал на балконе второго этажа, это

¹ Балаоглангьо – дети-юноши, мальчики-парнишки (перевод автора с джуури и языка тюрки).

с ним мы проводили бесконечные ночи на пустынном морском пляже, закинув в море спиннинги, разжигая костер из старых шин и валяющегося на берегу мусора, мечтая о светлом будущем.

Фото 79. *Всегда вместе: я и мой друг Биня. 1978 год*

Фото 80. Игра в нарды в общежитии. 1989 год

Волей случая мы с ним не расставались и в Москве, одновременно поступив в один институт и проживая в одном студенческом общежитии. Покинув на время альма-матер для срочной воинской службы в ГСВГ¹ и в принципе находившись там недалеко друг от друга, мы снова вернулись в студенческое общежитие, где на правах уже старшекурсников проживали более двух лет вместе в одной

¹ ГСВГ – Группа советских войск в Германии, оперативно-стратегическое территориальное объединение вооруженных сил СССР.

комнате. Здесь мы готовили обеды, праздновали дни рождения, на одном из которых я познакомился с будущей женой, его одногруппницей. И он вскоре после меня женился на прекрасной девушке Брониславе, студентке медицинского института.

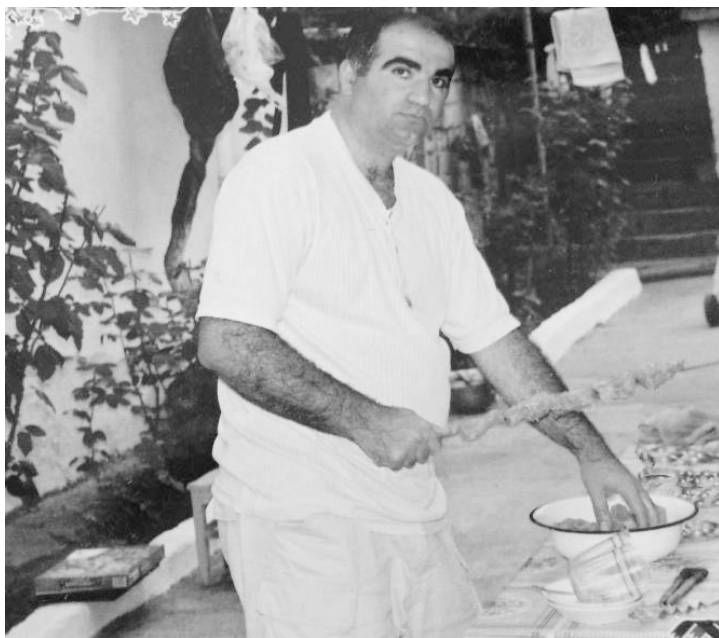

Фото 81. Биня за готовкой мяса. 2007 год

Женитьба Бини нас на время разлучила, но тоска и тяга друг к другу никуда не делась, и мы всегда рады были встретиться по любому поводу и пообщаться. Когда у него появились проблемы в бизнесе, он пришел и ко мне. Если бы я знал о том, к чему эти проблемы приведут и что это могло бы спасти его, я бы не пожалел всего, что у меня было.

На почве стрессов, связанных с недобросовестностью партнеров по бизнесу, Биня тяжело заболел. Даже имея

неутешительные прогнозы по диагнозу, он был оптимистичен, бодр, гостеприимен. Я приезжал к нему, в том числе с нашим общим балаогланом Рувиновым Атнилом, в небольшую квартирку, предоставленную ему службой социального обеспечения Израиля на время лечения. Он, очевидно, готовился к нашему приезду, накрыл стол, надеясь нас порадовать, приготовил максимум блюд еврейской кухни и торт «Тирамису». Он всегда умел и любил готовить, слегка, на мой вкус, перебарщивая с перцем, но всегда было вкусно — съедалось всё.

Фото 82. Ашуров Беньягу Илизирович. 2010 год

Фото 83. Семья Бини (слева направо): супруга Бронислава, сын Илья, дочь Виктория. 2022 год

У Бини — замечательная супруга и двое умных образованных детей Илья и Виктория. Его сын, на мой взгляд, а также по мнению многих знавших Биню людей, мистически похож на отца. Дай им Господь здоровья, благополучия и счастья!

О глубине нашей с Биней дружбы больше расскажут мои стихи, посвященные его памяти. Вашему вниманию — одно из них.

23 сентября

*Ты был прекрасен — без дерьма и смуты,
С понятною душевной красотой,
Откуда-то взвалившиеся путы
Нещадно разлучили нас с тобой.*

*Меня — с тобой, тебя — с женой любимой,
С работой, домом, жизни суетой,
Ты был надежным другом, братец мой,
Хорошим семьянином и мужчиной.*

*Ушел ли ты? — Остался будто в сыне,
Восторженно ловлю твои черты.
Так хочется в сердцах окликнуть: «Биня!»
Но это сын прекрасный твой — не ты.*

*Похожи взгляд, и волосы, и брови,
Тебя таким же помню молодым:
Характера, мужского духа, воли,
Ума не занимать и красоты.*

*Тебя, мой друг, мне очень не хватает.
Пусть тесно не общались много лет,
Мы рядом были, ты об это знаешь —
Для дружбы расстояний, сроков нет.*

*Мы жили рядом — на Морской, Советской,
В общежитии, в комнатухе ютились,*

*Не помню, чтоб с колготочного детства
Поссориться случалось хоть на час.*

*О разном или об одном мечтали:
Окончить школу, полететь в Москву —
Как сложится, не думали, не знали,
Встречая ниткой серебра луну.*

*Два паренька, сидящие у моря,
Не наглядимся небом над собой.
Покрышки догорают тихим воем,
Уж за полночь давно, шумит прибой.*

*Я вспомнил снасти, спутанные лески —
Нам не распутать их, не размотать;
Вот и теперь уже ничем чудесным
Ту радость встреч нельзя вернуть опять.*

*В бездушной власти своего недуга,
Что жизнями людей привык вертеть,
Ты твердо верил, без нытья, испуга —
Удастся эту немощь одолеть.*

*Твой день рожденья, хочется напиться...
Сегодня двадцать третье сентября.
Покойся с миром, друг, — так говорится.
Немного прожил ты, но жил не зря.*

Фото 84. Мама Бини — тетя Хая, брат Роберт
и сестра Надежда. г. Дербент. 2020 год

Периодически бывая в Дербенте, я захожу провести маму моего ушедшего друга — тетю Хаю, его старшего брата Роберта и старшую сестру *Надежду*¹. Как много воспоминаний навевает этот небольшой дворик с садом и огородом на двух уровнях, пара старых излазанных нами смоковниц!...

¹ Надежда Илизировна Ашурова умерла в 2024 году после тяжелой продолжительной болезни.

Имя

При моем рождении родителям не пришлось думать, какое имя дать новорожденному. Всё было предрешиено преимущественным правом пращуров семьи — бабушки и дедушки моего отца — при весьма совещательных правах родителей и другой близкой родни. Назвали меня Гемриил, именем своего погибшего на войне сына и соответственно мужа своей единственной невестки-вдовы — моей бабушки дедей Истир. Так и называли меня до конца своей жизни наши старшие, а родители, будучи ассимилированы в русскоязычное многонациональное сообщество города Дербента, называли меня попроще и для слабых ушей — Гена. Думаете они были одиноки в этом? Второе имя имело немало моих лезгинских, азербайджанских, табасаранских и прочих сверстников. При этом угадать настоящее было занятием неблагодарным, хотя и выполнимым. Фамилии, к счастью, не подвергались аналогичной обструкции, и по ним, а также некоторым другим признакам, можно было легко определить, с представителем какого народа ты имеешь дело или водишь дружбу.

Так я и дожил до своих лет с именем Гемриил в паспорте и вторым, упрощенным, испытывая некоторые неудобства и в то же время гордясь преемственностью своего имени и светлой памятью своего деда. Однако позднее случилось непредвиденное и не очень приятное озарение.

Каждый год я прилетаю в Израиль, бывает, что и по несколько раз, в гости к моим близким: родителям, брату и сестре. Они настолько давно стали гражданами этого государства, что уже не кажется нереальным окончание

оплаты по ссудам за приобретенное по приезде на Святую землю жилье. В этот раз на паспортном контроле в аэропорту Тель-Авива среди сотни благосклонно пропущенных на «обетованную» людей именно на мне надолго остановилось бодрствующее око смуглой служивой девушки. Мало того, что она усомнилась в моем еврействе, несколько раз переспрашивая и недоверчиво ухмыляясь, но и, самое ужасное, она как-то язвительно просклоняла мое, мне кажется, исконно еврейское имя, будто не понимая, как еврей может носить такое. Я испытал настоящий шок и продолжительный стресс: может быть, сомнения закрались у нее из-за моего двухметрового роста и холеного круглого лица?.. Нет, надо же, я всю жизнь несу как флажок со звездой Давида свое еврейское имя, претерпеваю разное, а оказывается, что я сам по себе — просто отдельно взятый Гемриил. Обидно!..

После ожидания в специальной комнате, среди таких же, как я, сомнительных, но откровенно арабской внешности людей, я прошел небольшую проверку, ответив на ряд вопросов. Когда мне, наконец, удалось выйти из здания аэропорта на свет божий, я немного пришел в себя. Сев в нужный поезд, я сразу же «загуглил» свое имя, благо в транспорте Израиля имеется бесплатный Wi-Fi. И что же я обнаружил: себя родимого во многих подробностях моей сознательной жизни; народную сказку, которая так незамысловато и называется «Гемриил», а также упоминания о многих достойных людях из моего небольшого народа, имеющих такое же замечательное имя.

Ну, хорошо. Бывают редкие еврейские имена, и не все же обязаны, даже пусть они работают на таком ответственном посту — паспортном контроле в аэропорту Израиля, — знать наизусть всё их возможное многообразие на земном шаре.

Счастья тебе, служивая, и хорошего жениха с достойным исконно еврейским именем, и еще мира и добра Государству Израиль!

А уважаемому читателю предлагаю ознакомиться с фольклором моего народа — сказкой «Гемриил»¹, возраст которой можно определить только из сути повествования.

Жил-был, говорят, один бедняк по имени Гемриил. Как он ни трудился, ни старался, его заработка не хватало даже на еду, и семья Гемриила жила в большой нужде.

И вот однажды вернулся он с работы усталым, подсел к горящему очагу и задумался о том, как бы раздобыть денег на пропитание. Потом Гемриилу захотелось спать, он лег на кошму², разостланную на полу, и незаметно уснул.

Спит Гемриил, и снится ему, что он возле мясной лавки нашел три копейки. Думал-думал Гемриил, на что бы ему истратить эти деньги, и решил сходить в баню. И надо же случиться такому: когда он пришел в баню, там как раз мылся сам падишах. Гемриил незаметно пробрался в баню, а падишах в это время перестал мыться и прохлаждается. Гемриил быстренько моется, потом надевает падишахские наряды, выходит из бани и садится в падишахскую коляску. Вскоре Гемриила привозят в падишахский дворец. Гемриил входит во дворец и садится на трон, а слуги подают ему самые лучшие яства. Чего только там не было! Всё, что хочешь, — бери, ешь!

¹ Сказка «Гемриил» — из фольклора народа джуури. См. сайт: <https://www.skazka.ru/story/tatskie/gemriil/>

² Кошма́ — войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти. Широко применяются в быту у народов, занимающихся скотоводством: афганцев, башкир, казахов, киргизов, курдов, каракалпаков, туркмен и других.

А когда Гемриил сытно поел, слуги предложили ему отдохнуть.

Гемриил идет в покои жены падишаха, раздевается, ложится на пуховые перины, укрывается атласным одеялом. Не успел он закрыть глаза, чтобы уснуть, к нему в постель — красавица-жена падишаха. Гемриил обнимает ее, говорит ей нежные слова. Но только он собрался ее поцеловать, кто-то закричал:

— Вставай! Слышишь, вставай! Пора идти на работу! Опоздаешь на *фахлебазар*¹!

Это будила Гемриила его жена. Бедняк перевернулся с боку на бок, почмокал губами, а жена кричит:

— Вставай! Вставай!

Открыл он глаза и видит: никакой красавицы рядом нет. Разозлился Гемриил и давай кричать на жену.

— Эх, разорительница семьи, зачем разбудила меня? Я за три копейки и в бане искупался, и в доме падишаха побывал, и вкусно поел, и с женой падишаха спал! Только собрался поцеловать ее, как ты меня разбудила, не дала мне понежиться с женой самого падишаха.

— С кем понежиться, говоришь? С женой падишаха?! — заворчала жена. — Ах ты, старый дурак! Я тебе дам понежиться!..

Стала она браниться, а Гемриил говорит:

— Ну ладно, ладно тебе! Это же сон.

Как всегда, Гемриил встал, поцеловал жену и ушел на *фахлебазар* искать работу.

¹ Фахлебазар – местный рынок рабочей силы. Пришедший сюда вовремя может найти временную работу.

СОЛНЫШКО

Характерный для дербентской погоды день, каким он мне рисуется с детства, каким он случается в этом городе преимущественно осенью или в начале зимы. Тихая, но слегка ветреная прохладная погода. Пасмурно. Моросит. Солнце спряталось где-то очень высоко за слоями серых облаков — так далеко, что не угадать, где оно сейчас на небосклоне. Несколько торжественно сияет асфальт с бесчисленными лужицами на его темной поверхности. Тончайшая пленка воды блестит на осыпавшейся листве, почти полностью лишенной зелени. Чувствуется прохлада на коже собственного лица, умиротворенного омывающей его изморосью. Узнаваем особенный запах, рожденный этим состоянием города и его атмосферы.

Моя память, застигнутая аналогичными проявлениями природы, безотчетно переносит меня в детство, самые острые воспоминания которого, по-видимому, связаны именно с такой атмосферой моего родного города Дербента. Одно воспоминание накладывается на другое, и вот, наконец, я вижу день моего первого выступления в театральном, вернее, кукольном кружке *Дербентского Дома пионеров*¹.

Мне девять лет. Субботнее утро. В тоненькой курточке, неспособной надолго защитит от дождя, кепчонке, со сшитой мамой матерчатой сумкой в руках, где хаотично разложена,

¹ Дербентский Дом пионеров функционировал с 01.01.1937 г. Являлся местом, где школьники могли реализовать свои интересы, получить необходимые знания и профессиональные навыки, удовлетворить свои творческие и образовательные потребности, организовать свой досуг. Располагался по адресу ул. 3-го Интернационала, д. 8. Ныне здесь расположен Дом детского творчества «Жасмин».

как сейчас бы сказали, сменка — кеды-тапочки, шорты и маечка, я, не торопясь, направляюсь к Дому пионеров. Расстояние от улицы Советской, д. 4, где проживала моя семья, состоящая пока только еще из пяти членов — мамы, папы, младших сестры и брата, до конца моего маршрута — около полутора километров.

Это немногим больше, чем мне обычно приходится добираться до школы, но зато весь путь можно пройти по асфальтированным тротуарам и парку. Помню, в похожие дни у входа в мою школу, стояли две строительные емкости — корыта с водой. Ох, и тяжело же было счищать и смывать глину с обуви! Но, увы, с грязной обувью в школу не проскочить.

Путь к Дому пионеров пролегал вверх вдоль по улице Советской, мимо детского сада «Чебурашка», где долгое время на полставки электриком работал мой отец, жилых домов, территории общества слепоглухонемых, двух продуктовых магазинов, гастронома и универмага, далее вдоль забора Дербентского завода шлифовальных станков, мимо спорткомплекса со стадионом и открытым футбольным полем. Около проходной завода я обязательно подхожу к расположенному рядом с ней киоску «Союзпечать», жадно интересуюсь, что появилось нового на его П-образном прилавке. Конечно, в первую очередь меня интересуют почтовые марки: я собираю их с тех пор, как себя помню. Также меня интересуют разложенные здесь книжки, значки, красочные закладки для книг.

Престарелый уже тогда постоянный продавец, плохо владел русским языком, а так как информацию на ценниках писал он, иногда получалось очень неграмотно и нелепо.

Позже мы с одноклассниками приходили сюда специально, чтобы их прочитать и всегда находили что-нибудь шедеврально смешное.

Сложно поверить, но вместо того, чтобы тратить ссужаемые родителями карманные деньги, 20 копеек в день, на еду — пончики с повидлом, которые я обожал более всего, слоеное пирожное и коржики, большую часть этих средств я оставлял в этом киоске. К бесплатным маркам, снимаемым мной с конвертов писем, поступающих к нам в основном от уехавшей родственницы из Израиля, добавилось множество купленных мной здесь. Особенно трепетно я относился к художественной серии, посвященной в основном мировым шедеврам. Также мне нравились марки с животными, в том числе из экзотических стран. Прежде чем через пару лет отец привез мне в подарок из командировки в Махачкалу кляссер, я хранил марки неблагоразумно, приклеивая к обычному альбому для рисования, о чем я потом серьезно сожалел.

Мне, наверное, было 11–12 лет, когда у моего одноклассника Олега Долгова, проживающего недалеко от меня — у Сокового завода и также увлекающегося филателией, откуда-то появилась серия из пяти монгольских марок с устрашающего вида лицевыми масками. Кажется, черепа были не самым пугающим элементом на них. Размер этих марок был достаточно крупным, по крайней мере от 8 сантиметров в высоту. Как же я возжелал хотя бы одну из них! Они мне снились. Продавать их, а тем более обменивать, Олег не хотел, очевидно, имея возможность заломить нереальную сумму. Я, кажется, готов был даже украсть их у моего друга, если бы такой случай представился.

По счастью, вскоре я смог выиграть одну из вожаделенных марок в карты. Победе предшествовали несколько дней неудач и поражений, в конце концов одна из марок была поставлена им на кон. Я выиграл. На просьбы «дать отыграться» я не реагировал. Два или три года марка была в моем альбоме, пока невероятным образом не вернулась к хозяину. Я проиграл ее ему в *альчики*¹.

Однако продолжим наш путь. Покидая улицу Советскую, через парк «Зеленхоз» и далее сквозь ворота в северной крепостной стене, спускающейся от цитадели к морю, оказываемся в парке им. С.М. Кирова. В его глубине, за десятком рядов скамеек и амфитеатром летней эстрадной площадки, прячется искомая дверца одного из входов в Дом пионеров. Парадное находилось со стороны улицы 3-го Коммунистического Интернационала, и я не помню, чтобы когда-нибудь проходил через него. Я попадаю внутрь здания и, переодевшись, прохожу в помещение, в котором у нас обычно проходят репетиции.

«Вот и солнышко наше запоздавшее...» — несколько грубовато произнесла Маргарита Бахшиевна, чем несколько дезориентировала меня: долгое время я не мог понять, допускает ли она меня, таким образом, к репетиции или нет

¹ Альчики — серия популярных игр среди мальчиков Кавказа, Средней Азии и Монголии. Альчик — это название кости коленного сустава овцы или барана. Простые альчики (простушки) ценились в зависимости от своего размера и веса. Кроме простых, были особенные — биток, сочка, заточка или лобан. Лобаны отличались большими размерами и весом, их рассверливали и заливали в них свинец, чтобы они были еще тяжелее и при игре вставляли на определенную сторону. Без сомнения, альчики развивают глазомер, ведь ими нужно умело метать и попадать в другие с далекого расстояния.

Это было всего лишь третье мое посещение кружка, и я не особо хорошо знал привычки нашего художественного руководителя. Молодая женщина ставила, по-видимому, известную кукольную сказку. Над картонными декорациями, изображающими крестьянский двор с разнообразной живностью: теленком, козленком и петушком, а также откуда-то затесавшимся между ними медвежонком — вставало солнышко.

Моя роль состояла в том, чтобы, укрывшись за бутафорией, поднимать это самое яркое оранжевое картонное солнышко, закрепленное на длинной палке, когда я слышал произнесенную Маргаритой Бахшиевой фразу: «Наступило утро! Ярко переливаясь лучами, поднималось солнышко!» Продержав светило почти всё представление, которое длилось около 15 минут, я должен был опустить палку с ним, когда услышу: «Наступил вечер! Солнышко опустилось за горизонт!»

С первой частью своей роли я, думаю, что справился успешно. Однако со второй... нет. Устав держать реквизит, я ловко приспособил палку к общей декорации так, чтобы солнце «светило» по центру, а сам пошел посмотреть, как выступают мои товарищи, присев на краешек стула со стороны зрительного зала и так, чтобы меня не заметила Маргарита Бахшиевна.

Ничего сверхъестественного в их игре я не заметил, они делали это крайне неумело. Тогда я вспомнил давешние слова отца, возмущавшегося отведенной мне роли бессловесной невидимки в этом детском спектакле. Папа настаивал, чтобы я обратился к своей художественной руководительнице и отметил эту сущую несправедливость в отношении меня.

К слову сказать, это поручение отца занимало мои мысли с самого утра и сейчас захватило меня так, что я не успел вернуться за декорации к «вечернему опусканию солнца». Повторив свою фразу дважды, Маргарита Бахшиевна, будучи рассказчиком за кадром, в нервной растерянности обернулась и обнаружила меня чуть позади себя.

На ее истерические возгласы о моем «должностном несоответствии» я возразил, что она могла бы хотя бы попробовать меня на роль медвежонка или пса, чего она даже не попыталась сделать. Это был настоящий протест, первый трудовой протест в моей жизни. Обидно было и то, что мы с ней были соплеменниками и даже не очень дальними родственниками, чего она умышленно или нет не захотела учитывать.

Она указала мне на дверь. И я ушел. Ушел из кружка насовсем. Я был опустошен. В парке им. С.М. Кирова стояла тихая, но тем не менее, слегка ветреная прохладная погода. Моросило.

По прошествии более сорока лет, в такой же день с прохладой и мелким дождем, у меня появилась возможность хотя бы на несколько мгновений вернуться в свое детство. Глубокоуважаемая мною *Фрида Юсуфова*¹ пригласила меня на одно из своих многочисленных мероприятий, которое она проводила среди творческих людей нашей диаспоры. Оно проходило в ресторане за городом близ города Одинцово.

Я не узнал бы эту женщину, если бы нас не представили:
— Морголоит!

¹ Фрида Юсуфова — общественный деятель, член Союза писателей, журналистов и художников Израиля, автор многих проектов в Израиле, в Америке, России, директор передвижного музея под названием «Культура и наследие горских евреев».

«Интересная зрелая женщина», — подумал я и спросил ее, помнит ли она меня, добавив, что я был занят в ее кукольном спектакле в Доме пионеров города Дербента.

— Такого мужчину я бы запомнила, — улыбаясь, ответила она. — А кого Вы исполняли?

— Солнышко!

Дама посмотрела на меня оценивающе под некоторым углом, но, кажется, всё равно не вспомнила. Я с удовольствием подарил ей одну из своих первых книг со стихами и малой прозой.

Грань

Между сном и явью лопнула грань. Лопнула случайно, как стекло автомобиля от внезапно выброшенного из-под чужих колес камня. Наверное, на этот раз безвозвратно, и как прежде уже не будет.

Не первый раз я упираюсь в ее кроваво-соленую суть, и она всегда отталкивала меня. Теперь брожу туда-сюда, не ощущая границ. Где нахожусь, угадываю с трудом, и где бы хотел находиться сейчас — не знаю.

Хотя, знаю!.. Лучше, когда рядом ты. Где тебя носит сейчас? Приди! А, может, меня занесло куда?..

Иногда кажется, что еду в электропоезде, и даже слышно, как издают свое унылое «та-та» проходящие стыки рельсов колеса.

Сейчас же что-то не так, по-другому. Звуки слышатся отчетливо и неотвратно усиливаются.

Два круга света, как от фар электропоезда, надвигаются на меня, поглощая всё мое сознание.

Быть может, я умер?..

Свет!!! Много света! Твои красивые, нежные, добрые, влажные от слез глаза!

«Слава Богу, вернулся!» — прошептала ты.

«Сон!» — подумал я.

Потолок. Стены. Больничная койка. Медицинский прибор со своим уже знакомым унылым «та-та».

Сундучок (эссе)

Жизнь прекрасна!

Это понимается время от времени. Даже если сегодня в общем-то ничего особенного не происходит, всегда есть возможность вспомнить что-то удивительное.

Повзрослев, начинаешь понимать, что воспоминания — это необходимый багаж, который находится рядом и всегда с тобой. Так, сидя где-то в глуши на завалинке, едучи в метро, монотонно передвигаясь по беговой дорожке, помимо обычных размышлений, ты иногда открываешь этот сакральный сундучок и вспоминаешь.

Здесь всё самое прекрасное и самое ужасное из прожитого тобой. Ужасное, конечно же, лежит на дне сундучка. Вы сами его туда положили интуитивно, так как не хотите к этому возвращаться снова и снова. Яркие воспоминания аккуратно уложены поверх других. В них твои близкие и друзья — они живы, молоды и счастливы, светит солнце, и хочется жить.

Любите ли Вы вспоминать?

Попробуйте, откройте свой сундучок. Что в нем на поверхности? Наверное, Вы попытались сразу же отыскать самое худшее воспоминание из своей жизни, так как ждете от всего нового чего-то нехорошего. Так бывает. Ну, а теперь найдите что-либо положительное...

Правда ведь, неплохо что-нибудь эдакое вспомнить?

Воспоминания воздействуют на организм даже где-то физически: ускоряют ток крови по артериям и венам или приводят к оцепенению, задают определенный тонус в текучке жизни, возбуждают и вводят в депрессию, направляют мысль в том или ином направлении. Они

заставляют поднять трубку телефона и позвонить близкому человеку, прийти на могилу друга, поговорить с ним, поплакать и помолчать.

Вы скажете: зачем жить воспоминаниями?

Так не надо ими жить. Если ваша жизнь ярка и без воспоминаний, богата интересами, достойной захватывающей работой, то предаваться им, я понимаю, некогда. И лежит сундучок до поры до времени, открываясь лишь для пополнения. Здорово!

Посредством воспоминаний можно проживать счастливые минуты жизни, когда этого захочется, возвращаться в любимые места отдыха, смаковать когда-то доставленные Вам радость и удовольствие. Даже можно почувствовать их вкус, ощутить температуру, запах и пр. Можно вспоминать о своих лучших достижениях, победах, интересах, приносивших Вам удовлетворение, об удачных сделках и занятиях спортом.

А что насчет любви, воспоминаний о ней?

Ведь она была. У некоторых даже не один раз. Как же не искупаться в этом прудике или океане воспоминаний о любви?... Ведь можно вспоминать только хорошее, а не то, чем она, как и по каким причинам закончилась. Где Ваша прежняя любовь сейчас?.. Неизвестно. Вы и не кинетесь ее искать теперь, ведь она всегда здесь с Вами — в голове и на сердце.

Старые друзья, родители, дети?..

Ведь, какими бы они ни были сейчас, мы же знаем, какие они были тогда — настоящие. Детки в голубых колготках, играющие своими игрушками, делающие уроки, постигающие этот мир. Родители, такие молодые и светлые. Казалось, какие же они далекие-взрослые. Друзья — озорные и жизнерадостные.

Жизнь прекрасна!

И даже в преклонном возрасте, когда жизненная активность человека замедляется, у него есть свой, большой или маленький, сундучок, в котором можно немного покопаться. Важно оставаться самим собой, всех простить и быть всеми прощенным, быть относительно здоровым, чтобы борьба с недугами не мешала отвлекаться на хорошие воспоминания. А еще надо тренировать память, чтобы не забыть как-то нечаянно, где это Вы оставили свой сундучок.

Кладбище (эссе)

*В поте лица твоего будешь есть хлеб,
доколе не возвратишься в землю,
из которой ты взят, ибо прах ты
и в прах возвратишься.*

Первая книга Моисеева. Бытие 3:19

Случается ли Вам бывать на кладбище? Комфортно ли Вам здесь находиться? Мне — нет. Если бы не обрядовая необходимость и не желание, хотя бы таким образом воздать дань памяти усопшего, то я бы предпочел появиться здесь всего один раз, именно тот самый... последний.

Кладбище для меня подобно темной длинной извилистой штольне, вдоль закоулков которой по разные стороны незримо обитают всякого рода сущности. Ступайте по нему не задерживаясь, но не бегите. Вы же не знаете, что может побеспокоить его обитателей и как они отреагируют. Не берите ничего с кладбища и не оставляйте своих вещей, так как можете нарушить чей-то ранее заведённый порядок. И Вы, конечно же, не ведаете, как эти нечто попытаются его восстановить. Сущности, даже если они были когда-то милейшим людьми, уже далеко не те, что мирными ликами глядят на Вас с надгробий. Возможно, здесь есть такие, которые никогда людьми не бывали — кто живет и присматривает, кто кормится и охотится здесь. Отмолить целое кладбище, очистить его от всего потустороннего — нерешаемая задача. Молятся за души, а не за прах. Прошу Вас,

не ходите на кладбище без надобности, особенно как на эдакую экскурсию по достопримечательностям — мертвое для мертвых, живое для живых, и... всему своё время.

Ночь на кладбище — это табу. Если Вам неймётся в той, светлой, части существования так, что непонятной силой тянет сюда, значит Вы потеряли свой жизненный стержень. Надо срочно что-то менять.

Кладбище, очевидно, накладывает тень на всех работающих на нем людей, и они понемногу, не понимая того, становятся циничными и безразличными к чужой беде.

Что может оградить Вас от какой-либо кладбищенской напасти? На мой взгляд, это богобоязненность и вера.

Живите в свете и радости!

Жевательная резинка (эссе)

Вожделенная «Bubble Gum»... Какое же это сокровище для ребенка конца 1970-х! В моем еще советском детстве государством на производство, импорт, а, следовательно, и продажу этого продукта было наложено табу. Редкие кадры по телевидению, где взрослые люди-иностранцы жуют жвачку, воспринимались и преподносились населению, как дикость и показатель тунеядства загнивающего Запада.

Только в конце моего детства появилась жевательная резинка «*Саггыз*»¹ азербайджанского производства из смолы какого-то местного дерева. Как допустили этот беспредел, остается загадкой. Возможно, харизма и реформаторский дух тогдашнего лидера республики Гейдара Алиева позволили начать ее производство в СССР, хотя существует утверждение, что первой освоила выпуск жевательной резинки в Советском Союзе Армянская ССР (Ереванская кондитерская фабрика), затем Прибалтика, а уже затем все остальные субъекты РСФСР. Не готов оспаривать, вполне может быть, что и так, но до моего родного городка первой добралась жвачка из Азербайджанской ССР.

Нам, детям того времени, уже не понаслышке было известно о замечательном вкусном продукте с великолепными запоминающимися запахами и красочными этикетками, которые, кстати, многие коллекционировали. Привозили жевательную резинку военные, командированные и служащие как с загнивающего Запада, так и из Восточной

¹ Саггыз (сагыз) с ряда тюркских языков переводится как жвачка, жевательная резинка, смола.

Европы. На памяти резинки стран соцлагеря — «ДЪВКА» и «KOLIBRI» с изображением на фантиках героев польских мультфильмов про Лёлека и Болека, машинок и бабочек, а также привычные теперь уже западные резинки торговой марки «WRIGLEY'S». Первые уехавшие навсегда за рубеж, в основном в Израиль, земляки посылали жевательную резинку родственникам наряду с джинсами и верхней одеждой.

Цена импортных бубль-гумов достигала одного рубля за одну пластинку. Это очень дорого! Как я ни уговаривал маму, какими крокодильими слезами ни обозначал свою насущную потребность, денег на приобретение вожденного продукта я так и не получил. Тогда я воспользовался обходным путем. Ее, даже уже жеванную, можно было выменять на какое-нибудь другое лакомство. И у меня пару раз получилось это сделать. Дома у нас всегда были недорогие белого цвета карамельные конфеты, их очень любили мои уважаемые бабушки, и я разменял, наверно, килограмма полтора, пусть на неоднократно использованную, уже и не имевшую вкуса, но всё еще раздувающуюся в пузыри жвачку.

Альтернативы заводской долгоиграющей тянучке тоже существовали. Кубики чего-то белого, сантиметр на сантиметр, выдавала за настоящую жвачку, называя их, как ранее упомянутый мной ещё не производимый азербайджанский «Саггыз», пожилая женщина, живущая в доме на квартал выше. Продавалось это чудо за 20 копеек, в то время как кулек семечек стоил 5–10 копеек. Для лучшего раздува к «Саггыз» предлагался бурый шарик ещё за 5 копеек, называвшийся «патлангуш» (некоторые считают, что это сушеная ягодка черноплодной рябины). И, действительно, с этим пятимиллиметровым в диаметре шариком белая смесь пузырилась значительно лучше, увеличиваясь в объеме, а

20–25 копеек собрать уже было не так сложно из почти ежедневных 15–20 копеек карманных расходов, которые родители давали с собой в школу на покупку на большой перемене слоеного пирога, молочного коржика или пончиков с повидлом.

Была ещё одна жвачка, наверно, самая популярная тогда у детей, — гудрон, имевший нейтральный вкус и достаточно плотную консистенцию. И несмотря на долгий процесс разжевывания, он в конце концов становился мягким, и его раздували и даже лопали из него пузыри.

Да, жевательная резинка была настоящим советским дефицитом до появления, уже значительно позже, турецкой резинки «Love is» с различными изречениями во вложенных бумажных закладках. Но это уже, как говорится, другая история.

Теперь, слава Богу, есть разнообразная жвачка. Однако уже нет того вождения, яркости того ее детского восприятия, как ранее. Нынешние дети, кажется, практически охладели к ней, а я улыбаюсь, предаваясь этим моим воспоминаниям.

Список литературы

Адалова З.Д. / Развитие рыбопромышленности Дагестана в конце XIX – начале XX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета / Общественные и гуманитарные науки. — Махачкала: № 2, 2008. Стр. 5–9.

Блог маклера / Машканта в Израиле для репатриантов / 23.05.2020 г. (<https://makler.co.il/mashkanta-v-izraile-dlyanovyh-repatriantov/?ysclid=luqy6wt57a995527232>).

Блог «Полярная крачка» / В дебрях южно-дагестанских лесов. Необычная природа Самурского национального парка / Платформа «Дзен». Раздел «Путешествия» / 04.06.2021 г. (<https://dzen.ru/a/YLdY396QPGX1clor>).

Горские евреи Дагестана в национальной политике советской власти в 1920–1930-е гг. / Д.Ш. Рамазанова. — М.: Парнас, 2014. 184 с.

Еврейские колхозы в Дагестане / История / сайт GORSKIE.ru ([rogi/?ysclid=lul03q2g3p825295370](https://gorskie.ru/rogi/?ysclid=lul03q2g3p825295370)).

Исмаилов Абдулафис / Кадры для железной дороги / Сайт газеты «Дагестанская правда» / Общество/ (<https://dagpravda.ru/obshchestvo/kadry-dlya-zheleznoj-do>).

Михайлова Ирина. На родине предков. Село Хош-Мензиль / Сайт STMEGI media group. Раздел «Горские евреи» (https://stmegi.com/gorskie_evrei/posts/62946/na-rodine-predkov-selo-khoshmenzil/?ysclid=lp9rr918yi99664814).

Обобщенный банк данных «Мемориал» (сайт memorial.ru).

Портал «Памяти героев войны 1914–1918 годов» / Поиск героев войны (<http://gwar.mil.ru/heroes>).

Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. / Организация призерства семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Журнал исследований социальной политики, том 3, № 2. 2005. Стр. 147–162.

Рамазанова Д.Ш. / Горские евреи Дагестана в переселенческой политике Советской власти (1926–1933 гг.) / Научная мысль Кавказа. № 1, 2011. Стр. 89–96.

Русско-татский (горско-еврейский) словарь / Михаил Дадашев. — М.: Собрание, 2006. 287 с.

Список населенных мест Дагестанской области, сост. в 1888 году. — Петровск: типо-лит. А.И. Михайлова, 1888. 74 с.

Ханукаев Борис. Тайны слова «чуьле». Сайт STMEGI media group. Раздел «Новости» (https://stmegi.com/posts/17478/tayny_slova_chule_9472/?ysclid=m22xbvepp6304325270).

Содержание

Предисловие автора	6
Истир. Последняя еврейка, покинувшая село Аглоби (<i>повесть</i>)	23
Пролог	25
Часть 1. Пенуил	31
Глава 1.1. Дочь старосты	31
Глава 1.2. Рыбные промыслы	37
Глава 1.3. Возвращение	45
Глава 1.4. Несчастья	53
Глава 1.5. Мошолум	61
Глава 1.6. Гъомиил	69
Глава 1.7. Рахмил и Гемриил	81
Глава 1.8. Юная невеста	92
Глава 1.9. Вдова	101
Глава 1.10. Огорчения Пенуила	116
Глава 1.12. Свадьба родителей	126
Глава 1.13. Алиа	139
Часть 2. Аглобинские рассказы	152
Глава 2.1. Вдовье хозяйство	152
Глава 2.2. Домашние животные.	165
Глава 2.3. Синяя птица	173
Глава 2.4. Субтропики	178
Глава 2.5. Змеи и насекомые	183
Глава 2.6. Самогонщики	196
Глава 2.7. Дербентский рынок	199

Глава 2.8. Рыбалка	208
Глава 2.9. Ханум и минеральный источник	214
Глава 2.10. Променад к морю	219
Эпилог	229
Элементы (ветви) генеалогического древа автора	243
Очерки	251
Роман Исаевич Исаков	253
Садир Экберович Мирзоев	268
Беньягу Илизиорович Ашуров (Биня)	285
Имя	296
Солнышко	300
Грань	307
Сундучок (эссе)	308
Кладбище (эссе)	311
Жевательная резинка (эссе)	313
Список литературы	316

Рахмилов Гемриил Исаевич

Истир

Книга 4 серии «Горские евреи»

*Издательство
Литературного объединения
горских евреев России*

Примечания:

Редактор:

Фото на обложке:

Фото в текстовом блоке:

Обратная связь с автором:

Гемриил Рахмилов

Наталья Ханина

Ирина Михайлова

из семейного фотоархива;
интернет

gemriil@mail.ru

gemriil.ru

Отпечатано в типографии «Бит-Принт».

Подписано в печать 30.11.2024 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура Times. Печ. л. 24,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 5488.